

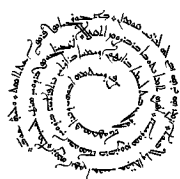
ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3(10) 2013

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (10) 2013

Established in 2009
Published four times a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

Editorial Board

Polina Dambueva, Zarema Ekba, Valentin Gusev, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbeev, Martine Robbeets (Belgium / Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmet'yanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2013

Co-published with

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (10) 2013

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия / Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2013

Совместно с

CONTENTS

No 3 (10) 2013

Maria Amelina. Nenets outerwear: parka and sovik	7
Maria Klyucheva. Mari clothes as a family heirloom (ethnographic and linguistic field materials, 2013). I. Volga and Hill Mari clothes.....	24
Elena Tsareva. Girdling space and time: tent bands / belts <i>iolam</i> in the Turkmen carpet tradition.....	58

DISCUSSIONS

Aleksandr Savelyev. Bulgar loanwords in Khanty (with A. Róna-Tas's discussion comments)	66
--	----

ON THE HISTORY OF SCIENCE

Yulia Normanskaya. On the 200th birth anniversary of Matthias Alexander Castrén (1813—1852). New data from M. A. Castrén's archive and their correlation with the material of modern languages	76
Vladimir Bogoraz. Castrén as a person and a researcher	92

FIELD AND ARCHIVE MATERIALS

Sofia Onina, Aleksey Kozlov. The dictionary of the Nizyam dialect of Khanty. I. A—S	104
Style sheet	127
How to subscribe	130

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (10) 2013

М. К. Амелина. Ненецкая верхняя одежда: парка и совик	7
М. А. Ключева. Марийская одежда как семейная реликвия (этнографические и лингвистические полевые материалы 2013 г.). I. Волжская и горномарийская одежда	24
Е. Г. Царева. Опоясывая пространство и время: ленты / полосы <i>иолам</i> в туркменской ковровой традиции	58

ДИСКУССИИ

А. В. Савельев. Булгаризмы в хантыйском языке (с дискуссионными комментариями А. Рона-Таша)	66
---	----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Ю. В. Норманская. К 200-летию со дня рождения Матиаса Александра Кастрена (1813—1852). Новые данные из архива М. А. Кастрена и соотнесение их с материалом современных языков	76
В. Г. Богораз. Кастрен — человек и ученый	92

ПОЛЕВЫЕ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

С. В. Онина, А. А. Козлов. Словарь низямского диалекта хантыйского языка. I. А—С	104
---	-----

Требования к оформлению статей	127
Как подписаться	130

Ненецкая верхняя одежда: парка и совик¹

Ненцы — самый крупный из коренных малочисленных народов Севера: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., ненцев насчитывается 44 640 человек [Перепись 2010]. Они проживают на обширной территории, площадью около 1 млн. кв. км: тундровые ненцы — от восточного побережья Белого моря (полуостров Канин Нос) на западе до нижнего течения р. Енисей (полуостров Таймыр) на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере до границы лесов на юге; лесные ненцы населяют таежную зону по р. Пур и некоторым притокам р. Обь.

Основное хозяйственное занятие ненцев — оленеводство. Ненецкое оленеводство «самое крупное по численности выпасаемых животных, около 800 000 голов, по количеству кочующих хозяйств — 13 000 и по площади земель, используемых под пастбища, — примерно 110 млн. гектар» [Южаков 2005: 93]. Очевидно, что именно оленеводство является основой не только традиционного хозяйства, но и этнической культуры ненцев. Оно дает им все самое необходимое для жизни: возможность передвижения, пищу и, конечно, материал для покрытия чума и пошива одежды — оленью шкуру, незаменимую в суровых климатических условиях Заполярья.

Даже в настоящее время (с его установкой на глобализацию) представлено широкое разнообразие традиционной ненецкой одежды, изготавливаемой из оленьих шкур. Среди верхней одежды ненцев выделяются следующие виды:

1) женская распашная паница² (ягушка³) — Т ненец. *пáны* ‘одежда’, ‘верхняя женская одежда (панница, ягушка)’ [Терещенко 1965, 2008: 442], О, Т₁, S_j., У, МВ, М *рáпнĭ* ‘Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug’ <‘женская одежда’> [Lehtisalo 1956: 341]; Л ненец. *паны, панэй* ‘одежда; верхняя женская одежда (ягушка, панница)’ [Бармич, Вэлло 2002: 104], *паннэй* ‘ягушка; одежда’ [Приходько 2000: 172, 176], *ра'пэj*⁴ ‘одежда’, *нет ра'пэj* ‘панница — верхняя женская одежда’ [Попова 1978: 92], Lj. *pann²i*, S, Nj. *pannĭ* ‘Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug’ <‘женская одежда’> [Lehtisalo 1956: 341];

2) мужская малица⁵ глухого покроя, сшитая мехом вовнутрь, — Т ненец. *малиця* ‘малица (верхняя мужская меховая одежда, шьется мехом внутрь)’ [Терещенко 1965, 2008: 225; Терещенко 1989: 49]; Л ненец. *мой* ‘малица (меховая одежда)’ [Бармич, Вэлло 2002: 74, 216], *мѳй* ‘малица’ [Приходько 2000: 78, 172], *тѳиһи* ‘малица’ [Попова 1978: 56];

3) надеваемые поверх малицы парка и совик (сокуй, гусь)⁶, сшитые мехом наружу.

Данная статья посвящена рассмотрению двух последних из перечисленных видов традиционной верхней одежды ненцев — **парке** и **совику**. В последующих работах планируется дать детальное описание малицы и паницы (ягушки).

¹ Работа выполнена при поддержке программы ОИФН «Типологическое и историческое изучение языковых явлений в их соотношении с культурной эволюцией, реконструкция культуры по данным языка» (проект «Реконструкция названий одежды в уральских и алтайских языках»).

² «Паница — зимняя женская разрезная (распашная) одежда из оленьих шкур мехом наружу, с широкими рукавами, суживающимися к обшлагам» [НАО 2001: 203]. Русское слово *панница* употребляется западнее Уральских гор — в Ненецком автономном округе (Архангельской области), Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах.

³ «Ягушка — традиционная женская меховая распашная одежда у народов Западной Сибири: шуба, с воротом или без него, подбитая тканью либо легким мехом» [ЭМ 1997]. Русское слово *ягушка* употребляется восточнее Уральских гор — в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах (Тюменской области), Ямальской, Гыданской, Тазовской и др. тундрах, Пуровской тайге.

⁴ В примерах, приводимых по [Попова 1978], символом ' обозначается ударность последующего слога.

⁵ Малица — «глухая, без разреза, одежда, сшитая из телячьих шкур (осенних или летних) мехом внутрь» [Хомич 1966: 116]. Под «телячьими» шкурами здесь и далее понимаются шкуры трех-четырёхмесячных оленят.

⁶ Русское слово *совик* преимущественно распространено на территории западнее Уральских гор, существительное *гусь* в значении верхней меховой одежды — на полуострове Ямал, а *сокуй* — на Таймыре, самой восточной территории расселения ненцев.

1. Парка и совик: лингвистический аспект

В «Ненецко-русском словаре» Н. М. Терещенко приводится имя существительное Т ненец. *парка* ‘пárка (верхняя меховая одежда мужчины)’ [Терещенко 1965, 2008: 448]; ср. также: О, Sj. *pārkkp* ‘Pelzüberrock des Mannes von der Art eines Sowiks, aber verziert und aus dünnhaarigem Herbstfell des Rentierkalbs verfertigt; wird von den Ostjaken und Wogulen getragen, wenn sie gut gekleidet sein wollen’ (‘меховая верхняя одежда мужчины, изготовленная из осенних телячьих⁷ шкур’), М *ṣē,raḱko pārkkæ* ‘weisshaariger Sowikpelz’ (‘белый совик, совик из белых шкур’) [Lehtisalo 1956: 346]. Коррелят тундровому слову находим и в лесном ненецком: Л ненец. *pālka* ‘верхняя меховая мужская одежда’ [Попова 1978: 90]; однако это существительное засвидетельствовано только в [Попова 1978] и не представлено в [Бармич, Вэлло 2002] и [Приходько 2000].

Ненецкое слово *парка* имеет соответствия в других самодийских языках: энец. *fágge* [Castrén 1855; Janhunen 1977: 116], *пагэ* [Терещенко 1971; Janhunen 1977: 116], *nágu* ‘парка (женская верхняя одежда)’, ‘одежда’, ‘шуба’, ‘костюм’ [Сорокина, Болина 2001: 98, 231, 239], *page* ‘одежда’ [Helimski 2007a]; сельк. *porqj* [Janhunen 1977: 116], *порқы* ‘парка (верхняя меховая мужская и женская одежда)’, ‘одежда’ [Ириков 1988: 58, 163], *порз*, об., кет., вас., ел. *порзэ*, кет. *порза*, об. с., тым. *порэз*, об. с., кет., вас. *порэз*, ел. *пурз* ‘шуба’, ‘одежда’, ‘листва’, тур. *poroḡə* ‘шуба’ (ср. также тур. *porki* ‘брюки’) [Быконя 2005: 193], таз. *pōrki* ‘штаны’, *porqj* ‘одежда’ [Helimski 2007b]; кам. *p^cār²ḱá*, *p^cār²ḱá* [Donner 1944; Janhunen 1977: 116]; койб. *pyrga* [Pallas 1786—1789; Janhunen 1977: 116], *прога* [Potapov 1957; Janhunen 1977: 117]; мат. *гарга* ‘шуба’, *харгамь* (PX1SG) ‘женское платье’, *аргада* (PX3SG) ‘верхнее женское платье’ [Potapov 1957; Janhunen 1977: 117]; тайг. *hārgada* (PX3SG) ‘vestis pellicea’ (‘одежда из шкур’) [Adelung mskr.; Janhunen 1977: 117]; караг. *charga* [Pallas 1786—1789; Janhunen 1977: 117].

На основании этих соответствий в [Janhunen 1977] реконструируется ПС **pårkå* ‘Kleid, Pelz’ (‘одежда, шкура’) [Janhunen 1977: 116], а также производная от этого существительного глагольная основа ПС **pårkâ-* ‘zuschneiden’ (‘кроить’) [Janhunen 1977: 117], выводимая с учетом следующих соответствий в самодийских языках: нган. *fori'éma* (AOR1SG.OBJ), *forijuama* (PRT) [Castrén 1855; Janhunen 1977: 117]; энец. *faggiabo* (AOR1SG.OBJ) [Castrén 1855; Janhunen 1977: 117]⁸; сельк. тым. *pōrgānnaB* (AOR1SG) ‘leikata nahkaa’ (‘резать кожу (шкуру)’) [Donner mskr.; Janhunen 1977: 117], об. ш., об. ч., кет., вас. *порзэлгу*, вас. *порзэлгу* ‘вспороть (рыбу)’, ‘отпороть’, ‘скроить’ [Быконя 2005: 192], таз. *pōrkijo* ‘выкроить’ [Helimski 2007b]; кам. ? *p^cārḡl'am* (PRS1SG) ‘schaben, schnitzen, schneiden’ (‘соскабливать, резать, кроить’) [Donner 1944; Janhunen 1977: 117]. В этом ряду родственных глаголов обнаруживается и Т ненец. *паркă(сь)* ‘покроить, скроить, выкроить, раскроить’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (О, Т₁ *pārkkā* ‘zu einem Kleidungsstückzuschneiden (Fell, Zeug)’ (‘кроить’), Sjo. *pārkkāṣ* id. [Lehtisalo 1956: 346]), а также Л ненец. *pālka(š)* ‘скроить, выкроить’ [Попова 1978: 90].

В работе [Аникин, Хелимский 2007: 61] указывается на возможную связь ПС **pårkå* ‘одежда, шуба’ с (?) ПТМ **perkü* ‘штаны (натазники)’: эвенк. *hэрки*, эвен. *hэркь*, орок. *пэру*, нан. Нх *пэрү*, Бк *фэру* и др. [ССТМЯ, 2: 369]; эвенк. *hōrki* ‘вид штанов (чулок, сапог) у мужчин и женщин’ [Mueller 2003: 32, 37, 238]. Но, как отмечают авторы, сравнение затрудняется «различиями в семантике и отношениями гласных» [Аникин, Хелимский 2007: 61].

В статье [Амелина, Норманская 2013: 17, 39] приводится альтернативная этимология данного прасамодийского слова: ПС **pårkå* < ПТунг **bārga-* ‘одеваться’; ср. ульч. *bargaži-* ‘одеваться’ и др. [ССТМЯ, 1: 73; EDAL].

Значения рефлексов ПС **pårkå* в самодийских языках заметно варьируются: ‘парка’, ‘женская верхняя одежда’, ‘шуба’, ‘одежда’, ‘брюки’ и др. (см. выше). Как отмечается в [Амелина, Норманская 2013: 18], возможно уточнить значение данного прасамодийского слова — ПС **pårkå* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’, — т. к. эти семы широко представлены как в северно-, так и в южносамодийских языках. Однако с уверенностью сказать, глухой или распашной была ПС **pårkå*, не представляется возможным [Амелина, Норманская 2013: 19].

Прежде всего, обратимся к семантике ненецкого существительного *парка*. Исходя из приведенных выше словарных определений, дифференциальными признаками одежды, обозначаемой ненецким словом *парка*, можно считать следующие:

- 1) эта одежда мужская;
- 2) эта одежда верхняя (надевается поверх малицы);
- 3) эта одежда сшита из оленьих шкур.

⁷ Здесь и далее под «телячьими» шкурами понимаются шкуры трех-четырёхмесячных оленят.

⁸ См. также энец. *pagi'ō* ‘небольшая доска для кройки мелких вещей’ [Helimski 2007a].

В ненецком языке существует множество производных слов, образованных от этого имени существительного по продуктивным моделям с помощью типичных суффиксов:

1. Т *паркасы(сь)* 1) ‘быть голым, нагим, обнаженным (о человеке)’, 2) (перен.) ‘быть бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448]; Л *pālka'sa(š)* 1) ‘быть раздетым’, 2) ‘быть бедным’ [Попова 1978: 90];

Т *паркасыя* 1) ‘нагота’, 2) (перен.) ‘бедность’ [Терещенко 1965, 2008: 448];

Т *паркасыда* 1) ‘голый, нагой, обнаженный’; *Сарё' тэс" Марья' паркасыда мърць' ни' ха"мыд"* ‘Дождевые капли упали на голое плечо Марьи’; *паркасыда нудакх"на* ‘голыми руками (без рукавиц)’; *Паркасыда нудакх"на янгомда мярба пьда* ‘Он стал устанавливать капкан голыми руками’; 2) (перен.) ‘бедный’ [Терещенко 1965, 2008: 448]; Л *pāl'kašata* ‘раздетый, голый’ [Попова 1978: 90] (ср. также в родственном языке: энец. *пагисыза* ‘голый, не одетый’ [Сорокина, Болина 2001: 99, 183]);

2. Т *паркасылмзь* 1) ‘оголиться, обнажиться’, 2) (перен.) ‘обеднеть, стать бедным’;

Т *паркасылворць* (многокр.) 1) ‘оголяться, обнажаться’, 2) (перен.) ‘беднеть, становиться бедным’;

Т б.-з., зап. *паркасылмдйнь(сь)* (несов.) 1) ‘оголяться, обнажаться’, 2) (перен.) ‘беднеть, становиться бедным’;

Т *паркасылмде(сь)* 1) ‘оголить, обнажить’, 2) (перен.) ‘сделать бедным’;

Т *паркасылмдембй(сь)* (длит.) 1) ‘оголять, обнажать’, 2) (перен.) ‘делать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448];

3. Т *паркаси* ‘нагишом’ [Терещенко 1965, 2008: 448], О₄ *pārkkāšip̄p̄oi* ‘nackt’ <‘нагишом; нагой, голый’> [Lehtisalo 1956: 346]; Л *pālka'si* ‘раздетый (без верхней одежды)’ [Попова 1978: 90].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1) Производные от слова *парка* широко представлены как в тундровом, так и в лесном ненецком; их количество велико. Так, в словаре [Терещенко 1965, 2008] приводится девять дериватов с этим корнем, тогда как, например, от существительного Т ненец. б.-з., зап. *савак* с аналогичным значением — ‘совик (верхняя меховая одежда мужчины, надеваемая в сильные морозы поверх малицы, шьется мехом наверх)’ [Терещенко 1965, 2008: 518] — в этом же словаре зафиксировано всего два производных: Т ненец. б.-з., зап. *савкйт(сь)* ‘быть одетым в совик, носить совик’ и *савкйць* ‘иметь совик, пользоваться совиком’ [Терещенко 1965, 2008: 519].

2) Ненецкое существительное *парка* имеет семантический потенциал к расширению своего значения, оно «стремится» к обозначению одежды в широком смысле, а не только верхней: так, его производные (с «карикативным» значением) обозначают не просто действие ‘снять парку (верхнюю одежду)’, а ‘раздеться (полностью), оголиться, обнажиться’; ср. также энец. *пагисыза* ‘голый, не одетый’ [Сорокина, Болина 2001: 99, 183]. Интересно, что в школьном словаре [Терещенко 1989] приводится только Т ненец. *паркаси* ‘нагишом’ [Терещенко 1989: 88], а само существительное *парка* отсутствует.

Здесь следует упомянуть также словосочетание Т ненец. *мъргүг' парка* ‘цветок морошки’ (букв. ‘морошки парка’) [Терещенко 1965, 2008: 448], которое также свидетельствует о тенденции к расширению значения. Ср. также значение ‘листва’ у селькупского коррелята ненецкому существительному *парка*: сельк. *порз*, об., кет., вас., ел. *порзэ*, кет. *порза*, об. с., тым. *порэз*, об. с., кет., вас. *порэз*, ел. *пурз* ‘шуба’, ‘одежда’, ‘листва’ [Быконя 2005: 193]. Например: сельк. кет. *Эран пōла порэзэм ниңгаквйттэ, чвэчэ қандэкуң, чэчольдикуң сыррэ* ‘Осенью деревья обнажаются <букв. ‘одежду сбрасывают’>, земля замерзает, выпадает снег’ [Быконя 2005: 193].

3) Как в тундровом, так и в лесном ненецком зафиксированы переносные значения с семей ‘бедный’ у производных от слова *парка* лексем: ‘не имеющий парки’ > ‘голый’ > ‘бедный’, ‘нагота’ > ‘бедность’ и т. д., — что также говорит о широком семантическом потенциале этого корня.

Следует отметить тот факт, что аналогичное семантическое расширение (‘раздеться (полностью), оголиться, обнажиться’) и развитие переносного значения ‘голый’ > ‘бедный’ характерно не только для дериватов от слова *парка*, но и для производных от Т *паны* [Терещенко 1965, 2008: 442] и Л *паны*, *панэй* [Бармич, Вэлло 2002: 104] ‘одежда’, ‘верхняя женская одежда (паница, ягушка)’⁹:

1. Т *паныся(сь)* 1) ‘быть голым, обнаженным; не иметь одежды’, 2) (перен.) ‘быть очень бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 443]; Л *pa'nāš(i)š* ‘быть голым’ [Попова 1978: 92];

Т *панысяда* 1) ‘голый, обнаженный; не имеющий одежды’, 2) (перен.) ‘очень бедный’ [Терещенко 1965, 2008: 443], О *райпэжэдэр* ‘unbekleidet, nackt’ <‘голый, обнаженный’> [Lehtisalo 1956: 341]; Л *pa'nāšata* 1) ‘голый, не имеющий одежды’, 2) ‘бедный’ [Попова 1978: 92], *панышата* ‘голый (обнаженный)’ [Бармич, Вэлло 2002: 105];

2. Т *панысялмзь* 1) ‘оголиться, обнажиться, раздеться; лишиться одежды’, 2) (перен.) ‘стать бедным’; *панысялмде(сь)* 1) ‘оголить, обнажить, раздеть; лишиться одежды’, 2) (перен.) ‘сделать бедным’;

⁹ Выше были приведены диалектные формы этого слова по разным источникам.

пӱнэсялмдембӱ(сь) (длит.) 1) ‘оголять, обнажать, раздевать; лишать одежды’, 2) (перен.) ‘делать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 443].

Как было сказано выше, судя по определениям в ненецко-русских (и ненецко-немецком) словарях, дифференциальными признаками одежды, называемой словом *парка*, являются следующие: 1) эта одежда мужская; 2) эта одежда верхняя (надевается поверх малицы); 3) эта одежда сшита из оленьих шкур. Однако такими признаками обладает не только парка.

Так, в словаре [Терещенко 1965, 2008] существительное *парка* снабжается пометой «ср. *сӱвӱк*, *сӱк*» [Терещенко 1965, 2008: 448]: Т ненец. б.-з., зап. *сӱвӱк* ‘совик (верхняя меховая одежда мужчины, надеваемая в сильные морозы поверх малицы, шьется мехом наверх)’¹⁰ [Терещенко 1965, 2008: 518] = тайм. *сок* [там же: 566] = ямал. *сӱк* [там же: 566], а также ямал. *со’ок* [sóʔõk] (по нашим полевым данным [ПМАЯ 2010]).

Возможно, существительное *сӱвӱк* (б.-з., зап.) было образовано от Т ненец. *сӱва* 1) ‘капюшон (малицы или совика)’, 2) ‘шапка, кепка’ [Терещенко 1965, 2008: 517; Терещенко 1989: 100], О, Т₁₂, S_j., I, U, M *ṣaββp* ‘Mütze’ <‘шапка’> [Lehtisalo 1956: 392]; ср.: Л ненец. *хӱ’ма* [x’ǣmmä] 1) ‘капюшон на малице или совике’, 2) ‘шапка’ [Попова 1978: 137], *хамма* ‘шапка’ [Бармич, Вэлло 2002: 135] (ср. *хама* ‘платок’ [Бармич, Вэлло 2002: 135])¹¹, *хамма* ‘шапка женская’ [Приходько 2000: 102, 172], L_j., N_j. *хаттпӱ*, Р *хаттп* ‘Mütze’ <‘шапка’> [Lehtisalo 1956: 392]. Затем в восточных диалектах Т ненец. (ямальском и таймырском) произошло стяжение: *-ӱвӱ-* > *-ӱ-* (> *-о-*).

Ненецкое слово Т *сӱва* (Л *хамма*) имеет этимологические аналоги в других самодийских языках: энец. *сой* ‘шапка’ [Сорокина, Болина 2001: 122, 307], *сое* ‘женская шапка (типа ушанки)’ [Helimski 2007a]; нган. *сӱму* ‘шапка’ [Костеркина и др. 2001: 163, 373], *сӱми* ‘шапка, капюшон сокуя’ [Helimski 2007c]; сельк. *саво* ‘шапка’ (селькупское слово зафиксировано только в [Donner 1932], в словарях [Ириков 1988; Быконя 2005; Helimski 2007b] оно отмечено не было) < ПСС **samV* ‘женская шапка-капор; капюшон’ < ПС **samV* ‘женская шапка-капор’ < ПУ **šuma* ‘головной убор, шапка’ [Амелина, Норманская 2013: 37, 40].

Мотивационная модель ‘шапка; капюшон’ > ‘верхняя меховая одежда с капюшоном’ продуктивна для Т ненец. Так, помимо слова *сӱвӱк*, которое, возможно, образовано от *сӱва* ‘капюшон (малицы или совика)’, ‘шапка, кепка’ [Терещенко 1965, 2008: 517; Терещенко 1989: 100], находим также следующие дериваты, образованные по этой мотивационной модели:

1) от формы винительного падежа множественного числа существительного *сӱва* (с чередованиями *в/б* и *а/и*) — Т *сӱбу*¹² (О *ṣaββī* [Lehtisalo 1956: 392], ср. Л N_j. *хаттпӱ* [там же: 392]) — образована лексема Т *сӱбуӱ* ‘старая поношенная одежда, надеваемая для тепла поверх основной одежды’¹³ > *сӱбуӱко* ‘то же’ [Терещенко 1965, 2008: 516], а также, по нашим данным, существительное Т ямал. *сӱбук* ‘старая поношенная одежда, сшитая из телячьей шкуры (шкуры олененка, пешки)¹⁴ мехом наружу и надеваемая для тепла поверх основной одежды’¹⁵;

2) от существительного Т *сӱбя* ‘капюшон (малицы или совика)’ [Терещенко 1965, 2008: 551], обозначающего в отличие от *сӱва* исключительно мужской головной убор, на что указывают в частности фразеологизмы *сӱр” сӱбям’ вадабӱ(сь)* ‘выращивать, растить сына’ (букв. ‘растить белый капюшон’), *сӱбя сӱр” узь* ‘быть мужчиной’ (букв. ‘быть белым капюшоном’) и *сӱбям’ мӱць* ‘быть мужского пола’ (букв. ‘носить капюшон’) [Терещенко 1965, 2008: 551—552], образована лексема Т ямал. *сӱвтя* (чередование *б/в*) со значением ‘совик из шкур с короткой шерстью, снабженный капюшоном, раскрытым по фасону женской шапки (носят такие совики дети и юноши)’ [Терещенко 1965, 2008: 552].

В лесном ненецком для обозначения одежды, называемой в Т ненец. *сӱвӱк* (*сӱк*, *сок*), используется другое слово: Л *кумӱши* ‘гусь (одежда, надеваемая поверх малицы)’ [Попова 1978: 36], *кувши* ‘совик (мужская верхняя меховая одежда, надеваемая поверх малицы)’ [Бармич, Вэлло 2002: 50], *кумӱши* ‘гусь’ [Приходько 2000: 79, 172].

¹⁰ Примеры: Т ненец. *сӱвӱк’ хоба* ‘шкура, пригодная для совика’, *ӱрӱ сӱвӱк* ‘совик из оленьей шкуры с густой шерстью’ [Терещенко 1965, 2008: 518].

¹¹ Однако в русско-ненецкой части словаря для слова ‘шапка’ приводятся оба варианта (как с одной *м*, так и с двумя буквами *мм*): *хама*, *хамма* [Бармич, Вэлло 2002: 283].

¹² Например: Т ненец. *Мальци” сӱби юг”ид* ‘Отряхни снег с капюшонов малиц’ [Терещенко 1965, 2008: 517].

¹³ От существительного *сӱбуӱ* в Т ненец. образован глагол *сӱбуӱтӱ(сь)* ‘быть одетым в старую поношенную одежду, надетую для тепла поверх основной одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 516].

¹⁴ Пешка — шкурка новорожденного олененка.

¹⁵ Автор выражает благодарность Окоэтто Хадри Хаволэвичу (Артему Игоревичу) за указание на это слово и обозначаемую им реалию.

Судя по определениям в ненецко-русских словарях, дифференциальными признаками одежды, называемой словами Т *сáвáк* (*сòк, сок*) и Л *кумиши* (*кувиши*), являются следующие: 1) эта одежда мужская; 2) эта одежда верхняя (надевается поверх малицы); 3) эта одежда сшита из оленьих шкур (мехом наружу); 4) имеет капюшон; 5) надевается в сильные морозы. Таким образом, мы видим, что три первых признака одежды *сáвáк* (совика) совпадают с признаками парки. Попробуем разобраться в различиях.

2. Парка и совик: этнографический аспект

В «Северной энциклопедии» [СЭ 2004] приводится следующее определение парки: «*Парка* — зимняя меховая распашная мужская и женская одежда, распространенная на севере Западной и частично Восточной Сибири у долган, селькупов, эвенков, кетов и др. У кетов и некоторых групп эвенков шилась из одной шкуры оленя, обернутой вокруг тела, с завязками на сходящихся спереди полах; у других — со вставными клиньями на спинке. К рукам пришивались рукавицы с разрезами для высвобождения руки. Парка у нарымских селькупов крылась поверх меха сукном. У ненцев Ямала, северных ханты и манси паркой называется глухая одежда типа сокуя, надеваемая поверх малицы» [СЭ 2004: 716].

Ср. определение парки в «Большой советской энциклопедии»: «*Парка* (у ненцев; у хантов и манси — *порхы*, у селькупов — *порга*) — название различных местных типов верхней зимней одежды в Северной Сибири, сшитой большей частью из оленьих шкур мехом наружу. В низовьях Оби (у хантов и манси)¹⁶ парка — одежда глухого покроя с капюшоном. На нижней и средней Оби (у хантов и манси), на Тазе и Турухане (у селькупов), на севере Красноярского края и в Якутии (у долган, эвенков, якутов) парка имеет вид шубы. Некоторые эвенки Восточной Сибири называют паркой свой обычный открытый кафтан. В XVIII в. русские на Камчатке называли паркой длинные меховые рубахи (кухлянки)» [БСЭ 1975].

Исходя из этих энциклопедических толкований, можно сделать вывод о том, что ненецкая парка представляет собой верхнюю (надеваемую поверх малицы) глухую (в отличие от распашных парок других северных народов) одежду, сшитую из оленьих шкур. Таким образом, у нас появляется еще один дифференциальный признак парки по сравнению с определениями этого слова в двуязычных (ненецко-русских) словарях: эта одежда глухого покроя и имеет капюшон¹⁷, что еще больше делает ее похожей на совик (Т ненец. *сáвáк*).

Ср. определение совика (сокуя) в «Северной энциклопедии» [СЭ 2004]: «*Сокуй* — совик, глухая мужская одежда мехом наружу с капюшоном, надеваемая в сильные морозы поверх малиц, кафтанов и парок. Распространен у ненцев, кетов, селькупов, эвенков, северных групп ханты, манси, долган и др. Шился из оленьих шкур. Ненцы по подолу украшали сокуй широкой полосой из собачьего меха, полосками цветного сукна, по бокам — кистями. У ненцев западных групп капюшон выкраивали с верхней частью спинки, у остальных — пришивали, у лица (он) имел песцовую опушку. У долган сокуем называли также мужскую летнюю суконную глухую одежду с капюшоном, которую носили в дождливую погоду» [СЭ 2004: 905]¹⁸.

Таким образом, сравнивая между собой энциклопедические толкования слов *парка* и *совик* (*сокуй*), можно выявить два существенных различия между этими видами традиционной ненецкой одежды:

- 1) совик (сокуй) теплее парки, именно его надевают поверх малицы в сильные морозы;
- 2) совик (сокуй) может быть сшит не только из оленьих шкур (для зимы, на случай сильных морозов и пурги), но и из сукна (для лета, на случай дождливой погоды), тогда как парка изготавливается только из оленьих шкур (для ношения поверх малицы зимой, в несильные холода).

Необходимо проверить, насколько верны эти предположения; для этого обратимся к этнографическим описаниям этих видов одежды.

Подробное описание внешнего вида и покроя ненецкой парки встречается в работе Н. Ф. Прытковой [Прыткова 1970]: «При небольших морозах поверх малицы ненцы надевали *парку* — глухую одежду, сшитую мехом наружу. Делали ее из тонких шкур оленьих телят. Раскрой ее стана имел сходство с раскроем малицы второго типа¹⁹. Характерная особенность покроя состояла в том, что спинка *парки* вы-

¹⁶ В низовьях Оби проживают также тундровые ненцы.

¹⁷ Ср. также определение парки в «Энциклопедии моды»: «*Парка* (ненец.) — традиционная верхняя одежда у народов Севера и Сибири, глухого покроя, с капюшоном, из оленьих шкур, овчины, котика, калана, птичьих шкурок, мехом наружу. Поверх надевалась камлейка. Пыжиковые парки бывают двойные: мехом внутрь и наружу» [ЭМ 1997].

¹⁸ Ср. также определение совика (сокуя) в «Энциклопедии моды»: «*Сокуй* — традиционная верхняя мужская одежда у народов Севера, глухого покроя, с капюшоном, из сукна или меха» [ЭМ 1997].

¹⁹ «Второй тип малицы — туникообразного покроя: две шкурки прямоугольной формы являлись передом и спинкой одежды; между ними по бокам вшивали две небольшие шкуры, перегнутые по вертикали. В этих шкурах

краивалась вместе с затылочной частью капюшона из одной целой шкуры, причем на капюшон приходилась часть шкуры, снятая с головы оленя. Отверстия от глаз и рогов обычно зашивали, вводя в швы светлый мех и красное сукно. В отверстия оснований ушей прикрепляли кисточки из цветных суконных полосок. Парку украшали широкой орнаментированной полосой, выполненной техникой меховой мозаики, вшитой между подолом одежды и пандой²⁰. Такие же полосы орнамента украшали лицевой край капюшона и обшлага парки. Парка, но более тщательно сшитая из низкошерстных оленьих шкур и богато украшенная меховой мозаикой, широко известна как одежда северных групп ханты и манси. Большое распространение парка имела у ненцев Ямала, живущих по соседству с обскими уграми» [Прыткова 1970] (цит. по: [УСС 2005: 7]).

В работе Н. Ф. Прытковой [Прыткова 1970] находим и описание традиционного ненецкого совика (сокуя): «В сильные холода, при больших снегопадах и в дальнюю дорогу поверх малицы ненцы надевали верхнюю глухую одежду с капюшоном, сшитую мехом наружу, — совик. Шили из выростковых шкур²¹, предпочитая мех белого цвета. Лицевую опушку капюшона из пышных песцовых хвостов делали со вздержкой. Есть два типа покроя. (...) Второй тип покроя значительно отличается от первого. Спинку совика шили из трех шкур, причем центральная шкура шилась с затылочной частью капюшона. Панда — из собачьего меха. Рукава широкие, на большой манжете мехом внутрь, по краю манжеты пришивали узкую опушку из белого меха. Украшением является узкая полоска меха размером 1 см, вшитая между подолом и пандой, и подвески из длинных полосок цветного сукна (кисти) с нашитыми полосками оленьего меха. Эти кисти нашивались в продольные боковые швы одежды» [Прыткова 1970] (цит. по: [УСС 2005: 8]).

В ходе анализа особенностей покроя и пошива парки и совика (сокуя) выявляется все больше различий между этими традиционными видами ненецкой одежды. Так, они шьются из разного материала: парка — «из тонких шкурок оленьих телят» (цвет шкуры не играет роли), совик — «из выростковых шкур», толстого осеннего неблюя, т. е. шкур пяти-шестимесячных оленят (преимущественно белого или светлого цвета). Следует отметить, что для пошива парки специально оленят не забивают, а шьют изделие из тех шкур, которые уже есть в наличии²², тогда как на пошив совика идут определенные шкуры: подросших оленят специально забивают осенью, чтобы сшить совик из их шкур [ПМАЯ 2010]. Парка и совик различаются и покроем: туникообразный покрой парки проще (две шкурки прямоугольной формы являются передом и спинкой изделия, швы на плечах), чем покрой совика.

Все эти особенности покроя и пошива парки указывают на то, что парка (в отличие от совика) является временной, «незатратной» и быстрой для изготовления одежды; здесь следует также обратить внимание на связь слов *Т парка* и *парк(сь)* ‘покрыть, скроить, выкроить, раскроить’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (подробнее см. выше), что еще раз свидетельствует о легкости покроя парки (парка — то, что кроят, то, что легко скроить).

Кроме того, капюшон совика в отличие от капюшона парки оторочен песцовым мехом, что делает совик более теплым и приспособленным для использования в сильные морозы, ведь песцовый мех, как никакой другой, защищает лицо от обморожения (Рис. 1). Подтверждение этому тезису мы находим и в работе Л. В. Хомич [Хомич 1966]: «В морозы, пургу поверх малицы носили совик (*савак, соок*), среди русского населения были распространены также названия *сокуй* на Енисее и *гусь* (Обский Север, Ямал). Совик шили мехом наружу, ворсом вниз из зимней или осенней постели²³ (иногда из няблюя). Покрой его несколько отличался от покроя малицы (...). Совик не имел рукавиц, но во всех районах расселения ненцев имел капюшон, часто с опушкой из оленьего меха с длинным ворсом или из двух песцовых хвостов. Характерно, что часть шкуры с головы оленя образовывала затылочную часть капюшона, будучи

путем надрезов делали широкие проймы для рукава с большой ластовицей, снизу — широкой полосой, расширяющей подол, пришивали верхний край панды (полосы меха шириной 17—20 см) из короткошерстной оленьей шкуры. Таким образом, панда была как бы двойная (мехом внутрь и наружу). Капюшон этой малицы пришивали непосредственно к ее вороту, делали его двойным. Кроме того, верх капюшона, состоящий из двух частей, шили из оленьего меха разного сорта (пешки (шкурка новорожденного олененка) и неблюя (шкурка трех-четырёхмесячного олененка)). (...) Второй тип малицы украшали узкими чередующимися полосками оленьего меха над пандой, иногда пришивали широкую орнаментированную полосу из цветного сукна» [Прыткова 1970] (цит. по: [УСС 2005: 7]).

²⁰ Панда (от Т ненец. *панд* '(д) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’) [Терещенко 1965, 2008: 441]) — полоса меха шириной 17—20 см, пришитая по подолу малицы мехом наружу.

²¹ Выростковые шкуры — толстый осенний неблюй (шкуры пяти-шестимесячного олененка).

²² Выражаем благодарность Окоэтто Хадри Хаволэвичу (Артему Игоревичу) за то, что он обратил наше внимание на этот факт.

²³ Постель — толстый осенний или даже зимний неблюй (шкуры пяти-шестимесячного олененка).

выкроена вместе со спинкой. Совик имел пришитый подол, иногда из меха другого цвета. Носили совик без пояса. В зависимости от окраски шкур совики бывали белые, темные, пестрые. Красивым считался совик из белого меха. Совик был одеждой для улицы, и в чум его обычно не вносили, а оставляли на улице, укладывая на нарту так, чтобы капюшон и рукава приходились внутрь. В случае остановок в пути совик заменял спальный мешок: в нем прямо ложились на снег» [Хомич 1966: 118, 120].

В монографии [Хомич 1966] есть и свидетельство того, что совик мог быть изготовлен не только из оленьих шкур, но и из сукна (Рис. 2, 3): «В плохую погоду летом поверх малицы надевался суконный совик, по покрою сходный с зимним меховым. На Ямале встречались совики из осетровой кожи, хорошо защищающие от дождя» [Хомич 1966: 122].

Ср. также другое описание совика: «Совик (*гусь, сокуй, кумиши, кумишин, савак, соок*) — верхняя меховая одежда с капюшоном, надеваемая на малицу. Одевается, как малица, через голову, носится без пояса. Совик шьют мехом наружу, ворсом вниз из зимнего или осеннего меха взрослых оленей. Следует отметить, что изготовление совика, как и любого другого вида одежды, у ненцев, как правило, сопровождается монологической внутренней речью, с помощью которой выражается отношение к тому, для кого она предназначена. Эта речь позднее может стать песней, исполняемой для всех или даже народной: “У моего мужа рядом с другими, одетыми в белые и пестрой масти гуси, — совик. Пусть не будет богатого и красивого наряда, но в стужу ему будет тепло, он будет в своем гусе слышать только завывание пурги и ветра”. (...) Совик является одеждой для улицы, дополнительным хранителем тепла, — его в сильные морозы или в пургу надевают поверх малицы, поэтому в чум обычно его не вносят, а оставляют на нартах. Кладут его так, чтобы спина была сверху, а капюшон и рукава были завернуты внутрь. Во время зимних стоянок совик может служить и спальным мешком: его стягивают вокруг ног, а капюшон и рукава вправляют внутрь и в таком виде в нем ложатся прямо на снег или в куропаткин чум²⁴. Летом в плохую погоду на малицу надевают тканый совик. Он намного короче зимнего» [Интернет-ресурс ГЦБС] (по материалам [Сусой 1994: 95; Народы России 1994: 252; Хомич 1995: 132; Мухачев 2001: 22; Чубарова 2005: 8]).

По нашим полевым данным, полученным в ходе экспедиций к тундровым ненцам Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов, в настоящее время парка не является широко распространенным видом одежды.

1) Современные тундровые ненцы, проживающие западнее Уральских гор: канинские, тиманские, малоземельские и большеземельские (Заполярный район Ненецкого автономного округа) — носят зимой малицы или нетрадиционную современную одежду (куртки, пуховики и т. д.), в пургу же и сильные морозы надевают поверх суконные совики [ПМАК 2011; ПМАБз 2012].

2) Современные тундровые ненцы, проживающие восточнее Уральских гор (по крайней мере, ямальские и гыданские), носят зимой малицы, в пургу же и сильные морозы надевают поверх малиц теплые меховые совики (Рис. 1, 4—6), а не (более «легкие») парки [ПМАЯ 2008—2009, 2010; ПМАГ 2011]. Однако это утверждение касается в первую очередь ямальских и гыданских ненцев, проживающих в самых неблагоприятных климатических условиях (севернее 70° с. ш.) — на севере полуостровов Ямал и Гыданский.

В ходе длительных экспедиций на самом севере полуострова Ямал: в с. Сё-Яха (Сеяха) Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа и на оленеводческих стойбищах в Тамбейской тундре²⁵ (близ пролива Малыгина и р. Яхады-Яха) — мы неоднократно слышали от ненцев слова Т ямал. *сõк* ‘совик’ (возможно также *со’ок* [sõʔõk]) и рус. *гусь* и всего несколько раз — *парка* [ПМАЯ 2008—2009, 2010].

По нашим полевым данным [ПМАЯ 2008—2009, 2010], совик (Т ямал. *сõк*) как вид традиционной ненецкой одежды широко распространен на севере Ямала. Его надевают в сильные морозы и пургу: сшитый мехом наружу и надетый поверх малицы (которая шьется мехом внутрь), он оберегает человека от обморожения и сильного ветра; песцовая оторочка его капюшона спасает лицо от мороза (Рис. 1). Никакая дальняя дорога (на оленьей упряжке или на снегоходе) не обходится без совика (Рис. 1, 7, 8). Нам не раз доводилось слышать от мужчин-оленевонов, как они спали на снегу в совике (гусе), надетом

²⁴ Куропатчий (куропаткин) чум — «жилище, сооруженное в снегу. Им пользовались охотники и путники, которых ночь застала в дороге. Название связано с тем, что куропатки и глухари имеют обыкновение зарываться зимой в снег. (...) Способ изготовления: снег на стоянке собирается в кучу, в ней сбоку выкапывается вход, внутренние стены закрепляются подтаивающим снегом, подогреваемым с помощью костра и бересты. (...) Размер зависел от количества ночующих. Иногда применялась простейшая форма: человек зарывался в снег, обеспечивая себе возможность переночевать в пути» [Интернет-ресурс КНЮ].

²⁵ Сами ненцы называют эти территории, расположенные севернее собственно Тамбейской тундры (примыкающей к д. Тамбей), «Ямальской тундрой» — Т ненец. *Я’ мал’ хой* ‘тундра края / конца земли’ (букв. ‘земли края / конца тундры’).

поверх малицы [ПМАЯ 2008—2009, 2010]; аналогичное свидетельство неоднократно встречается и в книгах исследователя Ямальской тундры В. П. Евладова: «По тундрам Ямала к Белому острову (Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928—1929 гг.)» [Евладов 1993] и «Полярная ямальская зимовка (Северо-Обская ихтиологическая экспедиция Всесоюзного арктического института 1935—1936 гг.)» [Евладов 2008].

Обычно ямальский совик (гусь) шьется из светлых оленьих шкур (*Рис. 1, 4—8*; ср. также *Рис. 10*), на спине он украшается полосками разноцветного сукна, вставляемыми в швы и свисающими вниз на 8—10 см (ср. *Рис. 9*); носят его всегда без пояса (*Рис. 1, 4—7*; ср. *Рис. 9, 10*), при входе в чум оставляют на улице, на нартах. Широко распространены в Ямальской тундре и суконные совики (*ной сѳк*), которые носят летом в дождливую и сырую погоду поверх малицы (или ягушки — женской распашной одежды), а также надевают, отправляясь весной или летом в дальнюю дорогу на оленьей упряжке или снегоходе (*Рис. 2, 3*) [ПМАЯ 2008—2009, 2010].

Приведем здесь пример образного употребления Т б.-з., зап. *сѳвѳк* ‘совик’ в переводе на Т ненец. стихотворения «Огонь сухой кустарник лижет...» ненецкого поэта Алексея Ильича Пичкова (1934—2006), писавшего на русском языке (перевод на ненецкий был сделан Н. В. Ледковым)²⁶:

*Хубтит хоѳт нид хо ня” лямбды”, // лемзорнѳй савак серась ну”, // есит сѳрм тецьда тѳбси” лядни,
// ханной пѳхѳртм’ ни лыдажу”* [Пичков 2000: 76].

«Вдали на гребнях гор березы // стоят, одевшись в **совики**, // и колют лед речной морозы // и камни колют на куски» [Пичков 2000: 75].

В сборнике «Ненецкий фольклор», изданном на таймырском (крайневосточном) диалекте Т ненец. [Ненецкий фольклор 1995], неоднократно встречается слово *сок* ‘совик (сокуй)’ (= ямал. *сѳк*, б.-з. и зап. *сѳвѳк*). Приведем здесь несколько примеров (с соблюдением орфографии и пунктуации источника).

1) *Пада нгани*²⁷ *тихий манзаида пѳрчаки, тахаѳда мята сюрхале такалтакты. Тахаѳда такломаданта ханота са сюрнга. Сокамта ангакая нгамчѳрта нгыл’ мѳда. Нгарка Маринчар мят’ тю* («Сидя Маринча», расск. Яптунѳ Очавка Юйнович, п. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 127].

«Он же работает на улице: сделал завалинку вокруг чума, затем собрал упряжь у всех нарт. Выбил снег из **сокуя** и спрятал его под шкуры для сидения. Вот Старший Маринча вошел в чум» («Двое Маринча», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 132].

2) *Тики хальмер’ пѳмбат тю’ есрабтада. Тандая’ сюрмы нгѳвы, падвы сок мэмы. Падвы сок нял-кѳннгада, Нгардалѳ серада* («Нгардалѳ», расск. Ямкина Мария Николаевна, п. Тухард Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 144].

«Он раскрыл захоронение и видит, что человек, только что похороненный, одет в пестрый **сокуй**. Нардалѳ снял с покойника **сокуй** и сам надел» («Нардалѳ», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 152].

Таймырское слово *сок* в издании [Ненецкий фольклор 1995] переводится на русский язык как «сокуй» и снабжается комментарием: «Сокуй (*сок*) — зимняя глухая одежда с капюшоном, шьется из оленьих шкур мехом наружу; одевается мужчинами поверх малицы» [Ненецкий фольклор 1995: 219].

Возможно, парка как вид традиционной ненецкой одежды стала отходить на второй план из-за широкого использования совика (сокуя, гуся): так, в настоящее время на полуострове Ямал парка (изделие, скроенное по типу парки) является исключительно детской одеждой (*Рис. 11*). Ср. описание детской одежды наподобие парки в исследовании Л. В. Хомич: «С одного года и до четырех-пяти лет дети носили двойную меховую одежду (мехом внутрь и наружу), напоминающую по покрою мужскую малицу с глухо пришитыми рукавичками (*парка*). К рукавам с нижней стороны часто пришивались маленькие колокольчики (особенно на одежде девочек), назначением которых было отгонять злых духов» [Хомич 1966: 132].

Однако следует еще раз отметить большое количество производных слов от лексемы *парка* в тундровом и лесном ненецком, а также некоторое расширение значения этого существительного, о котором уже говорилось выше, — «стремление» обозначать не только верхнюю одежду, но и одежду вообще, что сближает эту лексему со словом Т *пѳны* (ср. Л *паны*, *панѳй* [Бармич, Вѳлло 2002: 104]) ‘одежда’, ‘верхняя женская одежда (паница, ягушка)’ [Терещенко 1965, 2008: 442—443].

²⁶ Орфография и пунктуация источника полностью сохранены.

²⁷ Сочетание *нг* используется в издании [Ненецкий фольклор 1995] вместо буквы *н*.

Как уже указывалось в работе [Амелина, Норманская 2013: 19], общим для всех самодийцев является принцип пошива парки из оленьих шкур мехом наружу (см. об этом также выше, в первом разделе данной статьи).

Как отмечается в [Народы Западной Сибири 2005], особенности основной верхней плечевой одежды энцев совпадают с особенностями ненецкой парки, а также совика (гуся, сокуя) и малицы. Верхняя одежда энцев была глухой, с капюшоном, ее шили из шкур короткошерстных пыжиков (шкур оленят, убитых осенью) мехом наружу. Различается лишь характер украшения этой одежды: у нганасан и энцев — это отдельно выкроенный кусок в форме нагрудника, вшитый в центр переда. Ненцы, как было сказано выше, украшали парку широкой орнаментированной полосой, вшитой между подолом и пандой и выполненной в технике меховой мозаики.

Однако южносамодийские данные позволяют предположить, что первоначально прасамодийская парка (ПС **pårka*) могла быть распашной одеждой. Так, упоминание о селькупской парке как распашной одежде (без конструктивных продольных швов, «обернутой») ²⁸ встречается в материалах Е. Д. Прокофьевой: «Характерной зимней одеждой северных селькупов была *парка (паргы)* ²⁹ — открытая спереди шуба из оленьих шкур, сшитых мехом наружу. В сильные морозы поверх надевали *сокуй (соккы)*, по своему покрою ничем не отличавшийся от ненецкого *совика* (глухой одежды из оленьих шкур, сшитых мехом наружу, с пришитым к ней капюшоном). *Сокуй*, заимствованный селькупками от ненцев, бытовал только как мужская одежда: *парку* носили и мужчины, и женщины» [Прокофьева 1956: 675]. Ср.: сельк. кет. *тйбикү поргэ* ‘мужская одежда’, *нэйкү поргэ* ‘женская одежда’ [Быконя 2005: 193].

М. А. Кастрен в своей коллекционной описи приводит селькупский термин *тарый порко* ‘мохнатая парка’ (ср. сельк. вас. *тарэл поргэ* ‘меховая одежда’ [Быконя 2005: 193]): «Это короткая распашная одежда (до колен), стан ее цельнокроенный из одной шкуры, без швов на боках, с узкими полками и надрезами для пройм, куда вшивали рукава одежды. Сшита *парка* из оленьей постельной шкуры, мехом наружу; к левому борту одежды пришиты ровдужные завязки, парные к ним завязки пришиты справа на груди. Таким образом, одежда слегка запахивается слева направо. Широкий в пройме рукав заканчивается пришитой к нему камысной рукавицей — *порь*. Пришивают ее наглухо, оставляя незашитым место над ладонью для вынимания руки. К концу рукава, покрывая это отверстие, пришит клапан из черной бумажной ткани с вышивкой крестом цветными нитками» [УСС 2005: 9—10].

О распашном характере селькупской парки свидетельствует не только этнографический, но и отчасти лингвистический материал: сельк. об. с. *поргэм кэтэркү* ‘застегнуть шубу’ [Быконя 2005: 193].

Ранние источники, в которых встречаются описания ненецкой одежды: свидетельства Плано Карпини (XIII в.), сказание «О человеках неизвестных в Восточной стране» (кон. XV в. — нач. XVI в.), сочинение «О Русском Государстве» («Of the Russe Common Wealth») Джильса Флетчера (XVI в.), записи Гюйгена ван Линсхотена, участника Нидерландской экспедиции к северным берегам России в 1594—1595 гг. (кон. XVI в.), материалы Вильяма Персглоу (нач. XVII в.), сочинение «Покорение Сибири» Исаака Массы (нач. XVII в.), Есиповская летопись по Сычевскому списку (XVII в.), «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» А. Оллария (сер. XVII в.), «Путешествие в Северные страны» П. М. де Ламартиньера (1653 г.) — не дают нам ответа на вопрос о том, была ли ненецкая одежда глухой или разрезной (распашной). Однако уже описания XVIII в.: сочинения В. Ф. Зуева, П. С. Палласа («Путешествие по разным провинциям Российского государства»), И. И. Лепехина и В. В. Крестинина («Краткое географическое известие о земле самоедской») — свидетельствуют о том, что в XVIII в. одежда европейских и уральских ненцев была такой же, как и в начале XX в., т. е. мужчины носили глухую одежду (малицу, совик), а женщины — распашную [Хомич 1966: 114—116].

Однако исследователи отмечают, что у ненцев сохранились «пережитки бытования в прошлом распашной одежды у мужчин», к числу которых относится, например, обычай, сохранившийся до настоящего времени, согласно которому в чуме мужчины находятся в распашной одежде, по покрою аналогичной женской панице, ягушке [УСС 2005: 6; ПМАЯ 2008—2009, 2010]. Л. В. Хомич считает, что ненецкая распашная одежда, сохранившаяся до настоящего времени у женщин и в виде отдельных пережитков у мужчин, может быть отнесена к общесамодийскому пласту. По ее мнению, глухая одежда появилась под влиянием природных условий, а также в связи с развитием санного оленеводства, способствовавшего удлинению одежды [УСС 2005: 6—7].

²⁸ Ср. также определение парки как распашной одежды у других народов Севера: «*Парка* — зимняя меховая распашная мужская и женская одежда, распространенная на севере Западной и частично Восточной Сибири у долган, селькупов, эвенков, кетов и др. У кетов и некоторых групп эвенков шилась из одной шкуры оленя, обернутой вокруг тела, с завязками на сходящихся спереди полах (...)» [СЭ 2004: 716].

²⁹ Ср. приведенные выше селькупские диалектные формы из словаря [Быконя 2005: 193].

Сходного мнения придерживается и известный специалист в области материальной культуры Н. Ф. Прыткова. В своей работе «Одежда народов самодийской группы как исторический источник» [Прыткова 1970] она ввела в историческое изучение одежды такой важный признак, как покрой одежды. По анализу покроя Н. Ф. Прыткова приходит к выводу, что самодийские народы не являются аборигенами Севера, т. к. имеют распашную одежду (т. е. одежду южного происхождения). В составе одежды ненцев она различает три древних слоя: 1) старосамодийский — одежда без конструктивных продольных швов («обернутая»); 2) угорский — одежда туникообразного покроя; 3) древнеарктический, аборигенный — одежда глухого покроя [УСС 2005: 6].

По материалам Н. Ф. Прытковой, для всех самодийских народностей была характерна так называемая обернутая одежда — без боковых конструктивных продольных швов. Позднее, в связи с расселением в более северных широтах и развитием санного оленеводства, эта одежда была удлинена подставками и опушками, которые чрезвычайно характерны для современных северных самодийцев. По мнению Н. Ф. Прытковой, у ненцев создание глухой одежды шло двумя путями — путем приспособления старой охотничьей одежды (скрада) и путем использования опыта арктических аборигенов [УСС 2005: 6].

По всей вероятности, ненецкая парка претерпела множество видоизменений, и историческая эволюция этого вида традиционной ненецкой одежды заслуживает дальнейшего детального изучения. Также интересно проследить пути заимствования этого вида ненецкой одежды другими народами и проанализировать последующую трансформацию ненецкой парки в рамках иноязычных культур. На заимствование ненецкой парки другими народами указывают лингвистические данные: так, заимствованиями Т ненец. *парка*, несомненно, можно считать коми диал. *парка*, хант. низям., казым. *рэрха*, а также рус. сев., сиб. *пáрка* > якут. *párka* и англ. (сначала на Аляске, с кон. XIX в.) *parka, parkee* ‘вид верхней одежды (у эскимосов)’ [Аникин, Хелимский 2007: 61].

Интересен и тот факт, что в последнее время слово *парка* возвращается в русский язык уже с «обновленным значением»: «*Парка* — длинная теплая куртка, как правило с капюшоном. Парка часто путается с аноракком — легкой ветрозащитной курткой, надеваемой через голову. Основное отличие в том, что парка предназначена для защиты от холода, а анорак — от ветра» [Интернет-ресурс Парка].

Также стоит отметить, что в русских говорах полуострова Таймыр словом *парка* обозначается женская распашная одежда — паница, ягушка. Так, в уже упомянутом издании [Ненецкий фольклор 1995] ненецкое слово *пáны* переводится на русский язык как «парка» и снабжается комментарием: «*Парка* — верхняя меховая одежда женщины-ненки» [Ненецкий фольклор 1995: 219]. Приведем несколько примеров (соблюдена орфография оригинала), в которых слово *парка* в русском переводе обозначает именно женскую традиционную одежду — паницу, ягушку (Т ненец. *пáны*).

- 1) *Падвэку, падвы паным’ мэта не чедав’ нгэ” нив”*. Худанта нямыта вуни тая” («Сидя Маринча», расск. Яптунэ Очавка Юйнович, п. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 127].
«Прежняя пестрая собачонка теперь женщина в пестрой парке. Красивая³⁰ — глаза не на радуются» («Двое Маринча», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 132].
- 2) *Тад пин’ хананиди’ ханнгаха’, хонэйха’*. Иринта тавы наблюй паны’ мю’, не нгая’ юдерт’ Нгарка Маринчар хонарэй”. Сачь хонаравыню” («Сидя Маринча», расск. Яптунэ Очавка Юйнович, п. Носок Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 127].
«Затем сходили на улицу и вскоре улеглись спать. Старший Маринча лег спать под телячью парку, подаренную дедушкой, согреваясь теплом женского тела. Он погрузился в глубокий сон» («Двое Маринча», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 132].
- 3) *Хунянгы ялахана (sic!) едэй хандами минггудм’*. Чикахад та’ лехэбтаири’. Едэй панэна серибтеири’ («Мариндя пухуча», расск. Ядне Евдокия Андреевна, п. Тухард Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 162].
«Завтра сделаю новую нарту, а вы вдвоем оденьте ее³¹ в новую парку» («Старушка Мариндя», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 165].
- 4) *Панэдами нидам” сертангу. Няхар”* Пякхад хувы панэду’ сава. Панэри нгэя, нгамгэри нгэя («Ламдик вэсако», расск. Ядне Нина Михайловна, п. Тухард Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 168].
«Сошьем же одежду. Одежда, полученная от трех Пяков, тоже хорошая. Хоть парка, хоть другая одежда (букв. ‘вещь’)»³² («Старик Ламдик», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 174].

³⁰ В ненецком языке нет грамматической категории рода.

³¹ То, что речь идет о персонаже женского пола, ясно из более широкого контекста.

³² Здесь многозначное ненецкое слово *пáны* переводится на русский язык двумя разными словами — «одежда» и «парка» (для обозначения именно женской традиционной одежды).

- 5) *Мань нгани мякычани ни' тангы панэми серадм', ними серадм'. Сингг нготабе пиби серадм'* («Ламдик вэсако», расск. Ядне Нина Михайловна, п. Тухард Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края) [Ненецкий фольклор 1995: 170].
 «А я надела³³ на домашнюю одежду летнюю **парку**, **подпоясалась**. Надела летние замшевые бакари³⁴ <...>» («Старик Ламдик», пер. Лабанаускас К. И.) [Ненецкий фольклор 1995: 176].

Рис. 1. Юноша из рода Яптик в традиционном ямальском меховом гусе (совике) на привале во время многодневной поездки на снегоходах. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра (ЯНАО, Ямальский р-н); конец апреля 2010 г.
 Фото М. К. Амелиной.

Рис. 2. Мужчина-ненец в сукольном гусе (совике) во время поездки на оленьей упряжке. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра (ЯНАО, Ямальский р-н); начало июля 2009 г.
 Фото М. К. Амелиной.

Рис. 3. Женщина и девушка из рода Вануйто помогают девушке из рода Тусида надеть поверх ягушки (паницы) сукольный гусь (совик), чтобы ее не продуло во время долгой поездки на оленьей упряжке. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семей Вэнго и Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2009 г.
 Фото М. К. Амелиной.

Рис. 4. Дети из рода Окоэттто в традиционной одежде (перед дальней дорогой на снегоходах): ягушке (панице), меховом гусе (совике) и малице (слева направо). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; конец апреля 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

³³ В ненецком языке нет грамматической категории рода. То, что речь идет о персонаже женского пола, ясно из более широкого контекста.

³⁴ Бакари (кисы, пимы): Т ненец. *пи́ва* ‘пимы (обувь из оленьего меха, шьется мехом наружу)’, *пи́ва* ‘пим’ [Терещенко 1965, 2008: 461], О, Sj., У *рiввр*, Т1, М *рiввæ* [Lehtisalo 1956: 382]; Л ненец. *р’ета* [r’et̚a] ‘пим’, *р’ета?* ‘пимы (зимняя обувь мехом наружу)’ [Попова 1978: 98], *нема* ‘кисы, пимы (обувь, сшитая из оленьих шкур)’, ‘обувь (любая)’ [Бармич, Вэлло 2002: 108], Lj., S, Nj. *р’еттрә* [Lehtisalo 1956: 382] — это верхняя длинная (выше колена, с длинным голенищем) обувь, сшитая из камысов (шкур с ног оленя) шерстью наружу и надеваемая поверх меховых чулок, сшитых шерстью вовнутрь.

Рис. 5. Окоэтто Аркадий Хаволэвич (Игоревич) в традиционном ямальском меховом гусе (совике) перед дальней дорогой на снегоходе (сидя). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; конец апреля 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 6. Окоэтто Аркадий Хаволэвич (Игоревич) в традиционном ямальском меховом гусе (совике) перед дальней дорогой на снегоходе (стоя). П-ов Ямал, с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; конец апреля 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 7. Ненецкие мужчины в меховом (слева) и суконном (справа) совиках и мальчики в малицах и маличных сорочках (на заднем фоне) заправляют снегоходы топливом во время дальней дороги. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра (ЯНАО, Ямальский р-н); конец апреля 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 8. Мужчина-ненец в меховом гусе (совике) запрягает оленей. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окоэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); конец апреля 2010 г. Фото М. К. Амелиной.

Рис. 9. Дети в украшенных сукном меховых совиках. Большеземельская тундра (НАО, Заполярный р-н), 2011 г. Фото П. И. Выучейской (жительницы с. Красное Заполярного р-на НАО).

Рис. 10. Мужчина-ненец в традиционном меховом совике и ненецкие женщины в праздничных паницах с узорами. Большеземельская тундра, стойбище общины Ямб-То (НАО, Заполярный р-н). Фото из фондов Ненецкого краеведческого музея (г. Нарьян-Мар, НАО).

Рис. 11. Мальчик в традиционной парке с затягивающимся капюшоном. Байдарацкая тундра, апрель 2011 г. Фото Татьяны Ваграменко.

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский
 кам. — камасинский
 караг. — карагасский
 койб. — койбальский
 мат. — маторский
 нан. — нанайский

Бк — бикинский диалект
 Нх — найхинский диалект

нган. — нганасанский
 ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Лj. — ляминский диалект [Lehtisalo 1956]

S — сахалинский говор (по р. Сахалинская) [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский диалект [Lehtisalo 1956]

P — пуровский диалект [Lehtisalo 1956]

T — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

I — ижемский говор [Lehtisalo 1956]

MB — усть-цилемский говор [Lehtisalo 1956]

Sj. — усинский говор (говор по р. Уса) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор (говор с. Устье — Пустозерска) [Lehtisalo 1956]

зап. — западные диалекты

M — мезенский говор [Lehtisalo 1956]

тайм. — таймырский диалект

ямал. — ямальский диалект

O, O₄ — обдорский говор (говор г. Обдорска, ныне — г. Салехарда) [Lehtisalo 1956]

T₁, T₁₂ — тазовский диалект [Lehtisalo 1956]

орок. — орокский

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

ПТМ — пратунгусо-маньчжурский

ПТунг — пратунгусский

ПУ — прауральский

рус. — русский

сев. — севернорусское наречие

сиб. — сибирские говоры

сельк. — селькупский

вас. — васюганский диалект

ел. — елогуйский диалект
кет. — кетский диалект
об. — диалекты обского ареала
с. — обские говоры сюсюкумов
ч. — обские говоры чумылькупов
ш. — обские говоры шёшкупов
таз. — тазовский диалект
тур. — туруханский диалект
тым. — тымский диалект
тайг. — тайгинский
ульч. — ульчский
хант. — хантыйский
казым. — казымский диалект
низям. — низямский диалект
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
энец. — энецкий
якут. — якутский

Полевые материалы

ПМАБз 2012 — полевые материалы из экспедиции в с. Красное Заполярного района Ненецкого автономного округа (март, август 2012 г.); большеземельский диалект Т ненец.
ПМАГ 2011 — полевые материалы из экспедиции в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа (сентябрь 2011 г.); гыданский диалект Т ненец.
ПМАК 2011 — полевые материалы из экспедиции в с. Ома Заполярного района Ненецкого автономного округа (май — июнь 2011 г.); канинский диалект Т ненец.
ПМАЯ 2008—2009 — полевые материалы из экспедиции в с. Сё-Яха (Сеяха) и Тамбейскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (сентябрь 2008 г. — сентябрь 2009 г.); ямальский диалект Т ненец.
ПМАЯ 2010 — полевые материалы из экспедиции в с. Сё-Яха (Сеяха) и Тамбейскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (апрель — сентябрь 2010 г.); ямальский диалект Т ненец.

Общие

букв. — буквально	AOR — аорист
диал. — диалект, диалектный	OBJ — объектное спряжение
длит. — длительный	PRS — презент, настоящее время
многокр. — многократный	PRT — претерит
несов. — несовершенного вида	PX — посессивный аффикс
перен. — переносное значение	SG — единственное число
расск. — рассказчик	1 — первое лицо
	3 — третье лицо

Литература

Амелина, Норманская 2013 — Амелина М. К., Норманская Ю. В. История исконных названий одежды и обуви в ненецком языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 2 (9). С. 13—61. {Amelina M. K., Normanskaja Ju. V. Istorija iskonnyx nazvanij odeždy i obuvi v neneckom jazyke // Uralo-altajskie issledovanija. 2013, 2 (9). P. 13—61.}
Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {Anikin A. E., Xelimskij E. A. Samodijsko-tunguso-man'čžurskie leksičeskie sv'azi. M., 2007.}
Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {Barmič M. Ja., Vello I. A. Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt): Okolo 6500 slov. Posobie dl'a učaščixs'a načal'noj školy. 2nd izd. SPb., 2002.}
БСЭ 1975 — Большая советская энциклопедия. Т. 19 / Гл. ред. Прохоров А. М. М., 1975 // <http://bse.sci-lib.com>. {Bol'shaja sovetskaja enciklopedija. Vol. 19 / Ed. Proxorov A. M. M., 1975 // <http://bse.sci-lib.com>.}
Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005. {Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Ed. Bykon'a V. V. Tomsk, 2005.}

Евладов 1993 — *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928—1929 гг. Тюмень, 1993. {*Evladov V. P.* Po tundram Jamala k Belomu ostrovu: Ekspedicija na Krajnij Sever poluostrova Jamal v 1928—1929 gg. T'umen', 1993.}

Евладов 2008 — *Евладов В. П.* Полярная ямальская зимовка: Северо-Обская ихтиологическая экспедиция Всесоюзного арктического института 1935—1936 гг. Екатеринбург, 2008. {*Evladov V. P.* Pol'arnaja jamal'skaja zimovka: Severo-Obskaja ixtiologičeskaja ekspedicija Vsesojuznogo arktičeskogo instituta 1935—1936 gg. Ekaterinburg, 2008.}

Интернет-ресурс ГЦБС — Губкинская централизованная библиотечная система: Электронная библиотека о Ямале. Традиционная одежда ненцев // http://www.gublibrary.ru/pub/Odejda/ODEJDA_NENCEV.htm, 2005—2009. {Gubkinskaja centralizovannaja bibliotečnaja sistema: Elektronnaja biblioteka o Jamale. Tradicionnaja odežda nencev // http://www.gublibrary.ru/pub/Odejda/ODEJDA_NENCEV.htm, 2005—2009.}

Интернет-ресурс КНЮ — Электронная антология: Культурное наследие Югры. 80 лет Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре // <http://hmao.kaisa.ru/object/1809301538?lc=ru>. {Elektronnaja antologija: Kul'turnoe nasledie Jugry. 80 let Xanty-Mansijskomu avtonomnomu okrugu — Jugre // <http://hmao.kaisa.ru/object/1809301538?lc=ru>.}

Интернет-ресурс Парка — Парка. Статья на сайте «Википедия» // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%F0%EA%E0>. {Parka. Stat'ja na sajte "Wikipedia" // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%F0%EA%E0>.}

Ириков 1988 — *Ириков С. И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988. {*Irikov S. I.* Slovar' sel'kupsko-russkij i russko-sel'kupskij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. L., 1988.}

Костеркина и др. 2001 — *Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский: Около 7000 слов. СПб., 2001. {*Kosterkina N. T., Momde A. Č., Ždanova T. Ju.* Slovar' nnganasansko-russkij i russko-nnganasanskij: Okolo 7000 slov. SPb., 2001.}

Мухачев 2001 — *Мухачев А. Д.* Путешествие в мир оленеводов. Новосибирск, 2001. {*Muxačev A. D.* Putešestvie v mir olenevodov. Novosibirsk, 2001.}

НАО 2001 — Ненецкий автономный округ: Энциклопедический словарь / Гл. ред., сост. *Корепанова Л. Ю.* М., 2001. {Neneckij avtonomnyj okrug: Enciklopedičeskij slovar' / Ed. *Korepanova L. Ju.* M., 2001.}

Народы Западной Сибири 2005 — Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. *Гемуев И. Н., Молодин В. И., Соколова З. П.* М., 2005. {Narody Zapadnoj Sibiri: Xanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Ency. Nnganasany. Kety / Ed. *Gemujev I. N., Molodin V. I., Sokolova Z. P.* M., 2005.}

Народы России 1994 — Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. *Тушков В. А. М.*, 1994. {Narody Rossii: Enciklopedija / Ed. *Tiškov V. A. M.*, 1994.}

Ненецкий фольклор 1995 — Ненецкий фольклор: Мифы. Сказки. Исторические предания. (Серия «Фольклор народов Таймыра». Вып. 5.) / Сост. и пер. *Лабанаускас К. И.* Ред. *Ненянг Л. П., Яптунэ Р. П.* Красноярск, 1995. {Neneckij fol'klor: Mify. Skazki. Istoričeskie predanija. (Serija "Fol'klor narodov Tajmyra". Vyp. 5.) / Sost. i per. *Labanauskas K. I.* Ed. *Nen'ang L. P., Japtune R. P.* Krasnojarsk, 1995.}

Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. {Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 g. Vol. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, graždanstvo // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.}

Пичков 2000 — *Пичков А. И.* Куда бегут мои олени... (Стихи). Ханя' мэтини' няваты"... (Вадасэ") / Пер. с рус. на ненец. *Ледков В. Н.* СПб., 2000. {*Pičkov A. I.* Kuda begut moi oleni... (Stixi). Xan'a' metini' n'awaty"... (Wadas'o") / Transl. from Rus. to Nenets *Ledkov V. N.* SPb., 2000.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.) Szeged, 1978. {*Popova Ja. N.* Nenecko-russkij slovar': Lesnoe narečie. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.) Szeged, 1978.}

Приходько 2000 — *Приходько М. С.* Хомаку: Картинный словарь русско-нешанского языка. СПб., 2000. {*Prihod'ko M. S.* Xomaku: Kartinnij slovar' russko-neščanskogo jazyka. SPb., 2000.}

Прокофьева 1956 — *Прокофьева Е. Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.—Л., 1956. С. 665—686. {*Prokofjeva E. D.* Sel'kupy // *Narody Sibiri.* M.—L., 1956. P. 665—686.}

Прыткова 1970 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1—99. {*Prytkova N. F.* Odežda narodov samodijskoj gruppy kak istoričeskij istočnik // *Odežda narodov Sibiri.* L., 1970. P. 1—99.}

Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий: Около 6000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. СПб., 2001. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Slovar' enecko-russkij i russko-eneckij: Okolo 6000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. SPb., 2001.}

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2 / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Л., 1975—1977. {*Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov.* Vol. 1—2 / Ed. *Cincius V. I.* L., 1975—1977.}

Сусой 1994 — *Сусой Е. Г.* Из глубины веков. Тюмень, 1994. {*Susoj E. G.* Iz glubiny vekov. T'umen', 1994.}

СЭ 2004 — Северная энциклопедия / Рук. проекта *Голубчикова В. Д.* Сост. *Акбал'ян Е. Р.* М., 2004. {*Severnaja enciklopedija / Ruk. proekta Golubčikova V. D.* Sost. *Akbal'jan E. R.* M., 2004.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М.—Л., 1965. {*Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. M.—L., 1965.}

Терещенко 1971 — *Терещенко Н. М.* К сравнительному изучению лексики самодийских языков // Советское финно-угроведение. 1971, 7. С. 285—297. {*Tereščenko N. M.* K sravnitel'nomu izučeniju leksiki samodijskix jazykov // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1971, 7. P. 285—297.}

Терещенко 1989 — *Терещенко Н. М.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. Л., 1989. {*Tereščenko N. M.* Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. 2nd izd. L., 1989.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. SPb., 2008.}

УСС 2005 — Узоры северного сияния. Т. 2. Самодийские народы / Отв. ред. *Лукина Н. В.* Сост. *Сязи А. М.* Салехард — СПб., 2005. {*Uzory severnogo sijanija. Vol. 2. Samodijskie narody / Ed. Lukina N. V. Sost. S'azi A. M. Salexard — SPb., 2005.*}

Хомич 1966 — *Хомич Л. В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {*Xomič L. V.* Nency: Istoriko-etnografičeskie očerki. M.—L., 1966.}

Хомич 1995 — *Хомич Л. В.* Ненцы. СПб., 1995. {*Xomič L. V.* Nency. SPb., 1995.}

Чубарова 2005 — *Чубарова Л.* Медвежий след и локоть лисицы // Северные просторы. 2005, апрель. С. 8. {*Čubarova L.* Medvežij sled i lokot' lisicy // Severnye prostory. 2005, April. P. 8.}

ЭМ 1997 — *Андреева Р. П.* Энциклопедия моды. СПб., 1997 // http://enc-dic.com/enc_fashion. {*Andreeva R. P.* Enciklopedija mody. SPb., 1997 // http://enc-dic.com/enc_fashion.}

Южаков 2005 — *Южаков А. А.* Оленеводство как основа традиционного хозяйства и этнической культуры ненцев // *Харючи С. Н., Харючи Г. П., Южаков А. А., Хайруллина Н. Г.* Ненцы Ямала: Кочевники и хранители традиций (К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа) / Отв. ред. *Южаков А. А.* Тюмень — Салехард, 2005. С. 89—152. {*Južakov A. A.* Olenevodstvo kak osnova tradicionnogo hoz'ajstva i etničeskoj kul'tury nencev // *Xar'uči S. N., Xar'uči G. P., Južakov A. A., Xajrullina N. G.* Nency Jamala: Kočevniki i xraniteli tradicij (K 75-letiju Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga) / Ed. *Južakov A. A.* T'umen' — Salexard, 2005. P. 89—152.}

Adelung mskr. — *Adelung J. C.* Manuskripte in der Allgemeinen Bibliothek zur Sankt-Petersburg.

Castrén 1855 — *Castrén M. A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen / Bearb. von *Schiefner A.* St. Petersburg, 1855.

Donner 1932 — *Donner K.* Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki, 1932. (= MSFOu. 1932, 64.)

Donner 1944 — *Donner K.* Kamasisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik / Bearb. und hrsg. von *Joki A. J.* (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VIII.) Helsinki, 1944.

Donner mskr. — *Donner K.* Manuskripte in dem Archive der Finnisch-ugrische Gesellschaft.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

Helimski 2007a — *Helimski E.* Энецкие словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski E.* Eneckie slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}

Helimski 2007b — *Helimski E.* Селькупские словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski E.* Sel'kupskie slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}

Helimski 2007c — *Helimski E.* Нганасанские словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski E.* Nganasanskie slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. (Castrenianumin toimitteita, 17.) Helsinki, 1977.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII.) Helsinki, 1956.

Mueller 2003 — *Mueller G. F.* Nachrichten über Volker Sibiriens (1736—1742) / Hrsg. *Helimski E., Katz H.* Hamburg, 2003. (= HSFM. 2003, 2.)

Pallas 1786—1789 — *Pallas P.* Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. I—II. Petropoli, 1786—1789.

Potapov 1957 — *Potapov L. P.* Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1957, 59/1. P. 1—104.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются семантические особенности ненецких слов *парка* 'пárка (верхняя меховая одежда мужчины)' и *сáвăк* (сок, сôк) 'совик (верхняя меховая одежда мужчины, надеваемая в сильные морозы поверх малицы, шьется мехом наверх)', приводится их этимология. Также в статье уделяется внимание дифференци-

альным признакам парки и совика (гуся, сокуя), дается детальное описание их различий (с привлечением полевого материала).

SUMMARY

The article deals with the semantic peculiarities and etymology of the Tundra Nenets words *parka* 'parka (men's upper fur clothes)' and *săwăk* (*sok, sōk*) 'men's upper fur clothes, worn in severe frost over another piece of clothes (malitsa), sewn the way that fur is on the outer side'. The author also focuses on the differential features of clothes *parka* and *săwăk* (*sok, sōk*) and provides a detailed description of differences between them (involving field materials).

Ключевые слова: ненецкий язык, самодийские языки, семантический анализ, традиционная одежда, парка, особенности покроя

Keywords: Nenets, the Samoyedic languages, semantic analysis, traditional clothes, parka, tailoring peculiarities

Марийская одежда как семейная реликвия
(этнографические и лингвистические полевые материалы 2013 г.)
Часть I. Волжская и горномарийская одежда

Марийская одежда является одной из центральных тем этнографического изучения марийской культуры уже с XVIII в. (Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г. Георги). Тогда же были изданы первые словари «черемисского» (марийского) языка, включающие лексику одежды. Наиболее значительные исследования по марийской одежде относятся к XX в.: это работы Т. Е. Евсевьева (Евсеева) [Евсевьев 1927], Н. И. Гаген-Торн [Гаген-Торн 1960], Т. А. Крюковой [Крюкова 1951], Т. Л. Молотовой [Молотова 1992], И. Лехтинен [Lehtinen 1999]. Из отечественных публикаций начала XXI в. выделяются книги И. А. Степановой о марийской вышивке [Степанова 2005], Т. Л. Молотовой — о традиционном ткачестве [Молотова 2004], А. Н. Павловой, рассмотревшей марийскую одежду в семиотическом аспекте [Павлова 2004], Г. И. Соловьевой, исследовавшей терминологию марийской вышивки [Соловьева 1982, 2002].

Лексика одежды представлена во всех основных марийских словарях; об истории изучения и статистике представленности этой группы лексики в марийских словарях см. [Тимиряева 1997: 18—22]. Этимология лексики одежды разрабатывалась ведущими зарубежными и отечественными финно-угроведами: М. Рясаненом, Х. Паасоненом, Г. Березки, К. Редери, Д. Е. Казанцевым, И. С. Галкиным, Н. И. Исанбаевым, Ф. И. Гордеевым, М. Р. Федотовым и другими исследователями. Обобщающее значение в этой области имеет книга И. И. Тимиряевой «Лексика одежды в марийском языке» [Тимиряева 1997], в которой приводится этимологический анализ 344 названий одежды в марийском языке.

Вместе с тем и сегодня полевые исследования, касающиеся марийской одежды и лексики одежды, сохраняют свою актуальность, т. к. специфические диалектные названия одежды, особенности произношения общемарийских слов, а также особенности самих предметов одежды и способов их ношения у разных этнографических групп мари характеризуются большим разнообразием и описаны далеко не в полной мере. Недостаточно в отечественной литературе описаны традиционные украшения, однако этот пробел отчасти компенсируется богато иллюстрированной книгой И. Лехтинен на финском языке о женских украшениях в Центральной России и Западной Сибири, где марийским украшениям уделено 20 страниц [Lehtinen 1979: 115—136].

Темой нашей статьи стал обзор пяти частных семейных коллекций марийской одежды, с которыми мы имели возможность ознакомиться летом 2013 г. В них представлены только женская одежда и украшения, и их хранительницами являются самые старшие женщины в марийских семьях. Первые три из них — жительницы д. Малые Параты Волжского района Республики Марий Эл (1927, 1949 и 1950 гг. р.); четвертая — уроженка д. Сарлатово Горномарийского района РМЭ (1948 г. р.), жительница г. Йошкар-Ола; пятая — уроженка д. Кожласола (ныне не существует) Новоторъяльского района РМЭ (1935 г. р.), также проживающая в г. Йошкар-Ола. Таким образом, в нашем небольшом исследовании представлены три разные этнографические группы мари: луговые юго-восточные, горные и луговые северо-восточные. Ниже в тексте статьи ссылки на информантов из разных районов приводятся следующим образом: [В1], [В2], [В3] — три информанта из Волжского района РМЭ, [Г] — из Горномарийского, [Т] — из Новоторъяльского.

В настоящее время традиционная марийская одежда редко используется по своему прямому назначению. Иногда некоторые пожилые женщины надевают ее на праздники (как правило, праздники деревни), в недавнем прошлом надевали на свадьбы. В основном же предметы старинной одежды хранятся дома в качестве семейных реликвий.

В первой части статьи сначала приводится описание вещей, входящих в каждую из четырех коллекций (с фотографиями). Во второй части статьи будет представлено описание вещей из пятой коллекции, а также словарь марийской терминологии, касающейся одежды. Этот словарь составлен только по материалам рассказов наших информантов о своих вещах и снабжен языковыми примерами также только из данных интервью 2013 г.; в словаре даны справки по этимологии большинства лексем. Совмещение этнографического и лингвистического подходов позволяет не только ознакомиться со значением лексем в словесном описании, но и рассмотреть вещи и способы их ношения непосредственно по фотографиям.

1. Волжская коллекция М. Ф. (1927 г. р.), уроженки и жительницы д. Малые Параты Волжского района РМЭ [В1]

Рис. 1. На семейной фотографии, сделанной около 1955 г., М. Ф. стоит справа; здесь же ее муж, свекровь, сестра и сыновья. На женщинах черные летние кафтаны (*шовыр*), передники (*сапон*), полные комплекты нагрудных и головных серебряных украшений (*ший*); головы убраны шарпаном (головным полотенцем).

Рис. 2, 3. В деревнях вещи (старинная марийская одежда) хранятся в снях (*пылдыр, пылдырыште*) в сундуках.

Рис. 4. Самые старинные вещи, хранимые М. Ф., принадлежали ее свекрови — П. С. (1892 г. р.), уроженке д. Мари-Отары Звениговского района РМЭ, жительнице д. Малые Параты, куда она вышла замуж. На фотографии П. С. с мужем в молодости: шарпан на голове, украшение из монет (*шүгыр*?) на шее.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

1.1. Вещи П. С., хранимые М. Ф.

1) Две рубашки (*мари тыгыр, мари тугыр*) начала XX в. сшиты из домотканого хлопчатобумажного холста (*мамук*) на машинке (в этой семье швейная машинка «Зингер» появилась очень рано).

Рис. 5, 6. Первая рубашка хранится в мешочке из домотканого холста с кружевом.

Рис. 7—13. Покрой рубашки — туникообразный, с характерными маленькими треугольными вставками под мышкой.

Рис. 14—24. *Вторая рубашка* такая же, как и первая, по крою, отличается отделкой подола (только вышивка без кружева).

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 16.

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Рис. 24.

2) Старинные подштанники (*йолаки*) сшиты вручную из домотканого холста.

Рис. 25, 26. Покрой этих подштанников очень сложен.

Рис. 27, 28. Вид подштанников с изнанки.

Об этой вещи нам никто из информантов ничего рассказать не смог; вероятно, это очень старая вещь, давно вышедшая из употребления. Об аналогичных женских подштанниках см. [Молотова 1992: 24].

Рис. 25.

Рис. 26.

Рис. 27.

Рис. 28.

3) Два горномарийских пояса: ткали и продавали такие пояса горномарийские женщины, но они были обязательной частью женского костюма у данных луговых мари. Такие пояса называли *курыкмари ушитö* 'горномарийский пояс'.

Рис. 29, 30. Первый горномарийский пояс.

Второй горномарийский пояс (с розовыми кисточками) см. на фотографиях женщины в рубашке выше (*Рис. 16, 17*).

Рис. 29.

Рис. 30.

4) Два пояса (*шовыр үште*), которые повязывают в комплекте свадебного наряда поверх черного кафтана *шовыр*, зимой — даже поверх шубы *ужга*. Такие пояса ткали из шерсти (*меж*) и продавали чувашские женщины (*кукмари*).

Рис. 31. Эти пояса длиной около трех метров и шириной 33 см (зеленый) и 39 см (синий).

Рис. 31.

5) Два головных полотенца (*шарпан*).

Рис. 32—36. Шарпан 1.

Рис. 37—39. Шарпан 2.

Рис. 32.

Рис. 33.

Рис. 34.

Рис. 35.

Рис. 36.

Рис. 37.

Рис. 38.

Рис. 39.

6) Десять начельшей¹ (нашмак).

Рис. 40—42. Длина нашмака — около 33 см (видимо, по стандартной ширине холста), а ширина — примерно 3—5 см. Его прикладывали на голову выше линии волос под шарпан. О нашмаке: *Тиде мыян деч ожно ыштыме тавар* 'Это раньше нас сделанный (старинный, более раннего поколения) товар' [В1]. Такие нашмаки в свое время покупали у продававших их мастериц.

Рис. 40.

Рис. 41.

¹ Начельш — то, что накладывается на чело, лоб; деталь головного убора, узкая орнаментированная полоска холста, составляющая комплект с шарпаном (головным полотенцем).

Рис. 42.

7) Старинные бусы (*шер* или *рес*?) из хрупкого блестящего стекла — принадлежность костюма «свадебной женщины» (*сун вате*), т. е. гостьи, которая в компании других таких же женщин поет и танцует на свадьбе.

Рис. 43. Стекланные бусы висят спереди (на груди), а украшенные разноцветными нитяными шариками и помпошками «хвосты», завершающиеся монетами на концах (серебряными, середины XIX в.), висят на спине. В начале разговора М. Ф. назвала эту вещь *рес* (< рус. *крест*), а в конце — *шер* ‘бусы’; в конце она даже подтвердила, что это не *рес*, а *шер*, что *рес* — это нательный крестик. Однако, возможно, что в первый раз М. Ф. не ошиблась, а употребила устаревшее слово, т. к. в данной деревне другое украшение из серебряных монет (о котором мы расскажем ниже) называют *посторескыл*, хотя в нем тоже никакие крестики не используют.

Рис. 44. Фрагменты, из которых делались бусы.

Рис. 43.

Рис. 44.

8) Рис. 45. Тесьма старинная, домотканая.

Рис. 45.

9) *Рис. 46, 47. Разное.*

Рис. 46.

Рис. 47.

10) *Рис. 48. Позднее купленный горномарийский пояс.*

Рис. 49. Этот пояс несколько шире старинного и немного отличается от него расцветкой.

Рис. 48.

Рис. 49.

11) Серьги (алга), сделанные из серебряных монет XIX в., надеваются на ушную раковину (ремешок-петля прикреплен к сережке с изнаночной стороны, на нем еще две монеты).

Рис. 50, 51. Серьги соединены атласной ленточкой, которая, когда наденут сережки, висит на затылке. Около сережек ленточки завязываются в маленькие бантики (здесь бантики распущены).

Сережка собрана следующим образом. На круглый кусочек кожи диаметром около 3 см закрепляется по центру металлический кругляшок размером с мелкую монету (диаметром примерно 1,5 см), к которому прикреплено красивое круглое зеленое стеклышко (это своего рода центр цветка). Вокруг этого зеленого стеклышка закрепляется нить с прозрачным бисером (22 бисеринки). Вокруг такого центра цветка закрепляются «лепестки» из семи мелких серебряных монет достоинством «пять копеек» (1814—1865 гг.): монеты накладываются друг на друга веерообразно, по часовой стрелке. С обратной стороны к коже, на которой закреплен этот цветок, пришивается один конец шнурка-ремешка, петля из которого будет надеваться на ухо. Там же (с изнаночной стороны кожного кругляшка) крепко пришит длинный проволочный крючок, на который снизу крепится другая проволочка в форме коромысла. На концах этого «коромысла» закрепляются две монеты, которые будут висеть ниже цветка (15-копеечные). К этому же «коромыслу» привязаны два конца ленточки, образующей бантик, а также нижний конец шнурка, который надевается на ушную раковину. Через кончики «коромысла», на которых крепятся две монеты, пропускается еще одно проволочное крепление в форме буквы «М», на нижних концах которого крепятся еще три монеты, свисающие по нижней части сережки (достоинством «20 копеек», 1813—1860 гг.).

Рис. 52. На ремешке для ушной раковины прикреплены еще две мелкие монеты: одна — пятикопеечная 1833 г., другая — очень старая, со стертой датой.

Рассмотреть подробнее аналогичные серьги можно ниже — в коллекции [B2].

Рис. 50.

Рис. 51.

Рис. 52.

12) Головная «шапочка» (*ошпу*) из серебряных монет, нашитых на тканевую основу, с отверстием в центре (на темени).

Рис. 53. Диаметр отверстия — около 10 см, самой шапочки (по внешнему краю) — примерно 18 см. Завязочки по бокам завязываются под подбородком. По краю отверстия нашиты хрупкие стеклянные бусы (подобны новогодним украшениям). Серебряные монеты пришиваются на ткань-основу в два ряда, орлом на лицевую сторону: во внутреннем ряду — 27 монет достоинством «20 копеек» (1815—1865 гг., одна — 1904 г.); по внешнему ряду — 30 монет достоинством «30 копеек» (1829—1865 гг., две — видимо, еще более ранние, стертые). Около завязочек — дополнительные монеты достоинством «15 копеек»: с одной стороны — две монеты (1839 и 1869 гг.), с другой — только одна (1839 г.).

Рис. 54. Головная «шапочка» (*ошпу*) с изнанки.

Рис. 53.

Рис. 54.

13) Головное украшение из серебряных монет — *вуйгольча* (произносится как *вуйгольджа*, далее в статье записывается как *вуйгольЧа*²).

Рис. 55. Это украшение висит на голове ниже *ошпу*, от одного виска до другого по затылку. Большие иглы с двух сторон прокалывают на виске *шарпан* и *нашмак*, прикрепляя украшение *вуйгольЧа* и всю конструкцию из *нашмака* и *шарпана* к двум туго сплетенным маленьким косичкам на висках.

Рис. 56. В основе украшения *вуйгольЧа* — две цепочки, которые скреплены в своего рода ленту на низанными бисеринками, образующими равномерно чередующиеся разноцветные квадратики.

Рис. 57—59. К этой ленте из цепочек и бисера на всю ее длину, составляющую примерно 35 см, прикреплена нитка с более крупными бусами (с равномерным чередованием: одна голубая бусинка и пять желтых). К этой нитке с бусами прикреплены на проволочных колечках серебряные монеты. В данном украшении *вуйгольЧа* 26 монет: по краям — по одной относительно мелкой монете (с одного края — 25-копеечная монета 1849 г., с другого края — 20-копеечная 1866 г.), далее по обоим концам располага-

² Здесь и далее *Ч* (прописная буква) обозначает аффрикату [д'ж'], составляющую диалектную особенность волжского говора.

ется по шесть серебряных полтин (50-копеечные монеты 1817—1878 гг.), а по центру *вуйголь Ча* (т. е. на затылке) — 12 монет 1835—1838 гг. достоинством «30 копеек».

Данные вещи свекрови перешли по наследству М. Ф., которая какие-то из них носила, украшения (в частности, бусы) обновляла.

Рис. 55.

Рис. 56.

Рис. 57.

Рис. 58.

Рис. 59.

Рис. 60.

1.2. Личные вещи самой М. Ф.

1) Рис. 60. Виток домотканого холста (*вынер*) из хлопчатобумажной ткани (*мамык*).

2) Рубашка (*мари тыгыр*), вышитая по подолу по образцу рубашки свекрови, украшена самотканой бахромой.

Рис. 61. В изготовлении бахромы, которую М. Ф. ткала сама, использовались как старинные нитки из хлопчатобумажного материала (*мамык*), которые пряли сами, так и покупные разноцветные нитки. По-

том сотканная лента бахромы была пришита к подолу рубашки, а место соединения скрыто настроенной зеленой тесьмой.

Рис. 62. Покрой рубахи — туникообразный, как и у рубашки свекрови. Под мышкой — традиционная треугольная вставка. Сшита рубашка на машинке.

Рис. 61.

Рис. 62.

3) Следующая рубашка М. Ф. — более поздняя, из колленкора.

Рис. 63—65. Эта рубашка украшена по подолу вышивкой, тесьмой и шитьем, имеет тонкую синюю тесьму на вороте. Покрой «современный» (без вставок под мышками), своеобразная обработка рукавов (без манжет, присборены).

Рис. 63.

Рис. 64.

Рис. 65.

4) Рис. 66, 67. Черный кафтан (шем шовыр) был сшит на заказ. Его носили поверх рубашки, когда прохладно; также его обязательно надевали «свадебные женщины» (сյан вате).

Рис. 68. По бокам шовюра вставлены клинья, создающие расширенный силуэт.

Рис. 69. Обработка рукава — присборенная полоска ткани.

Рис. 66.

Рис. 67.

Рис. 68.

Рис. 69.

5) *Рис. 70—74.* Поздний комплект: юбка и передник (*юбка ден сапон*).

Рис. 70.

Рис. 71.

Рис. 72.

Рис. 73.

Рис. 74.

6) Рис. 75, 76. Рубашка является, по-видимому, свадебным подарком свекрови от одной из невесток М. Ф. (родом из Мари-Турекского р-на РМЭ) или куплена (подарена) по какому-то другому случаю.

Рис. 77. По подолу эта рубашка украшена вышивкой, разноцветной тесьмой, на которую нашиты блестки и 13 мелких 10-копеечных монет начала XX в. (1902, 1906, 1925—1929 гг. и одна монета 1946 г.), и белым кружевом.

Рис. 78. Монеты нашиты решкой на лицевую сторону, тогда как в старинных серебряных украшениях монеты, как правило, нашиваются орлом на лицо. Вышивка нашита в виде готовой ленты.

Вероятно, это довольно поздняя работа: рубашка новая, сшита из колленкора на машинке.

Рис. 75.

Рис. 76.

Рис. 77.

Рис. 78.

7) Рис. 79. Комплект горномарийской одежды: рубашка, старинная атласная лента (украшение на поясицу), передник, белый платок — свадебный подарок от снохи М. Ф., которая родом из Горномарийского района РМЭ (свадьба была в 1974 г.).

7.1. *Рис. 80—83. Рубашка (мари тыгыр)* скроена на горномарийский манер: с напуском по пояснице, со складками типа плиссировки по бокам и сзади, с клиньями по бокам (расширенный книзу силуэт).

Об этой рубашке и других горномарийских вещах М. Ф. подробнее нам рассказала Т. Н. [Г] — сноха М. Ф., подарившая ей этот наряд.

Рис. 84. На плечах имеются характерные горномарийские нашивки — наплечные украшения *вочегач* (их ткали и продавали женщины из с. Еласы Горномарийского района РМЭ). Такие украшения обычно нашивали на праздники, а в повседневности могли обходиться без них. Под мышками — специальная квадратная вставка, как в старинных туникообразных рубашках.

Рис. 85, 86. Манжеты взяты от старой рубашки. Вышивка на основе домотканого холста, вышивала умелица из родной деревни снохи М. Ф. — дочь священника, которую называли *Шурка-марья* (около 1915—1917 г. р.): *Шурка* — Александра, *марья* — общее нарицательное наименование русских женщин; она вышивала для всех на заказ.

Рис. 79.

Рис. 80.

Рис. 81.

Рис. 82.

Рис. 83.

Рис. 84.

Рис. 85.

Рис. 86.

7.2. Украшение из ленты на поясицу (лемтă).

Рис. 87. Это украшение сделано из старинной атласной ленты, оно принадлежало матери Т. Н. [Г] (1915 г. р.).

Рис. 88. С изнаночной стороны на поясице в основе ленты — кусок домотканого холста (хлопчато-бумажного).

Рис. 87.

Рис. 88.

7.3. Передник (сапон).

Рис. 89—91. Этот передник новый, как и рубашка: он был специально сшит к свадьбе, для свадебного подарка свекрови.

Рис. 89.

Рис. 90.

Рис. 91.

7.4. Рис. 92. Платок из белой капроновой сетки. В коллекции М. Ф. также много ярких фабричных платков.

Рис. 92.

8) Рис. 93, 94. Кроме прочего, имеется длинное и широкое полотенце с вышивкой (неясного происхождения и назначения).

Рис. 93.

Рис. 94.

2. Волжская коллекция Н. А. (1950 г. р.), уроженки и жительницы д. Малые Параты Волжского района РМЭ [B2]

Вещи, которые показала нам Н. А., в основном принадлежали ее матери (1923 г. р.), также уроженке и жительнице д. Малые Параты Волжского района РМЭ.

1) Рубашка (*мари тыгыр*) из колленкора.

Рис. 95, 96. Эта рубашка имеет шитье (*кружва*) и оборку из ленты (*ленте*), а также вышивку (*тюр*) по подолу.

Рис. 95.

Рис. 96.

2) *Сапón* — зеленый фартук (передник) матери (фотография ниже — в наряде «свадебной женщины»). См. рис. 121

3) *Шовыр ұштõ* — пояс синий для шовыра (аналогичный [B1]).

4) *Курыкмари ұштõ* — горномарийский пояс, был куплен в 1960-е гг. у продававших пояса горномарийских женщин.

5) *Шўныгыртыж* — украшение на шею (старинное).

6) *Нашмак* — начельш (старинный).

Шўныгыртыж и *нашмак* мать Н. А. купила в 1960-е гг. у одной марийской женщины. В те годы многие люди избавлялись от традиционной одежды, продавали и переплавляли серебро, пускали его на зеркала.

Рис. 97. *Нашмак* и *шўныгыртыж* Н. А. украшены хрупкими стеклянными бусами, блестками и бисером.

Рис. 97.

7) *Шарпан* — головное полотенце.

Рис. 98, 99. Этот *шарпан* Н. А. унаследовала от своей матери, он принадлежал еще бабушке Н. А. со стороны матери (1888 г. р.).

Рис. 98.

Рис. 99.

8) Набор серебряных украшений из монет XIX в.

8.1. *Ошту* — головная «шапочка».

Рис. 100. Вид *ошту* с лицевой стороны.

Рис. 101. Вид *ошту* с изнаночной стороны.

Рис. 100.

Рис. 101.

8.2. *Рис. 102, 103.* *Алга* — серьги.

Рис. 102.

Рис. 103.

8.3. Украшение на шею, ожерелье: вероятно, называется *шугыр* [В1] < *шуйыр* букв. 'вокруг шеи' [МРС, 9: 385].

Рис. 104, 105. Это украшение — единственная вещь, которую Н. А. унаследовала от своей свекрови — М. Ф. [В1] (остальные украшения были куплены матерью Н. А. в 1960-е гг. у избавлявшихся от «ненужных» вещей марийских женщин).

Рис. 106, 107. Еще одно аналогичное украшение.

Рис. 104.

Рис. 105.

Рис. 106.

Рис. 107.

8.4. Рис. 108, 109. Пийылме букв. ‘собачий язык’ (термин, не зафиксированный в литературе) — украшение, надеваемое на грудь.

Рис. 110. Ср. “*On jolva*, with the «tongue» and genuine silver roubles (Kazan, Tsarevokokšaisk, Morki)” [Lehtinen 1979: 128]; эта фотография, по-видимому, из коллекции Т. Е. Евсеева (Евсеева). Данное украшение (*он йолва* ?) по своей структуре выглядит как соединение первого шугыр и пийылме из коллекции Н. А.

Рис. 108.

Рис. 109.

Рис. 110.

8.5. Рис. 111—113. Посторескыл — украшение, надеваемое после пийылме на грудь и спину, как хомут: часть с цветными нитками и бисерными «хвостиками» — сзади, часть с крупными монетами — спереди.

Рис. 111.

Рис. 112.

Рис. 113.

8.6. Шер — бусы свадебные.

Рис. 114, 115. «Хвосты» с нитяными украшениями висят на спине, как и в описании [В1].

Рис. 114.

Рис. 115.

Таким образом, в коллекции Н. А. представлен полный комплект серебряных украшений, необходимых «свадебной женщине», кроме *вуйгольЧа*.

3. Волжская коллекция Е. И. (1949 г. р.), уроженки д. Учейкино и жительницы д. Малые Параты Волжского района РМЭ, куда она вышла замуж [В3]

Рис. 116. Свои украшения Е. И. делала сама, отчасти используя имеющиеся старые аксессуары, в частности *шўпыгыртыж*, в изготовлении которого наряду с бисером и цветными пуговицами использовались 12 пятикопеечных серебряных монет (1848—1899 гг., одна монета 1911 г. и две очень старые со стершейся датой).

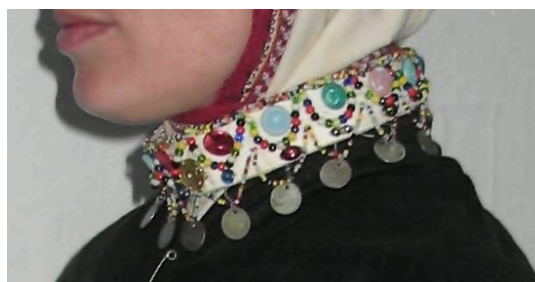

Рис. 116.

Рис. 117. Остальные украшения с монетами: *алга*, *ошпу*, *вуйгольЧа*, *пийылме* и *посторескыл* — сделаны из советских серебристых монет (из медно-никелевого сплава). На Рис. 117 представлены следующие украшения:

- 1) *ошпу* (с завязочками; в левом верхнем углу фотографии);
- 2) *вуйгольЧа* (ниже *ошпу*);
- 3) *пийылме* (букв. ‘собачий язык’) — украшение на грудь в виде прямоугольника с нашитыми на ткань монетами и пуговицами;
- 4) *алга* — серьги, надеваемые на ушную раковину;
- 5) *нашмак* — старинный начельш, достался Е. И. от свекрови (1914 г. р.);
- 6) *шўпыгыртыж* — украшение на шею.

Рис. 117.

Рис. 118.

Рис. 118. На этой фотографии (кроме *шўпыгыртыж*) представлены:

1) *посторескыл* — массивное украшение на грудь и спину, надеваемое как хомут; конец с нитями, украшенными стеклянными бусами и кисточками из цветных нитей, накладывается на спину, а конец с монетами — на грудь;

2) *шер* — бусы из стеклянных трубочек и бусинок с украшенным «хвостом», который направляется назад. По замечанию Е. И., на концах каждого уголка бус в передней части должны были быть крупные монеты — всего 16 монет (надо было бы сделать из советских рублевых монет, как сказала Е. И.). Ср. выше, в коллекции [B2] (Рис. 114, 115): к аналогичным бусам действительно приделаны крупные монеты.

Рис. 119. На вторых свадебных бусах Е. И. на этих кончиках (где ранее предполагались монеты) приделаны кисточки из цветных ниток. На Рис. 119 также представлены:

1) *шарпан* Е. И. (старинный);

2) *нашмак* Е. И. (старинный);

3) *вуйиме* букв. 'головная игла' — как спицы, сделанные из проволоки (специальные, самодельные). С их помощью крепятся на голове *шарпан* и *нашмак*; эти самодельные спицы втыкаются в косички на висках (Рис. 122).

Рис. 120. Украшения Е. И. с изнаночной стороны.

Рис. 119.

Рис. 120.

Наибольшее количество украшений и аксессуаров наблюдается в costume «свадебной женщины» (*сўан вате*), т. е. госты, которая в компании других таких же женщин поет и танцует на свадьбе. Свадьбы в Волжском районе РМЭ проходят с обходом дворов, т. е. свадебные гости ходят из дома в дом по всей деревне с песнями и музыкальным сопровождением (марийский барабан *тумыр* и волынка *шувыр*, позднее — гармонь), и везде для них накрывается угощение. Вокруг таких нарядных «свадебных женщин» мужчины кружатся в танце, распевая и присвистывая.

Рис. 121. Е. И. много ходила на свадьбы (особенно в 1980-е гг.), она умеет надевать все необходимые вещи. Она показала и рассказала нам, что, как и в каком порядке следует надевать.

Рис. 122. Сначала, надев марийскую рубашку, занимаются убранием головы (*вуйым пыль Чат* ‘окручивают голову’ — только замужним женщинам): плетут две маленьких косички на висках, которые называют *колявоч* (*колывоч*) букв. ‘мышинный хвостик’, посередине делают пробор, затем волосы собираются назад в косу или хвостик. Далее на голову накладывают нашмак и, прижимая его к голове шарпаном, округивают шарпаном в два оборота голову. На висках нашмак и шарпан крепятся к косичкам с помощью длинных иголок (спиц) — *вуйиме*, — которые заводятся за уши.

Рис. 123. Оба конца шарпана заводятся назад: правый конец, который обертывался вокруг головы, прикрепляется за левым ухом (накалывается на вынутый насквозь из-за левого уха конец головной иглы); второй (левый) конец шарпана затыкается за пояс.

Рис. 124, 125. Затем надевается черный шовыр, который закрывает шарпан: поскольку он без пуговиц, на горле его скрепляют булавкой. Потом надевают горномарийский пояс, завязав его с одного бока; на другой бок к поясу привязывают ленту. Надевают фартук (передник), и его завязки свисают сзади посередине. После этого надевается широкий и длинный специальный свадебный пояс (*шовыр уштö*): сначала середину пояса прикладывают к животу, концы пояса отводятся назад, их обертывают вокруг талии и, возвращая вперед, завязывают в узел на животе (в два узла, если женщина худенькая); затем концы поддеваются за этот пояс на боках так, чтобы они висели по бокам сзади. Смысл такого обертывания — казаться потолще, по словам М. Ф. [В1].

Как видно на фотографиях, широкий пояс завязывается в скомканном виде, так что выглядит как довольно узкий.

Рис. 126. На этой старой фотографии видно, что мари этой же этнографической группы (волжско-звениговско-моркинской) могли носить широкий пояс и в расправленном виде. Эта фотография (*Рис. 126*) была сделана в 1919 г. (из коллекции Т. Е. Евсевьева (Евсеева); “Kazan, Tsarevokokšaisk, Morki”) [Lehtinen 1979: 123].

Рис. 127. Затем на голову накладываются серебряные украшения (*ший*): вначале — украшение *ошту*, завязочки которого прячутся под шарпан на подбородке, потом — *вуйголь Ча*. У Е. И. *вуйголь Ча* представляет собой кольцо с тонкой частью из бус и бисера спереди, а также с монетами в два ряда по бокам и сзади. Далее на ушные раковины под шарпаном надеваются серьги (*алга*). У Е. И. две сережки соединены лентой и нитью бус. Нить бус, когда надеваются серьги, накладывается спереди (проходит где-то под подбородком, на виду), а ленточка — сзади. Около ушей ленточка завязана в бантики.

Рис. 128. Далее надевается нагрудное украшение *пийылме*, поверх него — нашейное *шўпыгыртыж*, а также самое массивное украшение — на грудь и спину (*посторескыл*). В этнографической литературе последнее украшение обычно называется *шийаршаи*. В заключение поверх всего этого серебра надеваются свадебные бусы — *шер*, или *рес* [В1] («хвостами» назад), — и ленточка (*ши вачет ленте* букв. ‘лента, которая поверх серебра’). Лента завязывается так, что спереди висит как бусы, а сзади до пояса висит один конец ленты; спереди низ ленты зацепляется за монету нагрудного украшения. Можно, как сказала Е. И., привесить к ленте монетку (как медаль на ленте).

Вероятно, раньше на ленте висел крест, чем и объясняется наличие лексемы *рес* ‘крест’ в названиях нагрудных украшений в данной деревне: *рес* ‘бусы с задними хвостами’ [В1]; *посторескыл* [В2; В3], где *посто* — сукно (т. к. монеты нашиваются на тканевую основу). Ср. также: *ырескыл* — название нагрудного украшения из монет с крестом [МРС, 10: 28—29].

Рис. 129. На картине 1884 г. финского художника А. Рейнхольма с изображением горномарийской девушки в праздничной одежде представлено подобное украшение — крест на ленте; иллюстрация взята из книги [Lehtinen 1979: 117].

Как видно на наших фотографиях выше (*Рис. 121, 122, 127*), Е. И., показывая процесс округивания головы шарпаном, наложила нам нашмак низко, закрывая волосы, «по-старинному». Это было ее ситуативное решение, но обычно в д. Малые Параты в XX в. (даже в начале XX в.) нашмак накладывали так, чтобы видны были волосы, разделенные срединным пробором на две части; см. первые фотографии в коллекции [В1] (*Рис. 1, 4*), иллюстрации из книги [Lehtinen 1979] (*Рис. 126, 129*), а также следующие фотографии (*Рис. 130, 131*) «свадебных женщин» 1960-х гг. (из семейного архива М. Ф.).

Рис. 130, 131. На этих двух фотографиях у участников свадьбы поверх наряда через плечо повязаны полотенца: так выделены гости — *почеш толшо* букв. ‘вслед пришедшие’, т. е. родственницы невесты, гуляющие на второй день свадьбы в деревне жениха.

В обеих руках во время плясок и пения «свадебные женщины» держали по платку, цветному, яркому, и помахивали этими платками в ритме танца, песни. Движения были сдержанные, т. к. во всем комплекте одежды и увесистых украшениях «свадебной женщины» двигаться и шевелиться достаточно трудно.

Рис. 121.

Рис. 122.

Рис. 123.

Рис. 124.

Рис. 125.

Рис. 126.

Рис. 127.

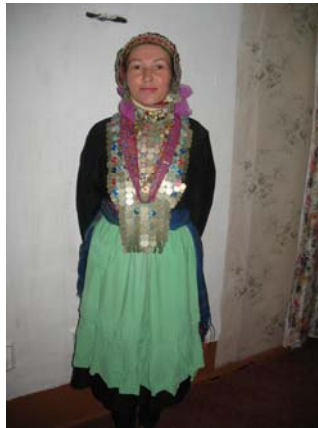

Рис. 128.

Рис. 129.

Рис. 130.

Рис. 131.

**4. Горномарийская коллекция Т. Н. (1948 г. р.),
уроженки д. Сарлатово Горномарийского района РМЭ [Г]**

Рис. 132, 133. В коллекции одежды Т. Н. представлены три рубашки (*тыгыр*), черный атласный летний кафтан (*шавыр*), фартуки (передники), пояса, наплечные нашивки (*вочегач*), поясное украшение (*лемтӓ*) и платки. Две рубашки, три фартука (передника) и два платка принадлежали матери Т. Н. — уроженке и жительнице д. Сарлатово (1917 г. р.); все эти вещи вышивала русская умелица («поповна») Шурка-марья (см. о ней выше [В1]).

Рис. 132.

Рис. 133.

Рис. 134—136. *Тыгыр* — рубашка с вышивкой васильками (на плечах и манжетах) и нашивками-вочегач. По покрою горномарийская рубашка отличается от старинных волжских тем, что по бокам она имеет вставки-клинья, создающие расширенный книзу силуэт.

Рис. 137. Под мышками вставка не треугольная, а квадратная.

Рис. 138. Как и на волжских рубашках, с изнанки на уровне груди и спины на горномарийскую рубашку ставится подклад из самотканого холста (хлопчатобумажного материала *мамук*).

Рис. 134.

Рис. 135.

Рис. 136.

Рис. 137.

Рис. 138.

Рис. 139, 140. Комплект к данной рубашке составляет передник (*сапон*) с аналогичной вышивкой васильками.

Рис. 141—145. На этих фотографиях представлены еще два передника (*сапон*) матери Т. Н.

Рис. 146, 147. На этих фотографиях — розовый передник (*сапон*), который принадлежал тете Т. Н. — сестре ее матери.

Рис. 148. На груди этого сапона имеется значок Российского хорового общества, поскольку хозяйка этого сапона (тетя Т. Н.) — знаменитая марийская гуслярша Анна Романовна Сидушкина³.

Рис. 149. Портрет А. Р. Сидушкиной работы марийского художника Геннадия Владимировича Зыкова (холст, масло) принадлежит Т. Н. и находится у нее дома.

Рис. 139.

Рис. 140.

Рис. 141.

Рис. 142.

Рис. 143.

Рис. 144.

Рис. 145.

³ Сидушкина Анна Романовна (1915—1981) — горномарийская гуслярша, певица, педагог, основоположница профессиональной школы марийских гусляров, собиратель марийского музыкального фольклора, композитор. Сидушкина А. Р. — первая женщина-мари, получившая высшее образование (Московская консерватория, дирижерско-хоровая факультет) и удостоившаяся звания «Заслуженный деятель искусств Марийской АССР».

Рис. 146.

Рис. 147.

Рис. 148.

Рис. 149.

Рис. 150—153. Два белых платка (*савыц*) с вышивкой только на одном конце, который был виден сзади.

Рис. 150.

Рис. 151.

Рис. 152.

Рис. 153.

Рис. 154—156. Вторая рубашка, принадлежавшая матери Т. Н., такая же по покрою, как и первая, с вышитыми манжетами. Наплечники к ней не пришиты, а на их месте — тонкая вышивка черными нитками.

Рис. 157. Вышивка через плечо — сзади, правая сторона.

Рис. 158. Отделка манжет.

Рис. 159, 160. Боковые клинья в покрое рубашки.

По подолу горномарийские рубашки, по замечанию Т. Н., никогда не украшаются.

Рис. 154.

Рис. 155.

Рис. 156.

Рис. 157.

Рис. 158.

Рис. 159.

Рис. 160.

Рис. 161—163. Третья рубашка принадлежит самой Т. Н. Эта рубашка была сшита в местной мастерской к свадьбе Т. Н. в 1974 г. и несколько отличается по покрою. Старые рубашки (как у матери Т. Н.) надевались с большим напуском на талии: надев рубашку, ее сильно приподнимали, делая напуск, и подпоясывали веревочкой; потом выравнивали подол, чтобы спереди и сзади длина рубашки была одинаковой. После такого напуска длина рубашки укорачивалась примерно на 30 см. (Ношение рубашек с

аналогичным большим напуском характерно также для чувашского и мордовского костюма начала XX в.) Затем надевались передник с нагрудной частью (*сапон*) и украшение на поясицу (*лемтӓ*), особым образом закреплялся горномарийский пояс (он не завязывается, а прикалывается на две булавки). В дальнейшем (в те же 1970-е гг.) рубашку сразу стали прошивать по талии так, чтобы напуск был уже зафиксирован: именно так сделана рубашка Т. Н., как и рубашка, которую она сшила для будущей свекрови (см. [B1]) в качестве свадебного подарка.

Васильки ниже плеч на своей рубашке Т. Н. вышила сама, взяв за образец рубашку матери.

Рис. 161.

Рис. 162.

Рис. 163.

Рис. 164—168. Также к свадьбе Т. Н. были пошиты на заказ передник с нагрудной частью (*сапон*), украшение на поясицу (*лемтӓ*) и два передника без нагрудной части (*анзылвач*).

Рис. 169. Завязка *анзылвач* представляет собой широкую атласную ленту, на которую нашита узкая лента другого цвета; конец обвязан крючком. «Анзылвач» повязывается поверх сапона, чтобы сапон не запачкался.

Для всех этих сапонов и «анзылвач» характерны складки в виде плиссировки; их и хранят, укладывая соответствующим образом — как гармошку в одну полоску.

Рис. 164.

Рис. 165.

Рис. 166.

Рис. 167.

Рис. 168.

Рис. 169.

Рис. 170—172. Три горномарийских пояса (*биитби*): два из них принадлежали матери Т. Н., третий (который чуть шире) — более поздний.

Рис. 173. Пояс сзади прикалывается выше талии, так, чтобы образовался уголок.

Потом спереди пояс проходит по талии (под пояс прячутся завязки украшения *лемта*) и сбоку закалывается на булавку (а не завязывается).

Рис. 170.

Рис. 171.

Рис. 172.

Рис. 173.

Рис. 174. Девушки в горномарийских костюмах (г. Йошкар-Ола, 1966 г.): фотография из семейного архива М. Ф. [В1].

Рис. 175. Горномарийские девушки: иллюстрация из книги [Lehtinen 1999: 117].

Рис. 174.

Рис. 175.

Рис. 176. Наплечные нашивки вочыгач (два набора): их ткали и продавали женщины из горномарийского села Еласы.

Рис. 176.

Рис. 177, 178. Этот летний черный атласный кафтан (*шавыр*) был сшит для Т. Н. на заказ умелицей из соседней деревни Озянкино (Симаксир) примерно в 1965 г. В подростковом возрасте Т. Н. ходила в этом шавыре в школу.

Рис. 179. Сзади этот кафтан (*шавыр*) плиссирован.

Рис. 180. Ср.: горномарийские женщины в черных кафтанах (*шавыр*) и белых платках. Фотография Германа Юадарова, фотографа из д. Крайние Шешмары (Шошмар) Горномарийского района РМЭ: из архивной подборки 162 фотографий, сделанных им в Горномарийском районе в середине XX в. (http://hillmarygames.blogspot.ru/p/blog-page_16.html).

Рис. 177.

Рис. 178.

Рис. 179.

Рис. 180.

Рис. 181, 182. В великолепной подборке фотографий, откуда приведен Рис. 180, из женских украшений встречается цепочка из монет или толстая витая серебряная цепочка (*цепошка*), которую делали местные кустари.

Рис. 183. На этой иллюстрации (из той же подборки) у девушки на груди бусы и *цепошка*. Аналогичная *цепошка* была и у матери Т. Н., но она не сохранилась.

Рис. 181.

Рис. 182.

Рис. 183.

Также у Т. Н. хранится несколько свитков домотканого холста — *мѳнер*.

Сама Т. Н. называет свои вещи «современным» и даже «концертным» горномарийским костюмом. А раньше, давно, по ее словам, и шарпан на голову надевали, но без нашмака; это действие называли *пынзаши*.

Сокращения

Информанты

В1 — М. Ф. (1927 г. р.), уроженка и жительница д. Малые Параты Волжского района Республики Марий Эл

В2 — А. Н. (1950 г. р.), уроженка и жительница д. Малые Параты Волжского района Республики Марий Эл

В3 — Е. И. (1949 г. р.), уроженка д. Учейкино Волжского района Республики Марий Эл, жительница д. Малые Параты Волжского района Республики Марий Эл

Г — Т. Н. (1948 г. р.), уроженка д. Сарлатово Горномарийского района Республики Марий Эл, жительница г. Йошкар-Ола

Т — Б. Д. (1935 г. р.), уроженка д. Кожласола Новоторъяльского района Республики Марий Эл, жительница г. Йошкар-Ола

Общие

букв. — буквально

РМЭ — Республика Марий Эл

рус. — русский

Литература

- Гаген-Торн 1960 — *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960. {*Gagen-Torn N. I. Ženskaja odežda narodov Povolž'ja: Materialy k etnogenezu. Ćeboksary, 1960.*}
- Евсевьев 1927 — *Евсевьев (Евсеев) Т. Е.* Одежда марийцев: Заметка из музейной экскурсии летом 1926 г. // *Марий Эл.* 1927, 1—3. С. 108—115. {*Evsev'ev (Evseev) T. E. Odežda marijcev: Zametka iz muzejnoj ekskursii letom 1926 g. // Marij El. 1927, 1—3. P. 108—115.*}
- Крюкова 1951 — *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л., 1951. {*Kr'ukova T. A. Marijskaja vyšivka. L., 1951.*}
- Молотова 1992 — *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. {*Molotova T. L. Marijskij narodnyj kost'um. Joškar-Ola, 1992.*}
- Молотова 2004 — *Молотова Т. Л.* Традиционное марийское ткачество. Йошкар-Ола, 2004. {*Molotova T. L. Tradicionnoe marijskoe tkačestvo. Joškar-Ola, 2004.*}
- МРС — Марийско-русский словарь. Т. 1—10 / Гл. ред. *Галкин И. С.* Йошкар-Ола, 1990—2005. {*Marijsko-russkij slovar'. T. 1—10 / Ed. Galkin I. S. Joškar-Ola, 1990—2005.*}
- Павлова 2004 — *Павлова А. Н.* Семиотика костюма волжских финнов I — начала II тыс. н. э. Йошкар-Ола, 2004. {*Pavlova A. N. Semiotika kost'uma volžskix finnov I — načala II tys. n. e. Joškar-Ola, 2004.*}
- Соловьева 1982 — *Соловьева Г. И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982. {*Solov'eva G. I. Ornament marijskoj vyšivki. Joškar-Ola, 1982.*}
- Соловьева 2002 — *Соловьева Г. И.* Терминология марийской вышивки. Йошкар-Ола, 2002. {*Solov'eva G. I. Terminologija marijskoj vyšivki. Joškar-Ola, 2002.*}
- Степанова 2005 — *Степанова И. А.* Маритур: Встречи с марийской вышивкой. Йошкар-Ола, 2005. {*Stepanova I. A. Maritür: Vstreči s marijskoj vyšivkoj. Joškar-Ola, 2005.*}
- Тимиряева 1997 — *Тимиряева И. И.* Лексика одежды в марийском языке. Тарту, 1997. {*Timir'aeva I. I. Leksika odeždy v marijskom jazyke. Tartu, 1997.*}
- Lehtinen 1979 — *Lehtinen I.* Naisten korut Keski-Venäjäällä ja Länsi-Siperiassa. [= Женские украшения в Центральной России и Западной Сибири.] Helsinki, 1979. {*Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjäällä ja Länsi-Siperiassa. [= Ženskie ukrašenija v Central'noj Rossii i Zapadnoj Sibiri.] Helsinki, 1979.*}
- Lehtinen 1999 — *Lehtinen I.* Marien mekot: Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. [= Марийские платья: Об изменениях в народной одежде волжских финнов.] Helsinki, 1999. {*Lehtinen I. Marien mekot: Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. [= Marijskie plat'ja: Ob izmenenijax v narodnoj odežde volžskix finnov.] Helsinki, 1999.*}

РЕЗЮМЕ

В первой части статьи дан обзор четырех частных, семейных коллекций марийской одежды (Волжский и Горно-марийский районы Республики Марий Эл, полевые записи 2013 г.). Описание вещей снабжено иллюстрациями.

SUMMARY

The article gives an overview of four private family collections of Mari garments (Volzhski and Gornomariyski districts of the Mari El Republic, records were made in 2013). The description of the garments is supplied with illustrations.

Ключевые слова: марийский язык, этнографические материалы, полевые записи, народный костюм, семейные реликвии

Keywords: the Mari language, ethnographic materials, fieldwork, folk costume, family heirlooms

Опоясывающая пространство и время: ленты / полосы *иолам* в туркменской ковровой традиции

В данной статье рассматривается группа уникальных по декору и структуре туркменских ковровых лент *иолам* / *ак юп*. Эти ленты, которые правильнее было бы называть полосами, являются одним из важнейших атрибутов убранства свадебной юрты некоторых туркменских племен. Они ткются в комбинированной технике, сочетающей гладкий белый фон с затканым ворсом декором (Рис. 1а, 1б¹).

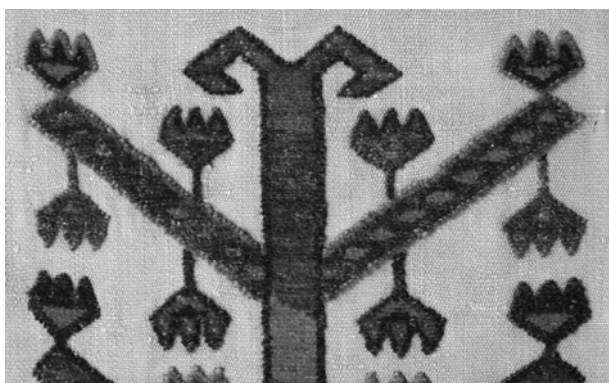

Рис. 1а.

Деталь фрагментов полос *иолам*: вязка на трех нитях основы, сплошной оффсет в диагональных линиях; опубликовано в [Tsareva 2011: fig. 164].
Туркменистан, Средняя Амурдарья;
туркмены, не позднее начала XVIII в.

Рис. 1б.

Деталь фрагментов полос *иолам*:
вязка на трех нитях основы, прием оффсета,
в ворсе использовано большое количество шелка;
опубликовано в [Tsareva 2011: fig. 158].
Туркменистан; сарыки (?), не позднее начала XVIII в.

Несмотря на значительное число публикаций, посвященных описанию конструкции и меблировки юрты (например, [Кочевое жилище 2000]), вопрос о точном способе использования и функции ковровых лент *иолам* долгое время оставался дискуссионным. Тщательное изучение литературы и опрос информантов позволяют утверждать, что полосы *ак юп* представляли собой своеобразный фриз, опоясывающий снаружи решетчатый каркас юрты. При этом в отличие от других лент, использующихся в убранстве юрты (*гара ой*), ленты *иолам* не несли никакой конструктивной нагрузки. Глядя на эти необычные по технике, магически красивые по рисунку и бесполезные с практической точки зрения предметы, исследователь неизбежно начинает размышлять над происхождением и функцией этих артефактов, а специалист по туркменскому ковроделию пытается также «привязать» их к племени-производителю.

В данной работе последний вопрос не рассматривается, отметим только, что вплоть до последнего времени попытки определения ковровых лент *ак юп* по племени-производителю были малоуспешными. Исключение составляют полосы, датированные методом радиоуглеродного анализа XIV—XV вв. и относимые к работам трех групп, условно названных игл-I, II и III [Rautenstengel, Azadi 1990]: две из трех групп идентифицируются как гоклены [Azadi 1975] и имрели [Tsareva 2011: 133—160, 166—169]. Достаточно успешными, по признанию коллег, были предложенные автором территориальные атрибуции (арало-каспийская, южно-туркменистанская, средне-амударьинская зоны) 26 ковровых лент *иолам* из коллекций П. Хоффмайстера [Tsareva 2011: 133—160, 166—169]².

¹ Все изображенные на иллюстрациях полосы и их детали из собрания П. Хоффмайстера публикуются с разрешения владельца.

² Трудности с описанием, классификацией и идентификацией лент *иолам* объясняют их фрагментарную изученность и малое число публикаций по этой теме. Единственная полностью посвященная этим полосам публикация принадлежит Ричарду Айзаксону [Isaacson 2007], но содержит множество неточностей как в описаниях, так и в атрибуциях. Ограниченная, но важная информация приводится В. Г. Мошковой [Мошкова 1970: 173, 181] и А. А. Боголюбовым [Bogolubov 1973: fig. 12]. Подчеркнем, что комментарии Дж. Томпсона к тексту А. А. Боголюбова неоднозначны.

Начнем представление рассматриваемого вида артефактов с изложения результатов поиска ответа на вопрос о назначении этих во многом загадочных предметов. Понимание места и значимости названных лент в культуре туркмен приходило постепенно. Процесс начался со сбора информации о видах полос *иолам*, их назначении, распространенности, особенностях изготовления, продолжился изучением структуры и функций, а сегодня находится на стадии попыток интерпретации сюжетных составляющих их декора.

Итак, используемые туркменами как одно из главных украшений свадебной юрты *ак ой* (букв. 'белая юрта') узорные полосы с ворсовым рисунком имеют несколько названий, а именно: *ой юп / ак юп* 'полоса для юрты' / 'белая полоса', а также *голан, йолам / иолам*. В европейской литературе наибольшее распространение получил вошедший в название данной статьи термин *иолам*. Крепился этот длинный и узкий — до 14—15 метров длиной и 15—40 см шириной — фриз за решетчатым каркасом юрты на высоте 130—150 см над землей, чуть ниже места соединения купольных палок *уук* и решетчатых стенок юрты *кереге*. «Обычно эти ленты старались сделать узорными и особенно нарядными, т. к. они были хорошо видны из-за решеток внутри юрты и служили украшением стен» [Васильева 2000: 112; Andrews 1999]. Отметим — далее мы увидим, как это важно, — что орнаментированная лицевая сторона *ак юп* обращена вовнутрь юрты (Рис. 2)³.

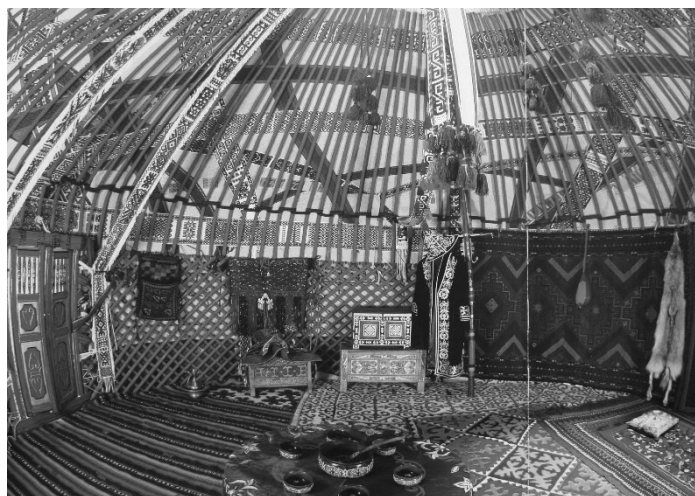

Рис. 2. Убранство казахской юрты: за купольными палками над стыком с решетками *кереге* видна полоса типа *иолам*.

Если попытаться выявить распространенность лент *иолам*, мы увидим, что тканые предметы такого типа производились некоторыми исключительно скотоводческими сообществами Центральной Азии, а именно: туркменами, каракалпаками, киргизами, казахами и некоторыми группами кочевых узбеков. Узбеки и киргизы используют для их обозначения термин *баскур*, самаркандские узбеки — *боу*, каракалпаки — *жанбау*. Несмотря на определенные различия (длина, ширина, плотность базиса и т. д.), все варианты таких полос имеют одинаковые, обусловленные способом использования форму и манеру расположения рисунка и украшены сходными мотивами. Другая общая черта — идентичность применяемого для их изготовления метода ткачества, уникальной особенностью которого является, как было сказано выше, сочетание гладкого фона, цвета слоновой кости, и выполненного **однорусной симметричной узелковой вязкой** декора (Рис. 3).

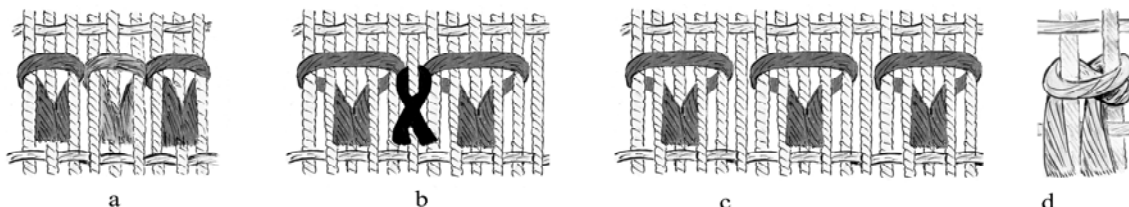

Рис. 3. Типы применяемых в полосах *иолам* узлов: а) на трех нитях основы; б) на пяти нитях, с петлей на одной нити; в) на пяти нитях, с пропусками основы между узлами; д) кросс-узел. Рисунки выполнены автором.

³ К сожалению, фотографии или рисунки внутреннего интерьера традиционной туркменской свадебной юрты нам неизвестны. На Рис. 2 изображена казахская юрта, меблировка которой, в том числе локализация полосы обсуждаемого типа, отличается от туркменской. Тем не менее, Рис. 2 дает представление о манере использования полос типа *иолам* народами Средней Азии и Казахстана.

Широкое распространение лент типа *ой юп* выглядит особо важным фактором, если вспомнить, что казахи и большая часть узбекских племен не производили иных, кроме таких полос, ворсовых предметов. По рисунку, манере ткачества и использованию наиболее близкими к туркменским полосам *иолам* являются ранние каракалпакские *жанбау* [Жданко 1958: 279—280, рис. 3, табл. I]. Это особенно очевидно при сравнении системы узловязания и орнаментики, используемой каракалпаками *арыса он төрт уруу* и туркменами-сарыками⁴, особенно, повторим, ранних изделий обеих групп [Tsareva 2003: 232—235; Tsareva 2011: 41].

Приведенные данные говорят об архаичности феномена, который следует рассматривать как общее явление в культурном наследии кочевых общностей Степи. Мы не знаем, кто и когда конкретно изобрел данный вид узорного ткачества, однако, судя по типу узла, некоторым особенностям орнаментики и ряду исторических данных, наиболее вероятно, что среди ранних пользователей техники были обитатели древней амударьинско-сырдарьинской дельты, возможно, и всего циркумаральского региона в целом. Ранней стадией формирования данного типа ткачества можно, до определенной степени, объяснить использование единого для всех народов-изготовителей рассматриваемых полос **одноярусного типа вязки и симметричного узла**, максимально обобщенный характер рисунков на лентах *ак юп* и архаичность их содержательной составляющей.

Для подтверждения высказанных предположений о происхождении и назначении полос *иолам* рассмотрим их художественные и структурные особенности. Напомним, что все полосы данного типа, за редчайшими исключениями⁵, выполнены в технике комбинированного ткачества. Их уникальный художественный облик построен на контрасте матированного фона цвета слоновой кости и звучных цветов бархатистого ворсового рисунка, сочетание которых визуально создает эффект несравненной роскоши. Используемый в полосах *ак юп* тип узловязания получил название **одноярусного**, поскольку ворсовая нить таких структур захватывает **только верхний ряд створа основы**, а ее **нижний ряд присоединяется утком** (один прогон в скипе).

В. Г. Мошкова предположила, что данная техника является наиболее архаичной для региона, что вполне соответствует новейшим археологическим данным, показывающим, что часть так называемых «бактрийских ковров» позднеэллинистического — раннесредневекового периодов была выполнена одноярусной вязкой⁶. Еще один подтверждающий данную гипотезу фактор состоит в том, что ленты *иолам* являются единственным видом туркменских ворсовых тканей, изготавливаемых на архаичных узко-навойных станках (ширина 15—36 см). Важным свидетельством древности одноярусной техники является также тот факт, что она традиционно используется таджиками, арабами и оседлыми узбеками Средней Азии при производстве длинноворсовых сшивных ковров *джульхырс* (тадж. *джульхырс* ‘шкура медведя’) [Мошкова 1951], что предполагает дотюркское происхождение термина, соответственно, и самой манеры вязки.

Одна из важнейших особенностей тканых произведений искусства состоит в том, что в них действительно тонкие, сложные рисунки могут быть выполнены только при использовании столь же тонких, сложных методов ткачества. Это наблюдение верно в отношении полос *иолам*, процесс создания которых начинается с изготовления и натягивания нитей основы, средняя плотность которой в изделии достигает 20 концов на сантиметр, при минимуме 16 и выявленном максимуме — 26 концов, т. е. 2,6 нити на миллиметр! Объясним, что столь плотное снование обусловлено использованием в основе тончайших, однако прочных нитей (Z2S), которые туркменские пряжи делали преимущественно из более «скользящей», чем овечья, шелковистой козьей и верблюжьей шерсти⁷.

Второй особенностью лент *ак юп* была структура утка, выполненного из сученых вместе шелка и хлопка, либо шелка и верблюжьей шерсти, либо хлопка и верблюжьей шерсти. Получаемая нить зачастую была такой тонкости, что мы можем определить ее структуру только под микроскопом. Третье условие, помогающее ткачихам избежать «слипания» нитей основы, — производство работ по изготовлению лент *иолам* только в максимально жаркий летний период и в местах с наиболее сухим воздухом, преимущественно на горных пастбищах (полевые данные автора, 2000 г.).

Сезонность процесса, трудность вязки, при столь большой плотности основы, и огромная длина полос объясняют, почему даже опытным мастерицам требовались годы на изготовление одной ленты *ак*

⁴ Это племя неогузского происхождения, члены Соинхановской конфедерации туркменских племен, выходцы из южного Приаралья, предположительно, в отличие от огузских племен, пришедшие на территорию западного Туркменистана непосредственно с изначальной территории обитания.

⁵ Редкий образец полностью ворсовых лент *иолам* опубликован в [Tsareva 2011: fig. 166].

⁶ Эти сведения получены автором в процессе работы над международным проектом «Рождение ковра».

⁷ Применение хлопка в лентах *иолам* фиксируется не ранее XIX в., оно было приоритетным для территории Мангышлака. Формула Z2S фиксирует структуру рабочей нити, составленной из двух Z-спряденных и S-сученых нитей.

юп. Подтверждением этой полученной у ткачих информации являются особенности фактуры полос. Так, если внимательно изучить полностью сохранившиеся образцы большой длины (до 15 метров и более), то можно увидеть сбой рисунка, очевидные отличия в материалах уточных и узелковых нитей, а также разницу в оттенках или даже цветах ворса, в котором иногда проглядывают посверкивающие точки голубого шелка или белого хлопка⁸.

Помимо регулярных узлов (для данной техники — завязываемых на двух верхних нитях створа основы) при создании лент *ак юп* используются узлы на трех, четырех и даже шести верхних нитях, **петли / loops** (вяжутся на одной нити основы; *Рис. 3, b*), **перекрестные / cross** (*Рис. 3, d*), а также очень сложные диагональные узлы⁹. Существуют еще две важные особенности расположения узлов по горизонтали, а именно: в одних случаях они идут сплошным рядом, в других между узлами остаются пропущенные нити основы (*Рис. 3, a; Рис. 3, c*). Отметим, что последний из названных приемов облегчает процесс ткачества, но делает структуру более рыхлой, соответственно, и менее прочной.

Как и в других выдающихся работах туркменского ковроделия, «мастерицы полос» применяют при их изготовлении такие **иррегулярные методы ткачества**, как **смещение / offset** по горизонтали и вертикали (*Рис. 3, a*), **зацеп / sharing**, **пэкинг / packing**, пропуски основ. Названные приемы использовались ткачихами в разных комбинациях и для разных целей: в основном для получения требуемого рисунка, однако также и для укрепления структуры ткани. Полностью выполненные приемом **зацепа** полосы представляют уникальные по красоте и сложности структуры и декора образцы ворсового ткачества и должны рассматриваться как шедевры искусства ковроделия не только в масштабах Туркменистана, но и всей Евразии (*Рис. 4—7*).

Рис. 4. Фрагмент полосы с длинными панелями с мотивами «женского родового дерева» (слева) и черепахи и узкими вертикальными панелями с дрововидными сюжетами; опубликовано в [Tsareva 2011: fig. 153]. Южный Туркменистан или Средняя Амурдарья; туркмены, не позднее начала XVIII в.

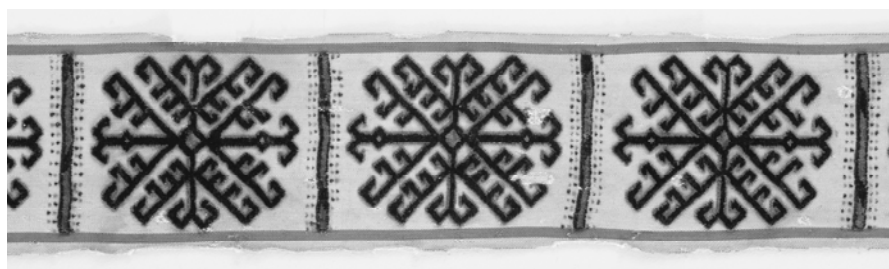

Рис. 5. Деталь полосы *иолам* со стилизованными изображениями хищных птиц; опубликовано в [Tsareva 2011: fig. 140]. Туркменистан, игл-группа; калиброванные даты AD 1511—1599 (33,3%), AD 1617—1677 (53,2%).

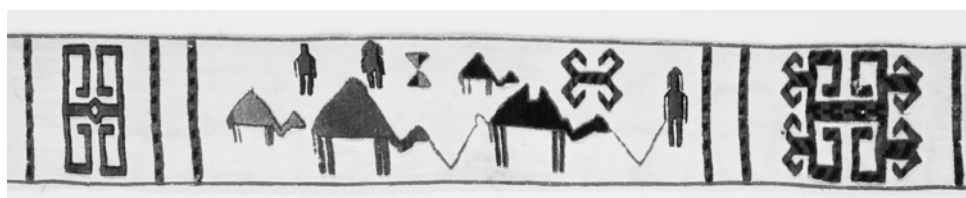

Рис. 6. Деталь полосы *иолам* с изображением каравана; опубликовано в [Tsareva 2011: fig. 142]. Туркменистан; туркмены, конец XVIII в.

⁸ Красные и желтые тона, в отличие от голубого и зеленого, встречаются в ворсовой пряже достаточно часто.

⁹ Кресс-узлы и диагональные узлы, а также другие сложные методы ткачества обсуждаются в [Tsareva 2005: 190—191].

Рис. 7. Фрагмент полосы *иолам* с подквадратной панелью со стилизованным изображением птичьих лап; опубликовано в [Tsareva 2011: 144]. Туркменистан; чоудоры (?), XVIII в.

Рис. 8. Деталь полосы *иолам* со стилизованным изображением рожаницы; опубликовано в [Tsareva 2011: fig. 146]. Туркменистан; иомудская группа, конец XVIII — начало XIX в.

Особая вязка и редкое использование способствовали долговечности лент *ак юп*, некоторые из которых датированы по углероду XIV—XVI вв.¹⁰ Если расположить атрибутированные на сегодняшний день полосы во временной последовательности, то мы увидим, что с XIV до конца XIX в. их композиционная схема остается практически неизменной. При этом, однако, вид и характер сюжетов, заполняющих длинные панели, претерпел значительные изменения в сторону разнообразия и усложнения рисунка, что, в свою очередь, вызвало и увеличение ширины и длины панелей.

Рисунок лент *иолам* являет собой сложнейшую композицию, составленную рамочными (*sic!*) панелями / секциями разной формы и размера, а именно: длинными продольными и короткими поперечными и подквадратными¹¹. Все они, в свою очередь, замкнуты общей для композиции обрамляющей каймой. Примечательно, что сюжеты мотивов, заполняющих **длинные** панели, расположены не вертикально (что было бы логично для горизонтально располагаемой в интерьере ленты), а горизонтально, т. е. вдоль нитей основы. Рисунок **всех** длинных секций, за исключением сюжетов с изображениями сцен быта (Рис. б), организован вокруг единой продольной оси; при этом, однако, каждая **отдельная** панель построена по принципу двойной зеркальной симметрии, исключение — древовидные антропоморфные образы (Рис. 4, слева).

Рисунки, украшающие продольные панели, обычно являются композитными и составлены сочетаниями космогонических, антропоморфных, зооморфных, растительных и других сакральных для туркмен образов. Часть их идентифицируется как тотемные (Рис. 4, справа) и обережные (Рис. 6, х-образный знак над первым верблюдом) мотивы [Царева 2004: 202—226; Царева 2006: 44—57]. Другие представляют обожествленные сущности, покровительствующие женщинам и их жизненной предназначенности,

¹⁰ Самые ранние полосы *иолам* (XIV в.), неоднократно экспонировавшиеся и представлявшиеся в докладах, к сожалению, опубликованы без датировок. К классическим образцам раннего типа (деталь, Рис. 5) относится лента *иолам* из собрания П. Хоффмайстера; калиброванные даты: AD 1511—1599 (33,3%), AD 1617—1677 (53,2%) [Tsareva 2011: fig. 140].

¹¹ Композиции из сюжетов, составленных необрамленными каймами, являются абсолютной редкостью. Два таких уникальных исключения представлены в собрании П. Хоффмайстера [Tsareva 2011: fig. 146, 165].

в первую очередь продолжению рода [Сарианиди 1967: 96—97], а также богинь плодородия и богинь всех зверей [Сарианиди 2002: 261; Сарианиди 2006: 283; Francfort 2010: 77]. Несмотря на условность (Рис. 4, 8), образы вытканых на полосах *иолам* «женских сущностей» узнаваемы благодаря сохранению в их структуре идентификационных признаков, объединяющих их в один кластер с глиняными фигурками эпохи бронзы, серебряными украшениями типа *хейкель* и *адамлык* [Сычева 1984: 83, 85, 89, 105] и выявленными на петроглифах вертикальными древовидными символами, сегодня интерпретируемыми как образы поколений рожаниц [Царев 2005].

Отметим также особую роль декора подквадратных рамок, который может быть представлен неидентифицируемыми геометрическими фигурами, композициями из пересекающихся птичьих ног (Рис. 7) или иных парциальных зооморфных изображений, которые рядом исследователей опознаются как племенные знаки¹² либо, что нам кажется более вероятным, личностно-иерархические «печати» владельцев.

Если попытаться выявить генезис предмета, точнее, его композиции, то наиболее вероятным представляется предположение, что идея восходит к архитектурным модулям фризовой организации декора внутренних стен храмов и дворцов Древнего Востока и Центральной Азии. Эти модули, в свою очередь, могли восходить к каким-то еще более древним сакрализованным деталям конструкций (строений) круглой формы времени палеолита и неолита.

Туркмены и другие обитатели Великого степного коридора воплотили эту идею в образах тканых лент, следующих круговой конструкции их передвижных жилищ. Однако и сама юрта может рассматриваться как идеальная, сакрально защищенная пространственная форма, сопоставимая по значимости с мандалой. Какова тогда функция полос *иолам*? Усиление защиты или какие-то иные, сложнее определяемые функции? Учитывая особенности процессов создания и применения разных видов текстиля, мы можем утверждать, что статусность лент *ой юп* маркируется тщательностью их изготовления и крайне редким, как и у других свадебных атрибутов, использованием. Маркирующим их сакральное значение является и белый фон полос¹³. При этом архитектура декора, составленного из обрамленных каймой панелей, предлагает еще одно, эксплицитное назначение лент *иолам*.

Любая включающая в себя изображение рамка — это граница, ограда, защита, но одновременно — своеобразное окно, выделяющее и сакрализирующее видимую в него часть окружающего мира. При этом предполагается, что выделенная горизонтальной рамкой данность распространяется вширь, репрезентируя бесконечность земных сакральных зон и их обитателей, включая самого человека и образы поколений рожаниц, являющихся символом непрерывности человеческого рода и обеспечивающих связь смотрящего с временной бесконечностью¹⁴.

В отличие от других полос, скрепляющих покрывки и конструкцию юрты, ленты *иолам* имеют и еще одну, помимо размещения за решетками *кереге*, специфическую особенность расположения — обращенность рисунка вовнутрь жилища, *en face* к смотрящему. Такое использование декорированных плоскостей указывает на особое мировоззренческое отношение пользователей к дизайну орнаментированного объекта: в данном случае он не только маркер и защитник, но и источник психологического воздействия, носитель сакрального знания и мироощущения, которое вольно или невольно передается зрителю. Сформулированная в глубокой древности идея создания таких своеобразных временных и пространственных коконов, примерами которых являются росписи святилищ Чатал-Хююка, древнеегипетских и древнегреческих храмов, получила уникальное по форме феноменологическое воплощение в культуре номадов Евразии.

С о к р а щ е н и я

букв. — буквально

тадж. — таджикский

¹² Мнение известного археолога и этнографа А. А. Марушенко, зафиксированное в виде примечания к полосе *иолам* из собрания А. А. Боголюбова (собрание Российского этнографического музея).

¹³ О значении белого цвета как фонового для ковровых изделий туркмен см.: [Tsareva 2011: 53, 78].

¹⁴ Представляется уместным привести здесь цитату из работы С. Туйчиевой: «Женщины-святые выступают как посредники между космосом и землей в решении конкретных человеческих проблем, обыденных по своему характеру. Они, по мнению обращающихся к ним женщин, стремятся уменьшить их ежедневные страдания, делают их жизнь более сносной. Женщины-святые функционируют как воплощение женской диалектики между теологическими канонами и предписаниями религиозной традиции, стремлениями, нуждами, желаниями мирян (Apostolos-Carpadona, 2005, с. 358—359)» [Туйчиева 2012: 255].

Литература

Васильева 2000 — *Васильева Г. П.* Типы переносного жилища туркмен // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. *Васильева Г. П.* М., 2000. С. 107—122. {*Vasil'eva G. P.* Tipy perenosnogo žilišča turkmen // Kočevoe žilišče narodov Srednej Azii i Kazaxstana / Ed. *Vasil'eva G. P.* М., 2000. P. 107—122.}

Жданко 1958 — *Жданко Т. А.* Народное орнаментальное искусство каракалпаков // Материалы и исследования по этнографии каракалпаков: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции — III / Ред. *Толстов С. П.* М., 1958. С. 373—410. {*Ždanko T. A.* Narodnoe ornamental'noe iskusstvo karakalpakov // Materialy i issledovanija po etnografii karakalpakov: Trudy Xorezmskoj arxeologo-etnografičeskoj ekspedicii — III / Ed. *Tolstov S. P.* М., 1958. P. 373—410.}

Кочевое жилище 2000 — Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. *Васильева Г. П.* М., 2000. {*Kočevoe žilišče narodov Srednej Azii i Kazaxstana* / Ed. *Vasil'eva G. P.* М., 2000.}

Мошкова 1951 — *Мошкова В. Г.* Джульхырсы (два уникальных узбекских ковра XIX века из собрания Музея истории АН УзбССР) // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Материалы к истории народов Узбекистана из фондов музея. Ташкент, 1951. С. 27—32. {*Moškova V. G.* Džul'xursy (dva unikal'nyx uzbekskix kovra XIX veka iz sobranija Muzeja istorii AN UzbSSR) // Trudy Muzeja istorii narodov Uzbekistana. Vol. 1. Materialy k istorii narodov Uzbekistana iz fondov muzeja. Taškent, 1951. P. 27—32.}

Мошкова 1970 — *Мошкова В. Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX века: Материалы экспедиций 1929—1945 гг. / Обраб., доп. и подгот. к печ. *Морозовой А. С.* Ташкент, 1970. {*Moškova V. G.* Kovry narodov Srednej Azii konca XIX — načala XX veka: Materialy ekspedicii 1929—1945 gg. / Obrab., dop. i podgot. k peč. *Morozovoj A. S.* Taškent, 1970.}

Сарианиди 1967 — *Сарианиди В. И.* Тайны исчезнувшего искусства Каракумов / Отв. ред. *Мунчаев Р. М.* М., 1967. {*Sarianidi V. I.* Tajny isčeznuvšego iskusstva Karakumov / Ed. *Munčajev R. M.* М., 1967.}

Сарианиди 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. {*Sarianidi V. I.* Marguš: Drevnevostočnoe carstvo v staroj del'te reki Murgab. Ašxabad, 2002.}

Сарианиди 2006 — *Сарианиди В. И.* Гонурдепе: Город царей и богов. Ашгабат, 2006. {*Sarianidi V. I.* Gonurdepe: Gorod carej i bogov. Ašgabat, 2006.}

Сычева 1984 — *Сычева Н. С.* Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX—XX веков: Из собрания Государственного музея искусств народов Востока. М., 1984. {*Syčeva N. S.* Juvelimye ukrašenija narodov Srednej Azii i Kazaxstana XIX—XX vekov: Iz sobranija Gosudarstvennogo muzeja iskusstv narodov Vostoka. М., 1984.}

Туйчиева 2012 — *Туйчиева С.* Символ «Рука Фатимы» на Памире (гендерный аспект) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Деппе в 2008—2011 гг. / Гл. ред. *Сарианиди В. И.* М., 2012. С. 250—255. {*Tujčieva S.* Simvol “Ruka Fatimy” na Pamire (gendernyj aspekt) // Trudy Margianskoj arxeologičeskoj ekspedicii. Vol. 4. Issledovanija Gonur Depe v 2008—2011 gg. / Ed. *Sarianidi V. I.* М., 2012. P. 250—255.}

Царев 2005 — *Царев Н. В.* Образ матери-прародительницы на войлочных изделиях кочевнических народов Степи // Вестник молодых ученых. Вып. 7. Культурология и искусствоведение. № 2. СПб., 2005. С. 33—39. {*Carev N. V.* Obraz materi-praroditel'nicy na vojločnyx izdelijax kočevničeskix narodov Stepj // Vestnik molodyx učenyx. Vol. 7. Kul'turologija i iskusstvovedenie. № 2. SPb., 2005. P. 33—39.}

Царева 2004 — *Царева Е. Г.* Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации: Сборник статей к 75-летию В. И. Сарианиди / Ред. *Косарев М. Ф., Дубова Н. А.* М., 2004. С. 202—224. {*Careva E. G.* Totemnye izobraženija na vorsovyx kovrax Srednej Amudar'ji // U istokov civilizacii: Sbornik statej k 75-letiju V. I. Sarianidi / Ed. *Kosarev M. F., Dubova N. A.* М., 2004. P. 202—224.}

Царева 2006 — *Царева Е. Г.* Ворсовое ткачество Средней Амударьи в контексте евразийской традиции // *Котин И. Ю., Родионов М. А., Царева Е. Г.* Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2006. С. 7—98. {*Careva E. G.* Vorsovoe tkačestvo Srednej Amudar'ji v kontekste evrazijskoj tradicii // *Kotin I. Ju., Rodionov M. A., Careva E. G.* Socium i okružajuščij mir v tradicijax Central'noj, Južnoj i Jugo-Zapadnoj Azii. SPb., 2006. P. 7—98.}

Andrews 1999 — *Andrews P. A.* Felt Tents and Pavilions: The Nomadic Tradition and its Interaction with Princely Tentage. Vol. 1—2. London, 1999.

Azadi 1975 — *Azadi S.* Turkoman Carpets and the Ethnographic Significance of their Ornaments. Fishguard, 1975.

Bogolubov 1973 — *Bogolubov A. A.* Carpets of Central Asia / Ed. *Thompson J. M. A.* London, 1973.

Francfort 2010 — *Francfort H.-P.* Birds, Snakes, Me, and Deities in the Oxus Civilization: An Essay Dedicated to Professor Victor I. Sarianidi on a Seal from Gonur Depe // На пути открытия цивилизации: Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции / Ред. *Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А.* СПб., 2010. С. 67—85. {*Francfort H.-P.* Birds, Snakes, Me, and Deities in the Oxus Civilization: An Essay Dedicated to Professor Victor I. Sarianidi on a Seal from Gonur Depe // Na puti otkrytija civilizacii: Sbornik statej k 80-letiju V. I. Sari-

anidi. Trudy Margianskoj arxeologičeskoj ekspedicii / Ed. Kožin P. M., Kosarev M. F., Dubova N. A. SPb., 2010. P. 67—85.}

Isaacson 2007 — *Isaacson R.* Architectural Textiles: Tent Bands of Central Asia. Washington, D. C., 2007.

Rautenstengel, Azadi 1990 — *Rautenstengel A.* and *V., Azadi S.* Studien zur Teppich-Kultur der Turkmen. Hauptteppiche mit 'Adler' — und Dyrnak-göl Verschiedener turkmenischer Gruppen — Vergleich ihrer Struktur und ihres Erscheinungsbildes. Göklan-Turkmenen und ihre Teppiche. Hamburg — Hilden, 1990.

Tsareva 2003 — *Tsareva E.* Pileweaves of Uzbekistan // Traditional Textiles of Uzbekistan: A World of Carpets and Textiles. Washington, D.C., 2003. P. 223—237.

Tsareva 2005 — *Tsareva E.* Some notes on the structure of classical Chinese carpets // Glanz der Himmelssöhne kaiserliche Teppiche aus China 1400—1750. Köln — London, 2005. P. 187—208, 222.

Tsareva 2011 — *Tsareva E.* Turkmen Carpets. Masterpieces of Steppe Art, from 16th to 19th Centuries: The Hoffmeister Collection. Stuttgart, 2011.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена уникальным по декору и структуре туркменским ковровым лентам *иолам / ак юп*, которые являются одним из важнейших атрибутов убранства свадебной юрты некоторых туркменских племен. В работе высказываются предположения о происхождении, назначении и функции этих полос, а также рассматриваются их художественные и структурные особенности.

SUMMARY

The article is devoted to the unique Turkmen woven (carpet) bands *iolam / ak yup*, which are one of the most important attributes of yurt wedding decoration of some Turkmen tribes. The author makes assumptions about the origin and functions of *iolam / ak yup* and discusses their artistic and structural features and peculiarities.

Ключевые слова: туркмены, ковровое ткачество, свадебная юрта, орнаментальные особенности, сакральная функция

Keywords: Turkmen, carpet weaving, wedding yurt, ornamental peculiarities, sacred function

**Булгаризмы в хантыйском языке
(с дискуссионными комментариями А. Рона-Таша)¹**

История изучения тюркских, прежде всего, кыпчакских заимствований в хантыйском языке насчитывает более 100 лет. Вопрос о тюркской лексике в хантыйском освещен в работах [Paasonen 1902; Toivonen 1943—1944; ОФУЯ 1976: 337—338; Норманская, Дыбо *forthc.*]; наиболее полно этот слой лексики отражен в “Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache” В. Штейница [DEWOS]. В большинстве случаев тюркские заимствования в хантыйском отражают специфические черты фонетики сибирско-татарского языка, как например: наличие аффрикаты *c* (~ тат. *ç*), специфические метатезы (ср. хант. *І хõmtax* ‘хмель’ < сиб.-тат. *qomlaq* при тат. *qolmaq*) и др. Исходя из этого, можно сделать вывод, что наиболее интенсивные контакты хантов с тюрками имели место на территории Западной Сибири, после отделения сибирских татар от кыпчакской общности в XVI в.

Более ранние лингвистические контакты хантов и тюрков остаются практически неизученными. В полной мере это относится к вопросу о болгарских заимствованиях в хантыйском языке. До сих пор предпринимались лишь отдельные попытки сопоставления лексики чувашского языка (единственного живого представителя болгарской группы) и обско-угорских. Так, в работе «Болгары и чувашаи» [Ашмарин 1902] дается отзыв на статью Б. Мункачи [Munkácsi 1895], посвященную, в частности, предполагаемым контактам волжских болгар и обских угров. По мнению Б. Мункачи, древнечувашское происхождение имеет хант. *jay* ‘род, племя’, а также ряд других обско-угорских слов. Анализируя доводы венгерского ученого, Н. И. Ашмарин отмечал, что «присутствие чувашских элементов в вогульском и остяцком наречиях (мансийском и хантыйском языках. — прим. А. С.) нельзя считать за вполне доказанный факт» [Ашмарин 1902: 40]. В другом месте этой работы Н. И. Ашмарин, однако, признает, что «волжские болгары могли быть народом, который был в состоянии оказать большое культурное влияние как на прочие соседние угорские народности (т. е. на хантов и манси. — прим. А. С.), так и на мадьяр (венгров)» [там же: 40].

В целом версии о наличии болгарских заимствований в хантыйском языке основывались ранее лишь на внешнем сходстве тех или иных слов. При этом не применялись должным образом данные исторической фонетики чувашского и хантыйского языков, не анализировались правила фонетической адаптации заимствований; вопрос о предполагаемой локализации и датировке болгаро-хантыйских контактов также почти не освещался. В данной статье предпринята попытка системного рассмотрения предполагаемых болгарских заимствований в хантыйском языке.

Мы осознаем, что гипотеза о прямых контактах болгар и хантов требует большой осторожности — прежде всего, в силу географических причин. Пути миграции болгарских племен из Центральной Азии на Запад в начале I тыс. н. э. пролегли значительно южнее мест обитания обских угров. Более обоснованным представляется отнесение контактов к периоду после прихода болгар в Волжско-Камский регион (кон. VII в. — нач. VIII в. н. э.). В литературе встречается мнение, что в Средние века некоторые группы обских угров могли находиться к западу от Урала, см., в частности, [Kannisto 1927; Rédei 1991]. Эта гипотеза была подвергнута обстоятельной критике, например, в работах [Напольских 2002, 2005, 2008]. Как показано ниже, количество предполагаемых болгаризмов в хантыйском языке невелико (достоверных случаев заимствования в обратную сторону нами вовсе не обнаружено), поэтому об интенсивных болгаро-хантыйских контактах речь в любом случае не идет. Однако полностью исключать факт подобного взаимодействия мы не можем.

К болгарским заимствованиям в хантыйском языке следует относить такие слова, которые отражают фонетические черты болгарской группы, не имеют приемлемой внутренней этимологии и хорошо этимологизируются на болгарской (чувашской) почве. Назовем некоторые особенности болгарского консонантизма, позволяющие отличать болгаризмы от заимствований из других тюркских, а точнее — кыпчакских языков:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МД-6198.2013.6. В своей рецензии профессор А. Рона-Таш рекомендовал настоящую статью к печати, но высказал ряд замечаний. Часть из них автор статьи учел, он выражает благодарность рецензенту. Однако некоторые комментарии проф. А. Рона-Таша имеют дискуссионный характер и приводятся в качестве комментариев к предлагаемым в данной статье гипотезам о заимствовании.

- 1) развитие ПТю *r' > булг. *r, но ОТю *z;
- 2) переход ПТю *s > булг. *š в позиции перед ПТю *i, *i, *ia;
- 3) переход ПТю *č > булг. *š;
- 4) сохранение глайдов в нисходящих дифтонгах (в ОТю они опадают) и т. д. [СИГТЯ 2006: 14; Дыбо 2010: 83].

При работе с хантыйским материалом, учитывая возможную датировку контактов (кон. VII в. — нач. VIII в. н. э.), следует опираться не столько на данные современных диалектов, сколько на прахантыйскую реконструкцию. В пользу такого подхода говорит широкая диалектная представленность хантыйских слов, для которых мы предполагаем болгарское происхождение. В этой ситуации, видимо, целесообразно постулировать заимствования в прахантыйский язык, которые произошли в VII—VIII вв. н. э.

При реконструкции консонантизма хантыйских форм мы принимаем систему соответствий, описанную в [Honti 1982]. При работе с прахантыйским вокализмом используется реконструкция, предложенная в [Helimski 2001].

Следует отметить, что анализ системы вокализма в болгарских заимствованиях оказывается мало полезным, т. к. в прахантыйском языке и в отдельных хантыйских диалектах действовала, а в ряде случаев сохраняется и в настоящее время система умлаута [Helimski 2001]. Ср. замечание о сибирско-татарских заимствованиях в хантыйском: «Практически каждый гласный в том или ином конкретном хантыйском слове в определенном диалекте может являться результатом морфонологических чередований трех различных гласных. Учитывая этот факт, практически невозможно установить, какой именно гласный был в слове-источнике заимствования, и тем более соотнести эту информацию с особенностями вокализма сибирско-татарских диалектов (...)» [Норманская, Дыбо forthc.]. Это утверждение тем более справедливо для болгарских заимствований в хантыйском.

Вместе с тем при принятии решения о том, к болгарскому или кыпчакскому источнику следует отнести то или иное хантыйское слово, необходимо учитывать моменты, связанные с морфологией (например, одна и та же праторкская основа может быть оснащена разными словообразовательными аффиксами в чувашском и других тюркских языках) и семантикой.

Данные болгарской исторической фонетики позволяют очертить временные рамки, которыми следует датировать заимствования в хантыйский язык. В настоящее время хорошо изучены болгарские заимствования в венгерском [Gombocz 1912; Дыбо 2011; Róna-Tas, Berta 2011] и марийском языках [Räsänen 1920; Федотов 1990], а также немногочисленные заимствования из болгарского в пермские языки [Wichmann 1903; Rédei, Róna-Tas 1983]. По этим надежным случаям мы можем отследить время появления в болгарском языке тех или иных фонетических инноваций.

Большинство приведенных ниже хантыйских слов, насколько нам известно, в данной статье впервые отнесены к болгарскому источнику. Если не оговорено иное, хантыйский материал приводится по словарю В. Штейница [DEWOS]. Чувашские слова даются по «Словарю чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ] в транскрипции, принятой в [СИГТЯ 2000, 2002, 2006]. Материал сибирско-татарского языка, который приходится привлекать к анализу как конкурирующий с болгарским источником заимствований в хантыйский язык, в общем случае дается по «Словарю диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1992]. Лексика остальных тюркских языков и тюркские этимологии по умолчанию приводятся по [EDAL].

1) ПХант **pätär-ñäj* ‘водоворот’: J *pätərñi* ‘водоворот (в течении)’ [DEWOS: 1249]. Внешней этимологии в словаре не предлагается.

Это производное слово с ПХант суффиксом *-ñäj, который встречается, например, в словах: ПХант **künñäj* ‘радуга’ (ср. ПМанс **künjal* id. с другим суффиксом) > V *könñi*, J *könñi*, DN *köññäj*; ПХант **jetərñäj* ‘тетерка’ (ср. ПМанс **jätři* id. без суффикса) > Trj *jätərñi*, DN *jětərñäj*.

ПХант **pätär-* можно сопоставить с чув. *pädär-* ‘крутить, свертывать’ < ПТю **büt-ir-* ‘плести, ткать’ [Дыбо 2007: 27]. От формы ПТю **büt-iš-* ‘переплетаться, примыкать’ (с аффиксом другого залога!) образованы крх. *bütüš-* (МК), тур., аз., туркм. *bitiš-*, узб. *bitiš-*, каз. *bitis-* ‘мириться’. Из болгарского источника заимствованы венг. *pödör-* ‘скручивать между пальцами’, мар. Г *pätäräš-* и мар. Л *pütiraš-* ‘крутить, вертеть’. Существуют также тат. *böter-* ‘крутить, свертывать’ и башк. *bötörgös* ‘деталь ткацкого станка’ — по всей видимости, чувашизмы [там же].

Таким образом, для этого слова следует предполагать либо прямое заимствование из болгарского языка в прахантыйский, либо сепаратное заимствование на более позднем этапе из кыпчакского источника, куда слово, в свою очередь, попало из чувашского. В пользу последнего варианта могло бы свидетельствовать то обстоятельство, что слово фиксируется только в юганском говоре, входящем в восточную диалектную группу хантыйского языка. Однако в словаре [Тумашева 1992] это слово нами не обнаружено.

С точки зрения семантики препятствий для возведения хантыйского слова к болгарскому источнику нет: чув. *pǎǎr-* может употребляться применительно к водному течению. Ср.: *Хура шывсем йухасĕ пĕтĕрĕнсе...* ‘Темные воды текут, вертятся’ [СЧЯ, 10: 254]².

2) ПХант **jaau* ‘люди, мужчины’: V, Vj *jau*; Trj, J *jâu*; I (DN, KoP, Kr, Ts) *jaç*; Ni, Š, Kaz, Sy *jəç*; O *jaç*; Ahl *jax*; Patk *jaç* ‘люди, народ; мужчины, мужики’ > манс. So *jəçy* (~ *çəjan*) [DEWOS: 318]. Надежной финно-угорской этимологии у хантыйского слова нет. В. Штейниц цитирует фонетически неубедительную попытку сблизить его с пермским аффиксом множественного числа: коми зыр. *-jas*, удм. *-jos* [Uotila 1933: 183]. Тем более неприемлемо сопоставление К. Карьялайнена с венг. *jó* ‘река’ [Karjalainen 1913: 231], ставшее результатом смешения рассматриваемого слова с омонимичным хант. Vj *jau* ‘река’.

По всей видимости, речь идет о заимствовании ПХант **jaau* ‘люди, мужчины’ из болгарского: ср. чув. *jǎç* ‘род, племя’, которое находится в одном этимологическом ряду с др.-тюрк. *uq* ~ *oq*, крх. *uq* ~ *oq*, каз. диал. *йq* (в сложениях), ойр. *uq*, тув. *uq* [EDAL: 1491]. Об этом корне еще Б. Мункачи писал, что «начальное *й-* здесь могло развиться только в “угорском” (древнечувашиком, болгарском). Следовательно остяцкий ⟨хантыйский. — прим. А. С.⟩ *йax* не из алтайского, а только из болгарского» [Мункачи Письмо 1903]. Что касается замечания В. Г. Егорова («по фонетическим условиям трудно установить родство между *йax* и ук: в чув. яз(ыке) прот(етический) *й* появляется только перед ⟨...⟩ нелабиализованными гласными» [ЭСЧЯ 1964: 76]), то говорить здесь о «*й-*протезе» — решение сомнительное. Скорее, следует восстанавливать пратюркскую форму с дифтонгом **juk* [Мудрак 1993: 119—121] и постулировать архаизм в чувашском языке, где сохранилась пратюркская глайдовая инициаль.

Из чувашского языка были заимствованы мар. Г *jix* ‘род, поколение’, *jixsir* ~ *jiksir* ‘бесплодный’ [Федотов 1990: 184]³.

3) В одну ПХант форму не сводятся **kän* (> DN-Sal, KoP, Kr) и **kiin* (> остальные диалекты) ‘болезнь’: V, Vj, Vart, Sur (Likr), Mj, Trj, J *kän*; DN-Sal, KoP, Kr *xein*; Ni *çin* ‘-; Š, Kaz, Sy *çin*; Kaz также *çin* ‘-; Patk *xein*; Ko *xeina*; Vol *хынь*, *-хын*; Ahl *çin*; PB *çin*; Reg *keny* ‘болезнь; эпидемия’ > манс. N *çin* [DEWOS: 520]. В. Штейниц сравнивает эти слова с *kañt*- ‘болеть’ (St), что неправомерно, т. к. в рассматриваемых словах представлен передний гласный, а в *kañt*- — задний, и поэтому они относятся к разным прахантыйским основам.

Реконструкция двух праформ (**kän* и **kiin*) является доводом в пользу того, что слово попало к хантам извне, причем уже после распада прахантыйского языка. Б. Мункачи постулировал для данного слова татарский источник [KSz., 1: 158], против чего возражал В. Штейниц. В [DEWOS] татарское слово не приводится, но, очевидно, речь идет о тат. *qijin* ‘трудный, тяжелый’ < ПТю **Kijn* [EDAL: 821] или **kijin* [Дыбо 2007: 42]; ср. др.-уйг. *qijn*, *qin*, тур. *kijin*, узб. *qijin*, уйг. *qijin*, башк. *qijin*, кир. *qijin*, хак. *xijix*, ойр. *qijin*. Однако в сибирско-татарских говорах фиксируются только производные глаголы — *qijna-u* ‘беспокоить; бить, притеснять’ и *qijjal-u* ‘мучиться, испытывать затруднение’ [Тумашева 1992: 138].

Лучше сравнить хантыйское слово с принадлежащим к той же пратюркской основе чув. *çən* ‘мучение; беда; болезнь’. В пользу болгарского источника говорят отсутствие инлаутного *-j-* в хантыйских формах, семантика и широкая представленность слова в хантыйских диалектах.

Хантыйское слово не сводится в угорскую этимологию с венг. *kín*, *kinok* (pl.) ‘мучение’, которое также имеет болгарское происхождение [Gombocz 1912: 95; Róna-Tas, Berta 2011: 248—250]. Любопытно, что для древневенгерского восстанавливается долгий гласный **ī* — ср. приведенную выше хантыйскую праформу с долгим **ii*. В обоих случаях речь может идти об отражении раннеболгарского развития пратюркского сочетания **ij*⁴.

4) В одну ПХант форму не сводятся **päc* (> I, Kaz, Ni, Sy) и **piic* (> VT, Vj, O) ‘бедро’: VT *pit*‘; Vj *pit*‘-; I (DN, KoP, Kr) *pet*‘; Ni, Š, Kaz, Sy *peš*; O *piš*; Ahl, PB *pěš* ‘бедро, ляжка; холка’ [DEWOS: 1251]. Сопоставляется с манс. N, LM *pěš*, P *peš*, K *piš* ~ *piš*, T *piš* ~ *pĩš* id. [Munkácsi, Kálmán 1986: 436]. В [Honti 1982] реконструируется ПОБУг **pĩc* ‘бедро’.

² По поводу данной этимологии ПХант **pätər-ñǎj* ‘водоворот’ проф. А. Рона-Таш высказал следующее: “(It is morphologically problematical. The word is a verb in Chuvash. The Hungarian word is not of the Turkic origin, it is onomatopoeic, therefore it is not treated in [WOT])”.

³ Относительно представленной в данной статье этимологии ПХант **jaau* ‘люди, мужчины’ проф. А. Рона-Таш отметил следующее: “The cited Turkic word *oq* has its primary meaning ‘arrow’. The *y-* > *ǰ-* is not proven here. The reconstruction **iuk* would not give *yǎx-* in Chuvash”.

⁴ Проф. А. Рона-Таш отметил достоинства данной этимологии ПХант **kän* / **kiin* ‘болезнь’, но указал на ее семантическую неоднозначность (“(it is) semantically not clear; see [WOT: 548—550])”.

Представляется, что ПОБУг реконструкция не очень надежна, т. к. хантыйские формы не сводятся в одну праформу. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом слове наблюдается такое же соотношение по вокализму хантыйских диалектов, что и в предыдущем слове: ПХант **ä* ~ **i*. Сходство обско-угорских слов можно объяснить межъязыковыми заимствованиями.

Обско-угорские формы можно сравнить с чув. *pǎžǎ*, *pǎš* ‘бедро, ляжка’. Хантыйское и чувашское слова соотносятся друг с другом и фонетически, и семантически. Обско-угорские формы не имеют внешней этимологии. Чув. *pǎžǎ* ранее предлагалось сравнивать с туркм. *būt*, якут. *būt*, тур. *but*, тат. *bot* ‘бедро’ [ЭСЧЯ 1996, 1: 425] и с тур., кр.-тат. *bažak* ‘вся нога; бедро; лапа’ [Радлов 1911: 1522], но оба сопоставления не проходят по фонетическим причинам. Возведение чувашского слова к перс. *nāche* ‘ножка’ [ЭСЧЯ 1964: 158] еще М. Р. Федотов счел «невероятным». В [СИГТЯ 2000: 282] чув. *pǎžǎ* связывается с ПТю **bič-kak* ‘лапки (шкура) животных’, где *-kak* — уменьшительный суффикс. Фонетически такое сопоставление допустимо, т. к. огубленный *ž* в чувашском языке может быть вторичным в позиции рядом с губным *p*-. Если чувашское слово действительно имеет тюркскую этимологию, то появляются основания постулировать булгаризм в обско-угорских языках⁵.

5) ПХант **kooj-* / **köj-* / **kaj-* ‘остаток строганного дерева’ (слишком мало форм, поэтому точно ПХант гласный восстановить не удастся): Kaz (St) *χqjəŋ* (*χqjəŋem*), Sy *χujəŋ* ‘остаток строганного дерева’ [DEWOS: 447]. Соответствий ни в мансийском, ни в других финно-угорских языках нет.

Суффиксальный характер хантыйского форманта *-əŋ* и его вариантов очевиден: они меняются даже в рамках одного диалекта. Это отыменный словообразовательный суффикс, ср. ПХант **jur* ‘знание’ > **jur-əŋ* ‘гордость’.

Хантыйское слово можно сопоставить с чув. *χьjь* ‘лучина’ < ПТю **Kij-* ‘резать наискосок, делать зарубки; резать на мелкие кусочки’ [EDAL: 544], ср.: МК *qij-*, тур. *kij-*, туркм. *Gij-*, узб. *qij-*, кирг. *qij-*, хак. *xij-*, ойр. *qij-*, тув. *qij-*, якут. *kij-*. В словаре сибирско-татарских говоров представлены только *qij-u* ‘резать’ и производные от него глаголы, а также отглагольные существительные *qijiq* ‘лоскуток; клин, вставленный в платье’ и *qiju* ‘прорубь’ [Тумашева 1992: 138—139]. Среди тюркских форм только чувашская имеет значение ‘лучина’, близкое к семантике хантыйского слова⁶.

6) ПХант **čulči* / **čilči* ‘мышь’: Kaz (St) *šöl’si* в сложении *šöl’si-pǎł’si* ‘мышь’ (?); Kaz (OL) *šǎł’si* (?) ‘род мыши’ [DEWOS: 1514]. Предлагается сравнивать с хант. VT *t’ul’mj*, Vj, VK *t’ul’mj*, Likr *t’jz’mj*, Mj, Trj, Pim *t’jłəm* ‘маленькая остромордая мышка’. Сопоставляется с манс. N *šol’si* ~ *sol’si* ~ *šöl’si* ~ *šöl’is* [*šöl’si*]; LM *šöl’is* ~ *šöliš* ~ *šol’eš* ~ *šol’es* ~ *šöl’eš*; LU *šöl’s*; P *šol’is* ~ *šäl’is*; K *söliš* ~ *söl’eš* ~ *söl’is* ~ *söliš*; T *šal’s* ~ *šal’is* ~ *šal’s* ‘горностаи’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 598]. В корпусе [Honti 1982] ПОБУг сопоставление отсутствует.

ПХант **čulči* / **čilči* можно сопоставить с чув. *šьži* ‘мышь’ < ПТю **sičgan* [EDAL: 1301], ср.: тат. *sičqan*, *tičqan*, башк. *sisqan*, каз. *tišqan*, др.-уйг. *sičyan*, тур. *sičan*, туркм. *sičan*, хал. *sičyān*, узб. *sičqan*, уйг. *sačqan*, *čačqan*, кирг. *čičqan*, кбалк. *cičxan*, ног. *šišqan*, хак. *sisxan*, шор. *šišqan*, ойр. *čičqan*, якут. *čis*. Отражение указывает именно на болгарский, а не пратюркский (> стандартно-тюркский) характер заимствованных форм. Булгарская палатализация, т. е. переход ПТю **s* > булг. *š* в позиции перед ПТю **i*, **i* или восходящим дифтонгом, произошла уже ко времени ранних контактов с венграми — в венгерском языке она стандартно отражается как *š* (орфографически — *s*) [Дыбо 2011]. Неоднозначность передачи болгарского консонантизма при адаптации в хантыйском языке обусловлена тем, что на прахантыйском уровне имелись только **č*, **č* и **s*. Инлаутный *-l-* в хантыйском может быть отражением болгарского сонорного, ср. чув. диал. *šьrži* id.

Заимствование из болгарского предполагалось и для венг. *cziczkány* ‘землеройка’ [Gombocz 1912: 66], но, согласно [EWU], это слово появилось в венгерском из научного немецкого языка, где, в свою очередь, является кыпчакизмом⁷.

7) ПХант. **saart* ‘щука’: V, Vj, Vart, Likr, Mj *sart* (V *surtəm*); Trj, J *sårt* (*surtəm*); I (DN, Fil, KoP, Koš, Kr) *sort*; Ni, Š, Kaz *sort*; Sy *sør*; O *sart* ‘щука’ [DEWOS: 1375]. Сопоставляется с манс. N *sort* ~ *sårt* [*sort*], LM, LU *sart*, P, K, T *sårt* id. [Munkácsi, Kálmán 1986: 564]. В [Honti 1982] реконструируется ПОБУг **sårt*.

⁵ Замечание проф. А. Рона-Таша: “The Chuvash word has no acceptable etymology”.

⁶ Проф. А. Рона-Таш, в целом отмечая допустимость этимологии ПХант **kooj-* / **köj-* / **kaj-* ‘остаток строганного дерева’ (“(it is) basically acceptable”), указывает, однако, на хронологические трудности, связанные с переходом *q-* > *x-* (“chronological problems with *q-* > *x-*”).

⁷ Замечание проф. А. Рона-Таша по поводу этимологии ПХант **čulči* / **čilči* ‘мышь’: “I do not see from where the /l/ in Khanty comes. The word has a verbal origin, see [WOT: 1180]”.

Как нам представляется, отношения хантыйских и мансийских форм трудно проинтерпретировать однозначно. По крайней мере, нет препятствий для того, чтобы считать мансийские формы заимствованными из хантыйского языка.

Обско-угорские формы ранее сопоставлялись с коми *śir id.* [Лыткин, Гуляев 1970: 257]. В [UEW] восстанавливается ПФУ **śurз*, обско-угорский *-t* назван “ein denom(inal) Nominalsuffix”, а препятствующий сопоставлению передний гласный в коми предлагается связывать с влиянием палатального анлаутного согласного [UEW: 492]. Вопреки этому предположению, коми и обско-угорские формы не сводимы из-за вокализма [Норманская 2008]. Поскольку убедительной финно-угорской этимологии у обско-угорских форм нет, следует предполагать заимствование.

Фонетически убедительно выглядит возведение хантыйской формы к башк. *sortan* ‘щука’, ср. тат. *śurtan* < ПТю **čortan* [EDAL: 453]; ср. туркм. *čortan*, кирг. *čorton*, каз. *šortan*, хак. *sortan*, ойр. *čorton*, тув. *šortan*, якут. *sordoŋ*. Однако это сопоставление не проходит из-за очень широкого распространения обско-угорских форм. Заимствование имело место явно до появления специфически башкирских черт, к которым относится переход ПТю **č* > башк. *s*.

В таком случае можно предположить заимствование из болгарского языка: ср. чув. *śǝrttan*, *śǝrdan id.* из той же пратюркской основы. Значительная сложность (как и при предположении о заимствовании из башкирского) заключается в необъясненной потере форманта *-an* в хантыйском языке (результат переразложения основы?).

Отдельного рассмотрения заслуживает отражение в этом предполагаемом заимствовании болгарского рефлекса ПТю **č*. В болгарских заимствованиях в венгерский язык ПТю **č* в позиции не перед ПТю **i*, **i* или восходящим дифтонгом отражается как *š* (орфографически — *s*) [Róna-Tas 1982: 144]. Согласно интерпретации А. В. Дыбо, это говорит о том, что ПТю **č* в обычной позиции уже в раннеболгарском дал фриктивный рефлекс [Дыбо 2011]. В болгарских заимствованиях в марийский язык ПТю **č* > чув. *ś* стандартно отражается как *s*, см. выборку в [Федотов 1990: 229—240]. Приведенное там же мар. *čortan* ‘щука’, как представляется, ошибочно отнесено к числу чувашизмов — на самом деле это заимствование из татарского. Таким образом, есть основания думать, что ко времени предполагаемых контактов с хантами ПТю **č* дал в болгарском языке фриктивный рефлекс, который, возможно, отражается как *s*- в хантыйском названии щуки⁸.

8) ПХант **kaaŋrV* (> Kaz), *U*-умлаут — **kuuŋrV* (> Ni) ‘насекомое’: Ni *χuŋ'ra*; Kaz (KT, St) *χəŋ'ri*; I (DN, KoP, Kr) *t'oŋχər* < **χoŋχər*; O *χaraŋ* < *χaŋ'ra* ? [DEWOS: 527]. Все эти слова встречаются в композитах со значением ‘стрекоза’ (Ni *śāŋ'ra χuŋ'ra*, Kaz *śāŋ'ri χəŋ'ri* и т. д.). Сопоставляется с композитом манс. N *ś̄χri-χ̄χri id.*, что представляется фонетически малоубедительным; вероятно, поэтому это сопоставление отсутствует в работе [Honti 1982].

По мнению В. Штейница, приведенное слово “wohl deskriptiv”. Однако хантыйские формы можно сопоставить с чув. *χ̄т̄ər* ‘насекомые вообще’, *χort-χ̄т̄ər* ‘пчелы, насекомые’ [СЧЯ, 16: 327], *χ̄т̄ər-duri* ‘шмель’ [Мудрак 1993: 41], ‘трутень’ [EDAL: 566]. Чувашское слово возводится к ПТю **Koŋur* ‘жук’, которое дает тат. *qoŋuz* и сиб.-тат. (тар.) *quŋiz id.* [Тумашева 1992: 134], а также др.-уйг. *qoŋuz*, узб. *quŋiz*, уйг. *qoŋuz*, башк. *quŋið*, кирг. *qoŋuz*, каз. *qoŋiz*, хак. диал. *xōs* и т. д.

Судя по широкому распространению в хантыйских диалектах и по ротацизму, это слово было заимствовано в прахантыйский из тюркского языка болгарского типа. В других тюркских языках ротацизм обнаруживается только в якут. *χoŋur-duos*, *χotur-duos* ‘жук’, которые с указанными выше тюркскими словами сопоставлял еще Т. Текин [Tekin 1969: 62].

С фонетической стороны единственное, но значительное затруднение состоит в том, что ПТю **ŋ* в позиции перед узким гласным достаточно рано дал в болгарской группе **m*. Венгерский язык, по всей видимости, мало что может дать для установления временных рамок этого перехода, поскольку в венгерских болгаризмах позиция «ПТю **ŋ* перед узким гласным» не отражена⁹. Зато есть пример чув. *k̄m̄l* ‘настроение’ < ПТю **kōŋil*, откуда заимствованы мар. Л *kumil* и мар. Г *kimil* [Федотов 1990: 192], т. е. ко

⁸ Проф. А. Рона-Таш также указывает на необъяснимость потери форманта *-an* в хантыйском языке: “The loss of the final *-an* is not motivated”.

⁹ В качестве примера можно привести разве что болгаризм *gyom* ‘сорняк’, ср. чув. *śom* и ойр. *joŋ*. Как показано в [Мудрак 1989: 219], переход других носовых сонантов в *-m*- действовал и в «ауслатной» позиции, если исторически после них в болгарском языке был представлен редуцированный гласный, которому соответствовал особый пратюркский ауслатный гласный («краткий конечный **u*»?). Однако в [EDAL] в качестве основной дана форма ПТю **jom* (т. е. с *-m*- уже на ПТю уровне), реконструкция **joŋ* приводится под знаком вопроса.

времени булгаро-хантыйских контактов уже вполне ожидаемо было бы видеть на месте ПТю *ʝ губной, а не велярный сонант¹⁰.

Заключение

Приведенный выше корпус предполагаемых болгарских слов в хантыйском языке, строго говоря, слишком мал, чтобы на его основании можно было анализировать правила адаптации болгарской фонетики (особенно вокализма) при заимствовании. Большинство получающихся соответствий либо встречаются один раз, либо вполне тривиальны. Вместе с тем интересно, что, например, в нашей выборке дважды представлены слова с ПТю корневым *o (*čortan ‘щука’ и *Koŋur ‘жук’), которому соответствует -ǰ- в чувашском (*šǝrttan*, *χǝmǝr*); оба раза в прахантыйском языке реконструируется долгий *aa (*saart, *kaaŋrV). К этим случаям примыкает пример с пратюркским дифтонгом *ju (*juk ‘род’), который дает в чувашском -ǰ- (*jǝχ*); в прахантыйском отражении этой основы тоже реконструируется *aa (*jaau).

Примечательны и два слова (примеры 3 и 4), для которых по вокализму не восстанавливается единая прахантыйская форма: для части диалектов реконструируется *ä, для части — *i. Междиалектное соответствие, несвойственное исконной хантыйской лексике, дополнительно свидетельствует о заимствованном характере данных слов. Несводимость их к одной праформе может свидетельствовать о том, что заимствование произошло уже после распада прахантыйского языка.

Что касается консонантизма, то в рассмотренных выше заимствованных словах хантыйского языка отразились такие специфически болгарские процессы, как ротацизм (ПТю *r > булг. r), переходы ПТю *s > булг. š (в позиции перед ПТю *i и *i) и ПТю *č > булг. č.

Из восьми рассмотренных здесь хантыйских слов семь — либо прахантыйские, либо севернохантыйские. Между тем сибирско-татарские по происхождению слова распространены в основном в восточных и юго-западных диалектах хантыйского языка; существует небольшая группа заимствований из сибирско-татарского, представленных во всех группах хантыйских диалектов, а сепаратных татаризмов в северо-западных диалектах хантыйского практически нет [Норманская, Дыбо forthc.]. Тот факт, что рассмотренные слова имеют иную диалектную представленность в хантыйском, чем кыпчакизмы, служит не решающим, но значимым аргументом в пользу заимствования из болгарского языка. Вместе с тем формы типа ПХант. *čulči / *čilči ‘мышь’ при чув. *švrži* < ПТю *sičgan и ПХант. *saart ‘щука’ при чув. *šǝrttan* < ПТю *čortan, отражая болгарские палатализации, указывают на то, что заимствование не могло относиться к пратюркской эпохе.

В заключение следует подчеркнуть, что выводы, сделанные в настоящей статье, носят предварительный характер. Вопрос о контактах болгар и обских угров еще очень мало исследован, его изучению поспособствуют сбор новых экспедиционных материалов, дальнейшая разработка исторической фонетики чувашского и обско-угорских языков, новые данные археологии и т. д.

Сокращения

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский	манс. — мансийский
башк. — башкирский	К — кондинский диалект
булг. — болгарский	LM — среднелозьвинский диалект
венг. — венгерский	LU — нижнелозьвинский диалект
др.-тюрк. — древнетюркский	N — северномансийские диалекты
др.-уйг. — древнеуйгурский	So — сосьвинский диалект
зыр. — коми-зырянский	P — пелымский диалект
каз. — казахский	T — тавдинский диалект
кбалк. — карачаево-балкарский	мар. — марийские
кирг. — киргизский	Г — горномарийский
кр.-тат. — крымско-татарский	Л — луговой марийский
крх. — караханидско-уйгурский	МК — язык Махмуда Кашгарского (XI в.)

¹⁰ Замечание проф. А. Рона-Таша по поводу этимологии ПХант. *kaaŋrV ~ *kuuŋrV ‘насекомое’: “See [WOT: 560—562]”.

ног. — ногайский	тат. — татарский
ойр. — ойротский	тув. — тувинский
ОТю — общетюркский	тур. — турецкий
перс. — персидский	туркм. — туркменский
ПМанс — прамансийский	удм. — удмуртский
ПОБУг — праобско-угорский	узб. — узбекский
ПТю — пратюркский	уйг. — уйгурский
ПФУ — прафинно-угорский	хак. — хакасский
ПХант — прахантыйский	хал. — халаджский
сиб.-тат. — сибирско-татарский	
тар. — диалект сибирско-татарского языка в Тарском районе Омской области	

хант. — хантыйский

Ahl — березовский говор (говор с. Березово) в записях А. Альквиста

I — иртышский диалект

DN — верхнедемьянский говор

DN-Sal — верхнедемьянский говор с элементами салымского диалекта (говора верхнего течения р. Салым)

Fil — говор юрт Филинских на р. Иртыш

Patk — иртышские говоры в записях С. К. Патканова

Ts — цингальский (цингалинский) говор (говор с. Цингалы) на р. Иртыш

Kaz — казымский диалект

KT — казымский диалект по материалам словаря К. Ф. Карьялайнена [Karjalainen 1948]

OL — казымский диалект в записях К. Ф. Карьялайнена, по [Karjalainen 1905]

St — казымский диалект в рукописных материалах В. Штейница

Ko — кондинский диалект

KoP — говор юрт Каменских на р. Конда

Koš — говор юрт Кошелевских на р. Конда

Kr — говор юрт Красноярских на р. Конда

Ni — низямский диалект

O — обдорский диалект

PB — хантыйские данные в записях Э. Беке, по [Beke 1907—1908]

Reg — хантыйские данные в записях А. Регули

Sur — сургутский диалект

J — юганский говор

Likt — говор с. Ликрисовское на р. Обь

Mj — малоюганский говор (говор по р. Малый Юган)

Pim — пимский говор

Tgj — тромъеганский говор

Sy — сынский диалект (диалект по р. Сыня)

V — ваховский диалект

VT — ваховский диалект в записях Н. И. Терешкина

Vart — вартовский диалект

Vj — васюганский диалект

VK — верхнекалымский диалект

Vol — хантыйские данные в записях свящ. П. Вологодского

Š — шеркальский диалект

чув. — чувашский

шор. — шорский

якут. — якутский

Общие

диал. — диалект, диалектный

pl. — plural (множественное число)

Литература

Ашмарин 1902 — *Ашмарин Н. И.* Болгары и чувашы. Казань, 1902. {*Ašmarin N. I.* Bolgari i čuvaši. Kazan', 1902.}

Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urkov: Leksičeskij fond. Prāt'urkskij period. M., 2007.*}

Дыбо 2010 — Дыбо А. В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2010, 32/33. S. 83—132.* {*Dybo A. V. Vokalizm rannet'urkskix zaimstvovanij v vengerskom // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2010, 32/33. P. 83—132.*}

Дыбо 2011 — Дыбо А. В. Отражение болгарских палатализаций в булгаризмах венгерского языка // *Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации. Материалы международной конференции. Чебоксары, 2011. С. 10—21.* {*Dybo A. V. Otráženie bulgarskix palatalizacij v bulgarizmax vengerskogo jazyka // Čuvaškij jazyk i etnos v istorii evrazijskoj civilizacii. Materialy meždunarodnoj konferencii. Čeboksary, 2011. P. 10—21.*}

Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. M., 1970.*}

Мудрак 1989 — Мудрак О. А. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1 (Тезисы докладов). М., 1989. С. 216—222.* {*Mudrak O. A. Specifičeskie droblenija konsonantnyx refleksov v čuvašskom jazyke // Lingvističeskaja rekonstrukcija i drevnejšaja istorija Vostoka. Part 1 (Tezisy dokladov). M., 1989. P. 216—222.*}

Мудрак 1993 — Мудрак О. А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O. A. Istoričeskie sootvetstvija čuvaškix i t'urkskix glasnyx: Opyt rekonstrukcii i interpretacii. M., 1993.*}

Мункачи Письмо 1903 — Письмо Бернгарда Мункачи из Будапешта от 12.02.1903 г. на имя Н. И. Ашмарина // *НА ЧНИИ. Отд. IV. Д. 151. Л. 213.* {*Pis'mo Berngarda Munkači iz Budapešta ot 12.02.1903 g. na im'a N. I. Ašmarina // NA ČNII. Otd. IV. D. 151. L. 213.*}

Напольских 2002 — Напольских В. В. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: Заблуждения и реальность // *Древнетюркский мир: История и традиции / Ред. Арсланова А. А., Байбулатова Л. Ф., Загидуллин И. К. Казань, 2002. С. 85—105.* {*Napol'skix V. V. "Ugro-samodijskaja" toponimika v Prikam'je: Zabluzdenija i real'nost' // Drevnet'urkskij mir: Istorija i tradicii / Ed. Arslanova A. A., Bajbulatova L. F., Zagidullin I. K. Kazan', 2002. P. 85—105.*}

Напольских 2005 — Напольских В. В. Йöгра: Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия // *Антропологический форум. № 3. Санкт-Петербург, 2005. С. 240—268.* {*Napol'skix V. V. Jögra: Rannie obsko-ugorsko-permskie kontakty i etnonimija // Antropologičeskij forum. № 3. Sankt-Peterburg, 2005. P. 240—268.*}

Напольских 2008 — Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // *Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург — Сургут, 2008. С. 14—25.* {*Napol'skix V. V. Permsko-ugorskie vzaimootnošenija po dannym jazyka i problema granic ugorskogo učastija v etničeskoj istorii Predural'ja // Voprosy arheologii Urala. Vol. 25. Ekaterinburg — Surgut, 2008. P. 14—25.*}

Норманская 2008 — Норманская Ю. В. Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaja Ju. V. Rekonstrukcija pračinno-volžskogo udarenija. M., 2008.*}

Норманская, Дыбо forthc. — Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тюркские заимствования в финно-угорских названиях одежды // *Российская тюркология (в печати).* {*Normanskaja Ju. V., Dybo A. V. T'urkskie zaimstvovanija v finno-ugorskix nazvanijax odeždy // Rossijskaja t'urkologija (forthc.).*}

ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / Ред. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К. М., 1976. {*Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Marijskij, permskie i ugorskie jazyki / Ed. Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Rédei K. M., 1976.*}

Радлов 1911 — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб., 1911. {*Radlov V. V. Opyt slovar'a t'urkskix narečij. Vol. 4. SPb., 1911.*}

СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2000. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Ed. Tenišev E. R. M., 2000.*}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2002. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Ed. Tenišev E. R. M., 2002.*}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prāt'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prāt'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Ed. Tenišev E. R., Dybo A. V. M., 2006.*}

СЧЯ — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Чебоксары, 1994—2000. {*Ašmarin N. I. Slovar' čuvaškogo jazyka. Vol. 1—17. Čeboksary, 1994—2000.*}

Тумашева 1992 — Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. {*Tumaševa D. G. Slovar' dialektov sibirskix tatar. Kazan', 1992.*}

- Федотов 1990 — *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. {*Fedotov M. R.* Čuvašsko-marijskie jazykovye vzaimosv'azi. Saransk, 1990.}
- ЭСЧЯ 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. {*Egorov V. G.* Etimologičeskij slovar' čuvašskogo jazyka. Čeboksary, 1964.}
- ЭСЧЯ 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etimologičeskij slovar' čuvašskogo jazyka. Vol. 1—2. Čeboksary, 1996.}
- Beke 1907—1908 — *Beke Ö.* Északi-ostják szójegyzék. Nordostjakisches Wörtverzeichnis. Budapest, 1907—1908.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.
- EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Ed. *Benkő L.* Budapest, 1993—1994.
- Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXX.) Helsinki, 1912.
- Helimski 2001 — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Kannisto 1927 — *Kannisto A.* Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1927, 17. S. 57—89.
- Karjalainen 1905 — *Karjalainen K. F.* Zur ostjakischen Lautgeschichte. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXIII.) Helsinki, 1905.
- Karjalainen 1913 — *Karjalainen K. F.* Wie Ego im ostjakischen die verwandten benennt // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1913, 13. S. 207—295.
- Karjalainen 1948 — *Karjalainen K. F.* Ostjakisches Wörterbuch / Bearb. und hrsg. von *Toivonen Y. H.* Bd. I—II. Helsinki, 1948.
- KSz. — Keleti Szemle. Revue Orientale. Bd. I. Budapest, 1900.
- Munkácsi 1895 — *Munkácsi B.* Az “ugor” népnevezet eredete // Ethnographia. 1895, 6. P. 349—387.
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Paasonen 1902 — *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1902, 2. S. 81—137.
- Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.
- Rédei 1991 — *Rédei K.* Bemerkungen zu zwei mißlungen etymologischen Versuchen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1991, 50. P. 161—171.
- Rédei, Róna-Tas 1983 — *Rédei K., Róna-Tas A.* Early Bulgarian loanwords in the Permian languages // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983, 37/1—3. P. 3—41.
- Róna-Tas 1982 — *Róna-Tas A.* The periodization and sources of the Chuvash linguistic history // Chuvash Studies. Budapest, 1982. P. 113—169.
- Róna-Tas, Berta 2011 — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. I—II. Wiesbaden, 2011.
- Tekin 1969 — *Tekin T.* Zetacism and Sigmatism in Proto-Turkic // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1969, XXII (1). P. 51—80.
- Toivonen 1943—1944 — *Toivonen Y. H.* Türkische Lehnwörter im Ostjakischen // Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomukset, 52. Helsinki, 1943—44. S. 5—20.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.
- Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXV.) Helsinki, 1933.
- Wichmann 1903 — *Wichmann Y.* Die Tschuwassischen Lehnwörter in den Permischen Sprachen. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXI.) Helsinki, 1903.
- WOT — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Wiesbaden, 2011.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены несколько хантыйских слов предположительно болгарского происхождения. Фонетический и семантический анализ проведен на основании прахантыйской реконструкции и данных современного чувашского языка. Установлено, что болгаризмы в хантыйском языке имеют более широкую диалектную представленность по сравнению с заимствованиями из сибирско-татарского языка.

SUMMARY

The article examines the Khanty words which seem to be loaned from the Bulgar language. The phonetic and semantic analysis of their features is based on the Proto-Khanty reconstruction and data of the modern Chuvash language. It is established that the Bulgar loanwords have a broader representation in the Khanty dialects than the Siberian Tatar ones.

Ключевые слова: болгарский язык, хантыйский язык, сибирско-татарский язык, чувашский язык, заимствования, языковые контакты

Keywords: the Bulgar language, the Khanty language, the Siberian Tatar language, the Chuvash language, loanwords, language contacts

К 200-летию со дня рождения Матиаса Александра Кастрена (1813—1852). Новые данные из архива М. А. Кастрена и соотнесение их с материалом современных языков¹

В великой и сложной науке о человеческих народах, в ее разделе, относящемся к северной Евразии, Кастрен занимает место, единственное в своем роде. Он был началом движения, первым биением творческой жизни. Это — исходный пункт, откуда разошлись многие и разные пути. Но по этим различным путям он шел одновременно и сам, и так далеко зашел, что мы, вышедшие после него на столетие, до сих пор не можем догнать его. Это зачинатель, опередивший продолжателей. Его человеческий образ сияет кристальной чистотой, его научные работы донныне не превзойдены.

[Богораз 1927: 35] (см. публикацию в этом номере)

В настоящей работе мы бы хотели показать, что слова В. Г. Богораза о М. А. Кастрене («его научные работы донныне не превзойдены») не утратили своей актуальности и сейчас — через 86 лет после написания В. Г. Богоразом статьи [Богораз 1927], через 200 лет со дня рождения Кастрена. Более того, наши собственные изыскания в архиве Кастрена позволяют сказать, что еще многое в его полевых записях не изучено и что эти не описанные никем в более поздних работах языковые факты открывают новые горизонты в исследовании языков Евразии.

Приведем здесь три примера из истории языков, относящихся к трем разным семьям: энецкого (самодийский), хантыйского (финно-угорский) и хакасского (тюркский). Специально подчеркнем, что это не исчерпывающий анализ неописанных языковых реалий из архива Кастрена, а иллюстрации перспектив его тщательного описания и издания. Неописанных и неопубликованных фактов еще очень много; в частности, они касаются разноместного ударения. Даже беглый просмотр полевых записей Кастрена показывает, что в большинстве самодийских языков и диалектов: ненецких, энецких и селькупских — он отмечает разноместное ударение. Этот тип словесного акцента отмечен и в материалах по некоторым финно-угорским языкам — саамским и хантыйским диалектам. Ударение отмечено не только в словарных записях, но и в парадигмах склонения и спряжения. К сожалению, в изданиях трудов Кастрена, подготовленных академиком А. А. Шифнером, отсутствуют знаки ударения.

Правила постановки акцента в современных самодийских и обско-угорских языках в настоящее время описаны далеко не полностью. Можно отметить следующие работы:

- 1) статьи М. К. Амелиной [Амелина 2011, 2012], где описано место ударения в непроемных именах (исконной лексике) канинского, ямальского и гыданского диалектов ненецкого языка;
- 2) словарь лесного диалекта ненецкого языка Я. Н. Поповой [Попова 1978], в котором есть указания на место ударения в исходной словоформе; однако он небольшого объема и не содержит информации об изменении места иктуса в парадигме той или иной лексемы;
- 3) раздел монографии [ОчСЯ 1993], написанный Е. А. Хелимским, где приведены правила постановки ударения в тазовском диалекте селькупского языка²;
- 4) статьи [Норманская 2012а, 2012б] с описанием правил постановки ударения в центральных и южных диалектах селькупского языка на материале данных архива А. П. Дульзона;

¹ Работа выполнена при поддержке грантов ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ МД-6198.2013.6 и РГНФ № 11-04-00049а.

² Правда, как указывается в [ОчСЯ 1993], в тазовском диалекте селькупского языка ударение фактически во всех формах (за исключением императива) не является разноместным, а зависит от типа суффикса. Лишь в формах императива ударение может падать как на первый, так и на второй слог слова в зависимости от типа корня. В экспедициях к тазовским селькупам Е. А. Хелимский собрал около 400 корней, от которых могут быть образованы формы императива. К сожалению, этот список форм не вошел в издание [ОчСЯ 1993]; в настоящее время он доступен только в архиве Е. А. Хелимского, который находится в Обществе М. А. Кастрена в Финляндии. В рамках работы с архивом этот список был отсканирован и в настоящее время готовится к публикации.

5) монографию И. А. Николаевой [Nikolaeva 1999], где описано «фонологическое» ударение в обдорском (северо-западном) диалекте хантыйского языка³;

6) статью [Норманская 2013], где на материале данных архива А. П. Дульзона описано ударение в васюганском (восточном) диалекте хантыйского языка⁴;

7) словарь [Munkácsi, Kálmán 1986], в котором зафиксировано разноместное ударение в тавдинском диалекте мансийского языка;

8) неизданный, но доступный в сети Интернет (<http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten/Helimski-Enzisch.zip>) энецкий словарь Е. А. Хелимского [Helimski 2007], в котором отмечено разноместное ударение при словоизменении и словообразовании⁵.

На основе сравнительного анализа изданных материалов и архивных данных Кастрена мы пришли к выводу, что его материалы по фиксации места ударения в ненецких, энецких и хантыйских диалектах дают новые данные по сравнению с исследованиями, опубликованными после его смерти⁶. Итак, приведем примеры.

1. Энецкий язык

В результате работы с энецкими неизданными архивными материалами Кастрена в 2011 г. нам удалось выявить, что в ряде словоформ проставлено ударение, которое по неизвестным причинам было опущено в издании этой рукописи А. А. Шифнером. Введение в научный оборот энецких данных, собранных Кастреном, в полном объеме — дело будущего. В настоящей статье мы остановимся только на вопросе о характере правил постановки ударения в энецких материалах Кастрена.

В непроемных словах, имеющих прасамодийскую этимологию, ударение в подавляющем большинстве случаев падает на первый слог. Однако был выявлен ряд производных слов, в которых при одном и том же суффиксе и разных корнях ударение может падать как на первый, так и на непервый слог; таких суффиксов всего пять: *-i-bo*, *-’a-bo*, *-t/da-bo*, *-ra-bo*, *-ba-bo*⁷. В Таблице 1 приводится полный список слов, образованных с помощью этих суффиксов.

Как объяснить тот факт, что в большинстве суффиксальных производных в энецком языке ударение ставится на корень или на суффикс в зависимости от типа суффикса и независимо от корня, а при этих пяти суффиксах наблюдается двойственность: в словах с одним и тем же суффиксом может быть ударным то корень, то суффикс?

Можно предположить, что энецкая акцентная система, зафиксированная в материалах Кастрена, демонстрирует состояние перехода от парадигматической системы ударения⁸ к системе с категори-

³ Как пишет И. А. Николаева, в обдорском (северо-западном) диалекте хантыйского языка место иктуса определяется в зависимости от качества гласных в словоформе. Ударение ставится на первом слева «тяжелом» слоге, если такие есть в словоформе, и на первом «легком» — если такие отсутствуют. Слог считается «тяжелым», если он содержит долгий гласный, «легким» — если краткий [Nikolaeva 1999].

⁴ В васюганском (восточном) диалекте хантыйского языка система ударения имеет уникальный характер: представлено два различных типа ударения — имени и глагола. Для глагола характерно разноместное парадигматическое ударение, для имени — фиксированное в зависимости от фонемного состава словоформы. Однако правило постановки ударения в имени не совпадает с распределением, предложенным в [Nikolaeva 1999]. Именное ударение в васюганском диалекте хантыйского языка зависит не от количества, а от качества гласного: «Если в корне слова в васюганском диалекте представлены рефлексы прахантыйского краткого гласного верхнего подъема: **i*, **i*, **u*, **i*, — то в именах ударение ставится на второй слог. Если в корне слова наблюдаются рефлексы других прахантыйских гласных, то в именах ударение фиксировано на первом слоге» [Норманская 2013].

⁵ Отметим, что правила постановки ударения в энецком ни Е. А. Хелимским, ни последующими исследователями сформулированы не были.

⁶ Это не так для селькупских диалектов, поскольку в архиве Кастрена разноместное ударение зафиксировано только для центральных и южных диалектов селькупского языка. Оно совпадает с местом словесного акцента, указанным для этих же диалектов в архиве А. П. Дульзона. Однако томскими исследователями за полвека работы (начиная с середины XX в.) был собран более богатый материал по селькупским диалектам.

⁷ Это каузативные аффиксы с тематическими гласными, а *-bo* — показатель 1-го лица субъектного спряжения настоящего времени.

⁸ В. А. Дыбо дает следующее определение для парадигматических акцентных систем. «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

Материал по разноместному ударению из архива М. А. Кастрена

ударение на корне	ударение на суффиксе
<i>Néhibo</i> 'взять' ⁹	<i>Otíbo</i> 'дождал(ся)' <i>Biríbo</i> 'пил' <i>Jetíbo</i> 'клеил' <i>Nootíbo</i> 'прямо сделал'
<i>Tá'abo</i> 'толкнуть' <i>Jóri'abo</i> 'стегать' <i>Sóru'abo</i> 'тряс'	<i>Sóra'ábo</i> 'трясал' <'тряс') <i>Jábu'ábo</i> 'настиг'
<i>Lúmitabo</i> 'испуган' <i>Sígortaba</i> 'зажечь' <i>Tédabo</i> 'принести'	<i>Jubedábo</i> 'тепло стало' <i>Juratábo</i> 'забыл' <i>Mokatábo</i> 'поставил' <i>Motađábo</i> 'вырезал' <i>Eitábo</i> 'сказать' <i>Ljiratábo</i> 'заторопил' <i>Toudábo</i> '?' <i>Faddatábo</i> 'наполнил'
<i>Mújorabo</i> 'сделал' <i>Sárarabo</i> 'шью' <i>Sójarabo</i> 'родил' <i>Jéřabo</i> 'стрелял' <i>Júřorabo</i> 'распел' <i>Kářabo</i> 'убил'	<i>(F)óřarábo</i> 'жарить' <i>Sěbrábo</i> 'привечал' <i>Serolrábo</i> 'завертел' <i>Jilrábo</i> 'поднять' <i>Jahalrábo</i> 'знаю'
<i>Súbabo</i> 'выбрать'	<i>Soabábo</i> 'родил'

альным принципом организации акцента¹⁰. Возникают два вопроса: 1) как в рамках этой гипотезы можно проинтерпретировать конкретные словоформы и 2) почему предполагается направление развития от парадигматической к категориальной акцентной системе, а не наоборот?

1) Мы предполагаем, что в энецком языке на этапе существования парадигматической акцентной системы контурное правило было аналогично селькупскому (подробнее см.: [Норманская 2012а: 128]) и, вероятно, унаследовано из прасамодийского языка: если в словоформе **есть плюсовые морфемы**, то **ударение ставится на первую плюсовую морфему**; если в словоформе **только минусовые морфемы**, то **ударение ставится на первую минусовую морфему** [Норманская 2012б: 61]. Тогда рассмотренные нами словоформы с пятью выделенными суффиксами, в которых ударение падает то на корень, то на суффикс, могут быть проинтерпретированы как производные с суффиксами, имеющими плюсовую маркировку / валентность, и корнями с плюсовой маркировкой / валентностью, когда ударение падает на корень, и минусовой маркировкой — когда ударение падает на суффикс. В случае остальных примеров из материалов Кастрена, когда в производных с каждым конкретным типом суффикса ударение падает либо всегда на корень, либо на суффикс, произошла категоризация акцента.

2) Как пишет В. А. Дыбо в [Дыбо 2000: 10] и других работах, посвященных типологии акцентных систем, для системы с парадигматическим акцентом стандартным является развитие от парадигматиче-

1) в корпусе непроданных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000: 10].

⁹ В приводимых материалах из архива Кастрена полностью сохранена орфография оригинала, в т. ч. написание заглавных букв в начале многих словоформ.

¹⁰ «(...) часть словообразовательных типов выбирает определенный акцентный тип механически, независимо от акцентного типа производящего; таким образом, в этой группе лексики (соответственно, части словообразовательной системы) акцентный тип оказывается непосредственно связанным с категорией лексики (словообразовательным типом). Подобный характер связи акцентного типа получил наименование "категориальный принцип организации акцентной системы"» [Дыбо 2000: 10].

ского типа организации акцента к категориальному. Это направление развития мы предполагаем и для энецкого языка. Во-первых, потому что оно встречается и в других языках мира с парадигматическим акцентом; насколько нам известно, обратное направление развития (от системы с категориальным типом акцента к системе с парадигматическим акцентом) в языках мира не выявлено. Во-вторых, потому что системы с парадигматическим акцентом представлены в селькупских диалектах [Норманская 2012a] и, вероятно, должны быть реконструированы для прасамодийского языка [Норманская 2012b].

2. Хантыйский язык

Во время работы с архивом Кастрена было обнаружено, что не только в самодийских материалах, но и в записях по южнохантыйским диалектам на р. Иртыш зафиксировано разноместное ударение. Это чрезвычайно ценные данные, т. к. в настоящее время южнохантыйских диалектов уже нет. В списке Кастрена представлено около двухсот слов: в подавляющем большинстве случаев это непроемные существительные и глаголы в форме 1-го лица единственного числа настоящего и прошедшего времен и форме инфинитива.

В инфинитивах ударение всегда падает на первый слог, а в именах и в указанных глагольных формах настоящего и прошедшего времен ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Зависимость места ударения от качества гласных в словоформе нам выявить не удалось. Эти данные заставляют предположить, что в южнохантыйских диалектах в непроемных словах было представлено парадигматическое, фонологически значимое ударение.

Учитывая, что аналогичные системы были выявлены в центральных и южных диалектах селькупского языка (экспедиции 2009—2010 гг., архивные данные Кастрена) [Норманская 2012a], в ненецких диалектах [Амелина 2011, 2012] и в качестве рудимента в энецком языке (см. выше), можно предположить, что парадигматическое ударение в уральских языках является весьма древним. Представляется целесообразным продолжить его поиск в других хантыйских и мансийских диалектах.

Работа по поиску таких систем ведется нашим коллективом в рамках исследований по грантам Президента РФ и РГНФ. За последние три года была проведена серия экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, где, как было установлено в результате контактов с местной администрацией, проживают ханты и / или манси, владеющие родным языком. С. В. Онина провела две экспедиции к носителям низямского диалекта хантыйского языка, проживающим на р. Назым (Ханты-Мансийский район ХМАО); сама С. В. Онина была опрошена в качестве носителя шурышкарского диалекта хантыйского языка. М. К. Амелина провела экспедиции к носителям казымского, среднеобского и салымского диалектов хантыйского языка, а также к носителям юкондинского диалекта мансийского языка (с. Шугур Кондинского района ХМАО)¹¹. Е. В. Коровина участвовала в одной из экспедиций М. К. Амелиной и записала словник сургутского диалекта хантыйского языка. И. А. Стенин организовал экспедицию к носителям обского диалекта мансийского языка (д. Нижние Нарыкары и с. Перегрёбное Октябрьского района ХМАО). Кроме того, коллектив под руководством А. И. Кузнецовой любезно предоставил нам для анализа цифровые аудиозаписи своих экспедиций к северным хантам.

Было выявлено, что в большинстве северо-западных диалектов хантыйского языка ударение фиксировано на первом слоге. Ситуация с ударением в шурышкарском диалекте нуждается в дальнейшем исследовании: оно явно разноместное, что отмечают и сами носители; однако при опросе С. В. Онинной был зафиксирован ряд случаев, когда одна и та же словоформа в разных контекстах имела ударение то на первом, то на втором слоге. Исследование полного материала аудиословаря (в котором около 2500 слов) и представительного числа контекстов с разными словоформами (парадигмы) с помощью программы-анализатора звучащей речи Praat позволит описать эту систему.

В салымском¹² (восточный диалект), сургутском (восточный) и низямском (промежуточный между северо- и юго-западными) диалектах хантыйского языка, а также в юкондинском (восточный) и обском (северный) диалектах мансийского языка было выявлено разноместное ударение.

¹¹ В ходе экспедиций также было установлено, что в настоящее время носителей кондинского диалекта хантыйского языка и кондинских диалектов мансийского языка (верхне-, средне- и нижнекондинского) больше нет; все эти диалекты можно считать полностью исчезнувшими. Отдельные носители помнят только некоторые слова, количество которых невелико.

¹² Салымский диалект, по данным других исследователей (см. [Nikolaeva 1999]), относился к уже исчезнувшим. Однако в п. Салым Нефтеюганского района ХМАО М. К. Амелиной удалось найти несколько десятков хан-

В ходе экспедиций были записаны полные словники исконной финно-угорской лексики от двух и более носителей каждого из диалектов¹³. В настоящее время наша группа ведет обработку полученных данных. В течение ближайших лет все указанные словники будут затранскрибированы и доступны вместе со звуковыми файлами на сайте Института языкознания РАН. Для каждого диалекта планируется сделать описание акцентной системы, которое будет полностью проверяемо, т. к. аудиоматериал будет представлен в открытом доступе.

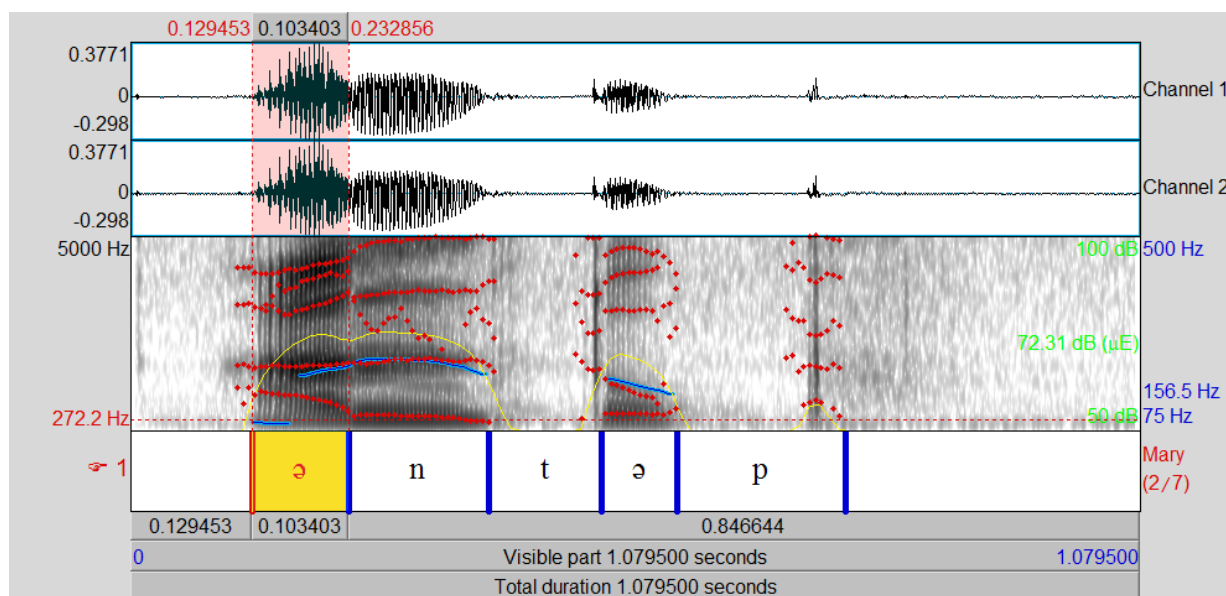
В настоящее время полностью затранскрибирован только собранный материал по низямскому диалекту хантыйского языка, аудиофайл нарезан на отдельные словоформы. В результате анализа этих данных было выявлено, что в непроизводных именах сохранилась парадигматическая система ударения. В словообразовательных производных в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроизводных форм в словаре не позволяет установить акцентный тип корня. Кажется интересным сравнить систему ударения непроизводных имен в низямском диалекте с южнохантыйскими данными Кастрена.

Соответствие ударения в непроизводных именах в низямском диалекте и в южнохантыйских иртышских говорах

1) Непроизводные имена с ударением на первом слоге

ирт. *Énder* 'пояс'¹⁴ — низ. *əntəp* 'пояс'¹⁵

Д1 0,1 сек. ¹⁶	И1 72,3 дБ ¹⁷
Д2 0,08 сек.	И2 67,2 дБ

тов, хорошо владеющих данным диалектом. Правда, из них только одна женщина (Каюкова Светлана Петровна, 1989 г. р.) согласилась сотрудничать в ходе экспедиции.

¹³ Исключение составляют салымский и сургутский диалекты хантыйского языка, словники по которым были записаны от одной носительницы и не полностью.

¹⁴ В архиве Кастрена приводятся данные по нескольким иртышским говорам хантыйского языка. Однако ударение системно проставлено только в словах одного из говоров, поэтому к анализу был привлечен материал именно по нему.

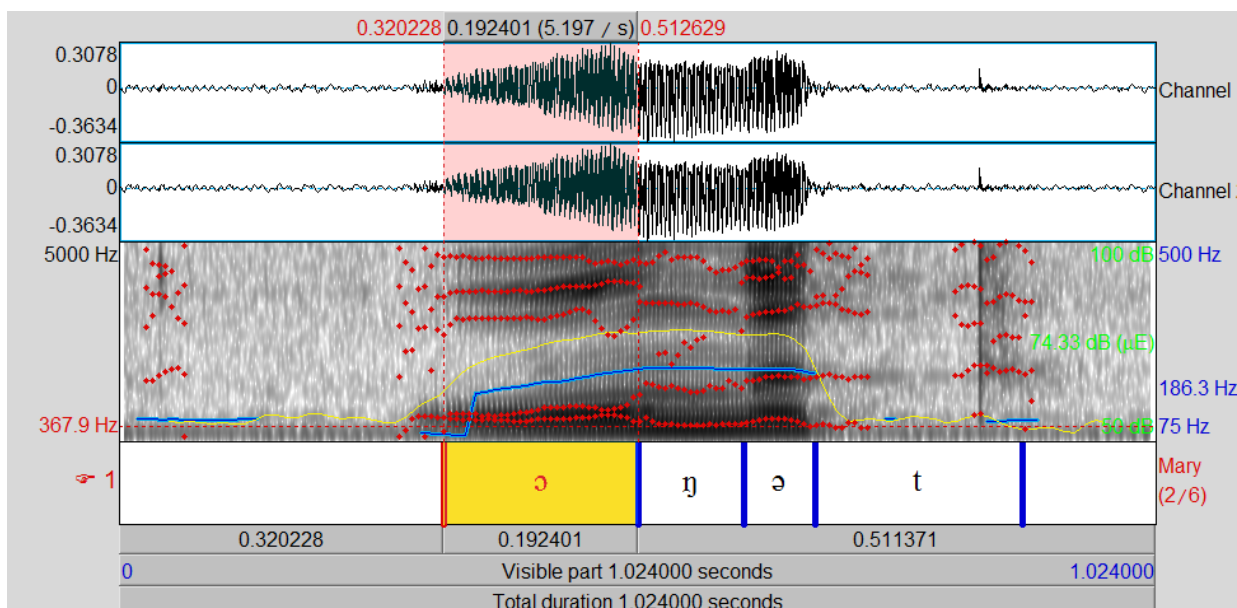
¹⁵ Мы не всегда можем с точностью сказать, чем обусловлено отличие языковых данных из архива Кастрена от материала по современным хантыйским диалектам: графическими условностями и особенностями записи или фонетическими различиями.

¹⁶ Полужирным шрифтом здесь и далее выделены данные по длительности и интенсивности ударных гласных.

¹⁷ Здесь и далее речь идет о средней интенсивности гласного первого и второго слога (И1 и И2).

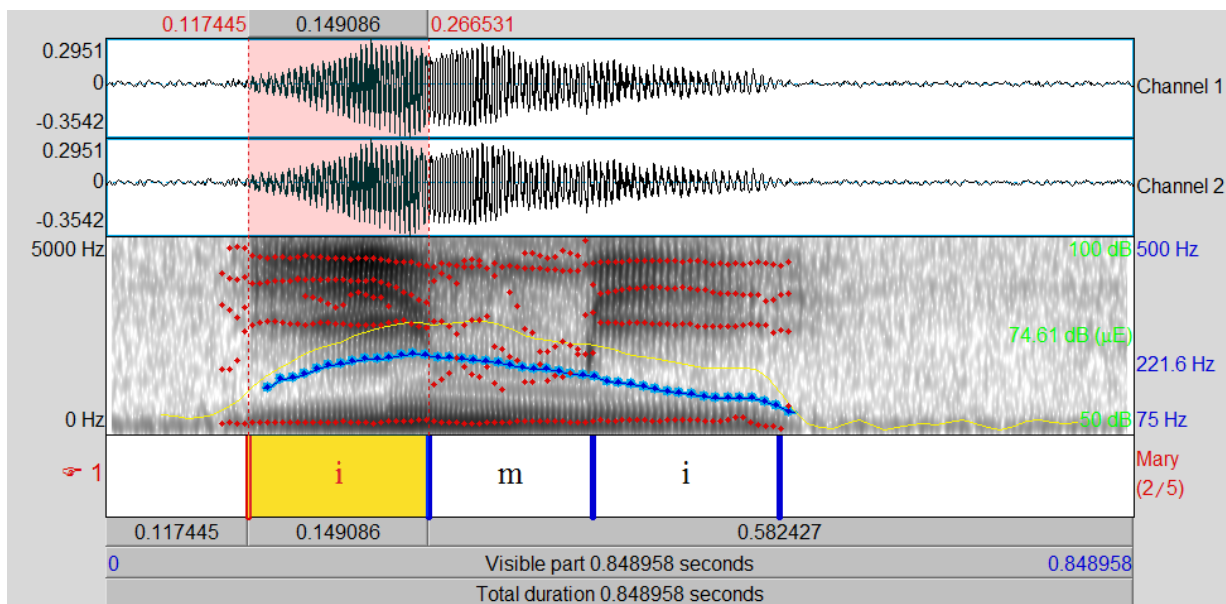
ирт. *Ónget* ‘рог’ — низ. *ɔŋət* ‘рог’¹⁸

Д1 0,19 сек.	И1 74,3 дБ
Д2 0,07 сек.	И2 75,9 дБ

ирт. *Íta* ‘женщина’ — низ. *imi* ‘женщина’

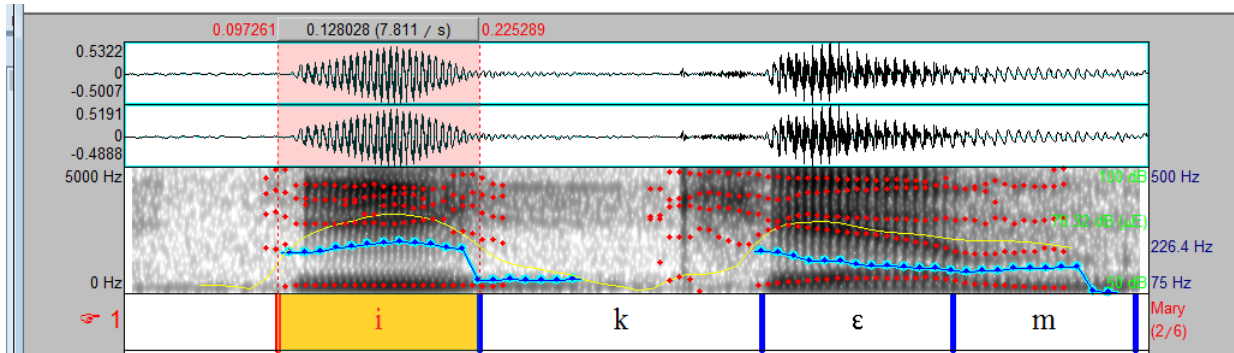
Д1 0,15 сек.	И1 74,6 дБ
Д2 0,15 сек.	И2 68,7 дБ

¹⁸ Не вполне ясно, с чем связано выделение по интенсивности *ə* во втором слоге. Но тот факт, что *o* значительно превосходит *ə* по долготе, заставляет предполагать ударение на первом слоге.

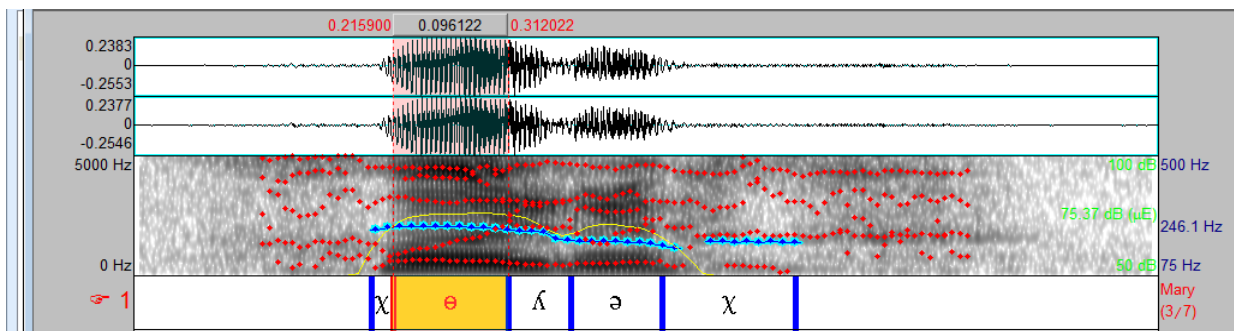
ирт. *Īget* 'равный' — низ. *iket* 'равный'

Д1 0,13 сек.	И1 78,3 дБ
Д2 0,12 сек.	И2 76 дБ

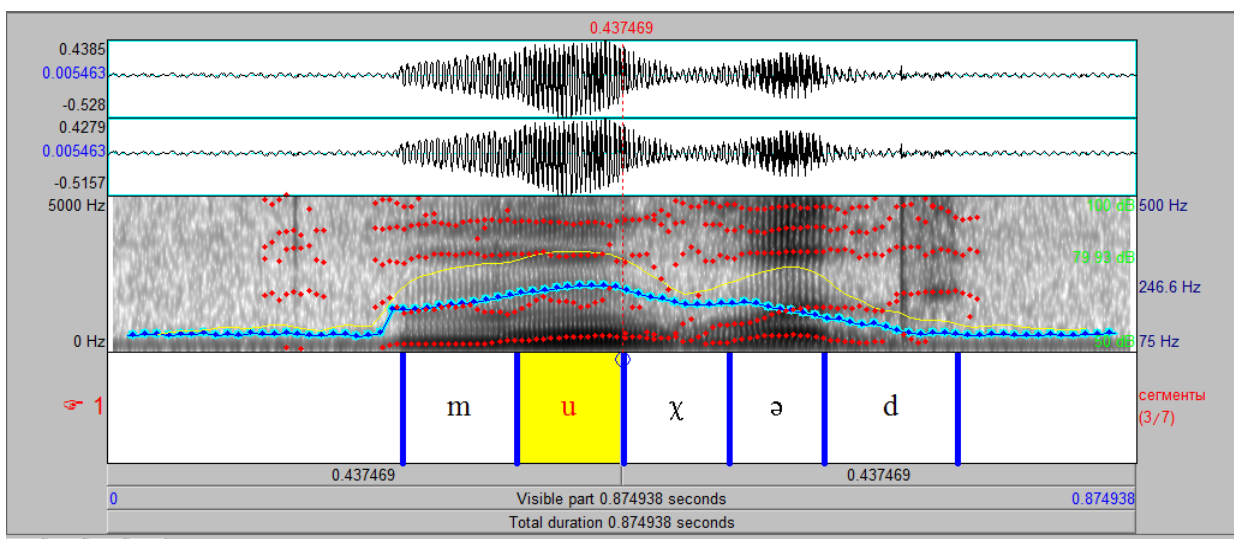
ирт. (1-ый говор) *Xuláx* (с зачеркнутым ударением над гласным первого слога),
(2-ой говор) *Kólank* 'ворон' — низ. *χəłəχ* 'ворон'

Д1 0,096 сек.	И1 75,3 дБ
Д2 0,07 сек.	И2 69,9 дБ

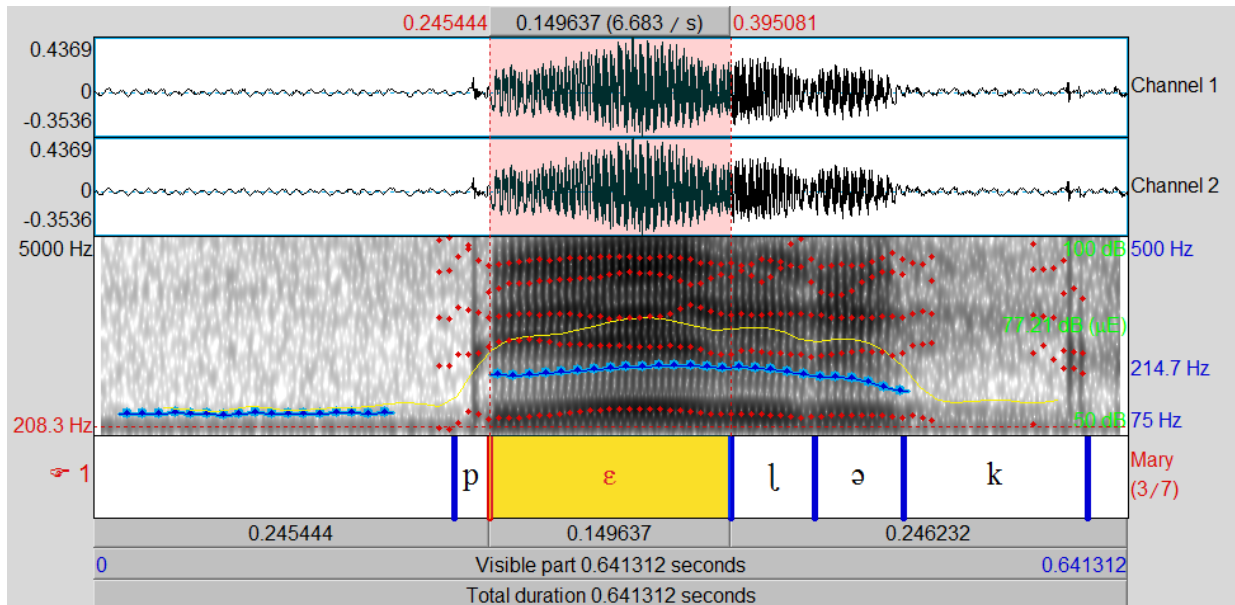
ирт. *Miugat* 'печень' — низ. *tuχəd* 'печень'

Д1 0,09 сек.	И1 81 дБ
Д2 0,08 сек.	И2 76 дБ

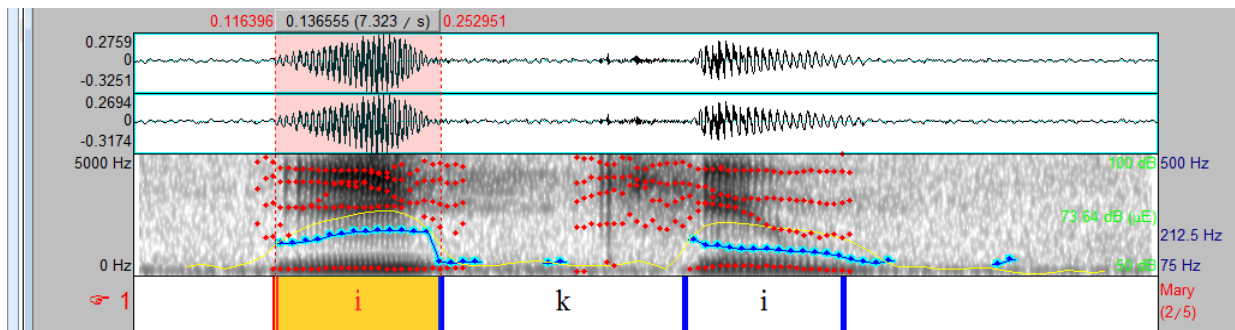
ирт. *Pállek* 'сторона' — низ. *pe[ə]k* 'сторона'

Д1 0,15 сек.	И1 77,2 дБ
Д2 0,06 сек.	И2 72,9 дБ

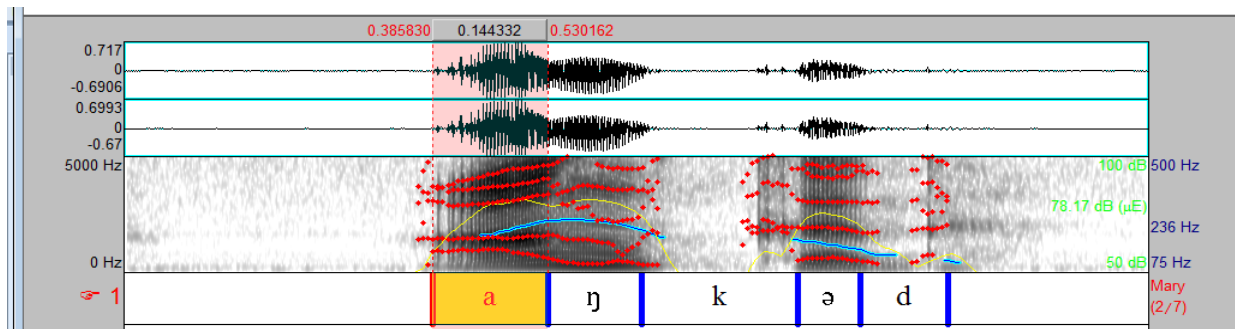
ирт. *Íiga* 'старик' — низ. *iki* 'старик'

Д1 0,14 сек.	И1 73,6 дБ
Д2 0,13 сек.	И2 69,6 дБ

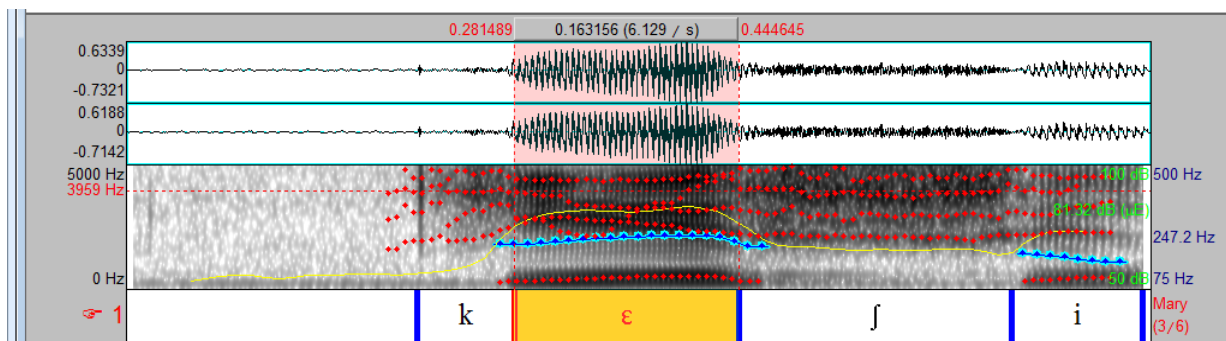
ирт. *Ánket* 'пень' — низ. *aŋkəd* 'пень'

Д1 0,14 сек.	И1 78,2 дБ
Д2 0,08 сек.	И2 73,8 дБ

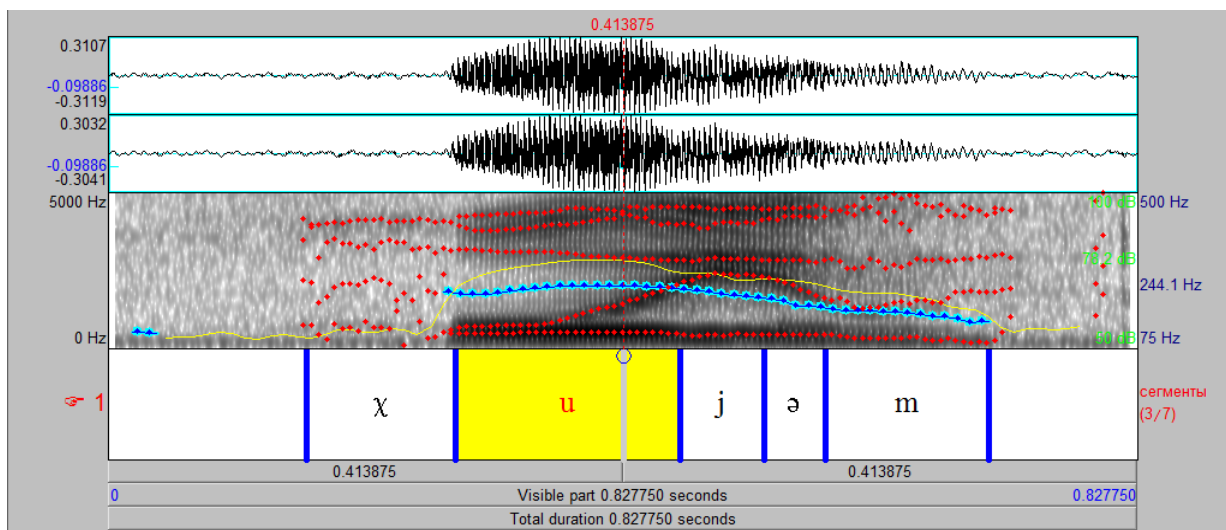

ирт. *Kěds'e* 'нож' — низ. *kefi* 'нож'

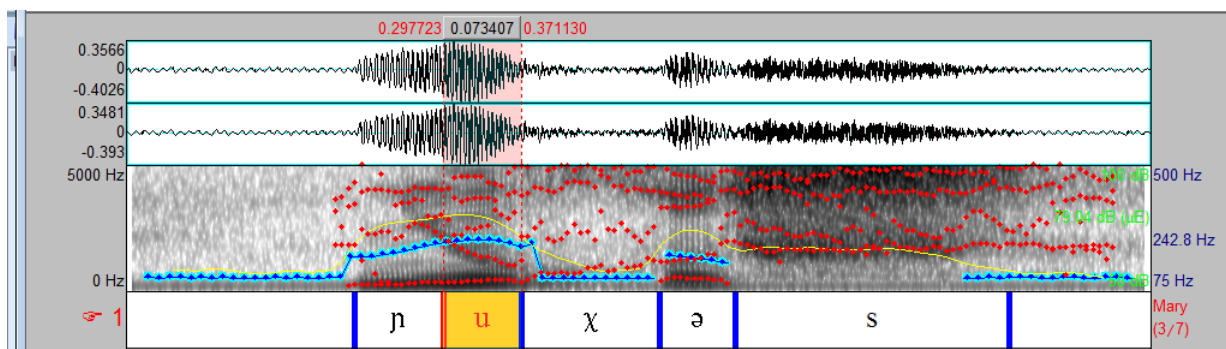
Д1 0,16 сек.	И1 81 дБ
Д2 0,09 сек.	И2 72,4 дБ

ирт. *Xójet* 'песок' — низ. *χijət* 'песок'

Д1 0,18 сек.	И1 76 дБ
Д2 0,05 сек.	И2 72 дБ

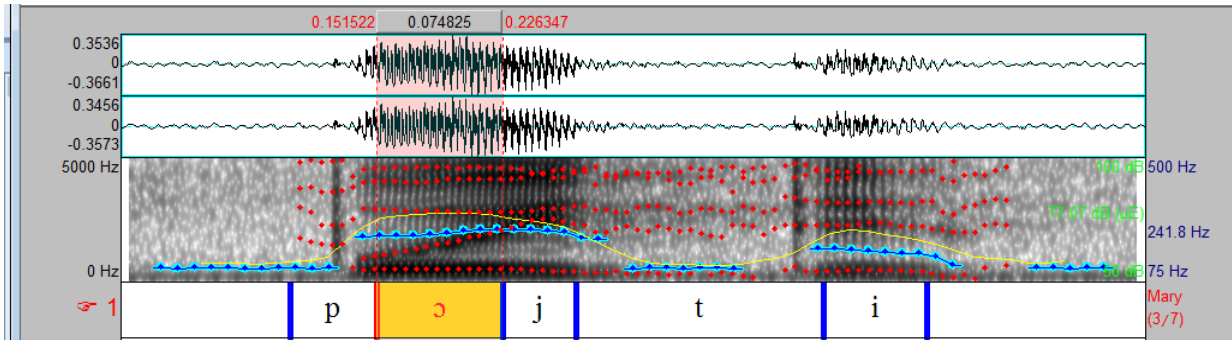
ирт. *Njógos* 'соболь' — низ. *nuχəs* 'соболь'

Д1 0,07 сек.	И1 79,2 дБ
Д2 0,06 сек.	И2 72,6 дБ

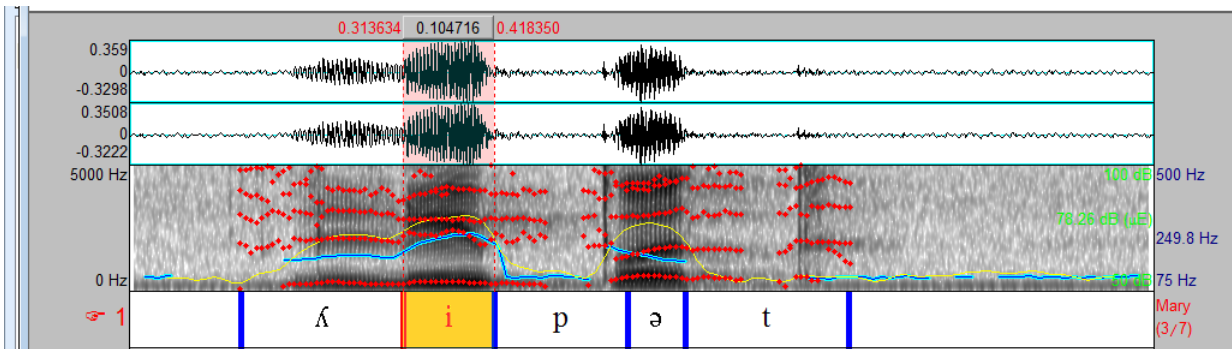
ирт. *Po'áidek* 'куропатка' — низ. *pəjti* 'куропатка'

Д1 0,075 сек.	И1 76,9 дБ
Д2 0,06 сек.	И2 69,1 дБ

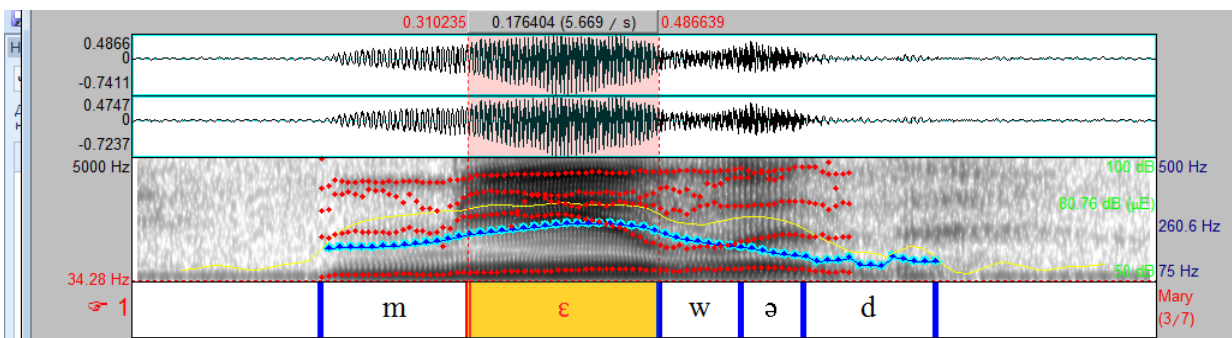
ирт. *Lübet* 'лист' — низ. *liɾət* 'лист'

Д1 0,1 сек.	И1 78,3 дБ
Д2 0,08 сек.	И2 75,2 дБ

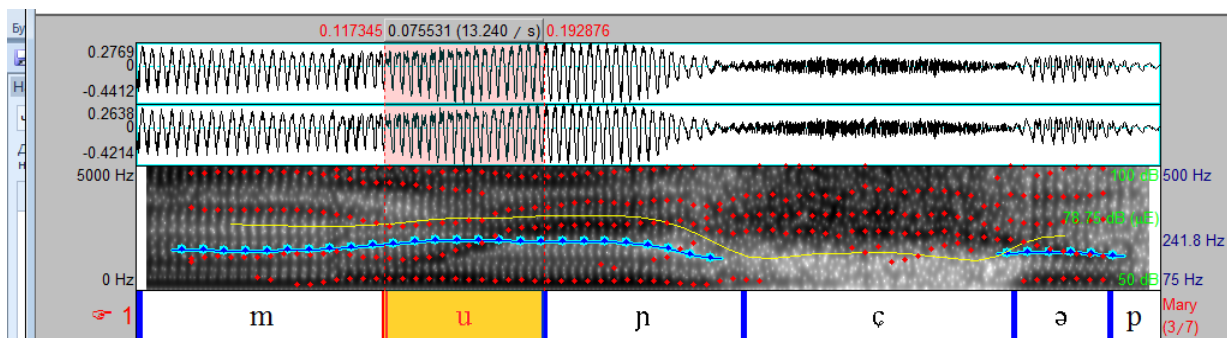
ирт. *Méegit* 'грудь' — низ. *tewəd* 'грудь'

Д1 0,18 сек.	И1 80,6 дБ
Д2 0,07 сек.	И2 75,2 дБ

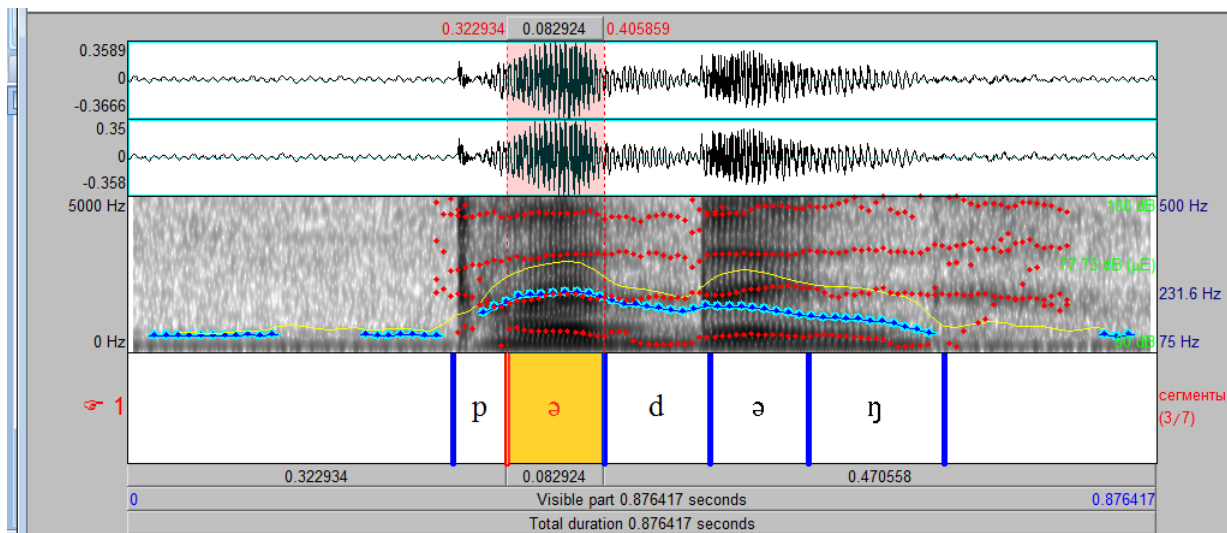
ирт. *Miujir* 'загадка' — низ. *tiurær* 'загадка'

Д1 0,08 сек.	И1 78,7 дБ
Д2 0,03 сек.	И2 71,5 дБ

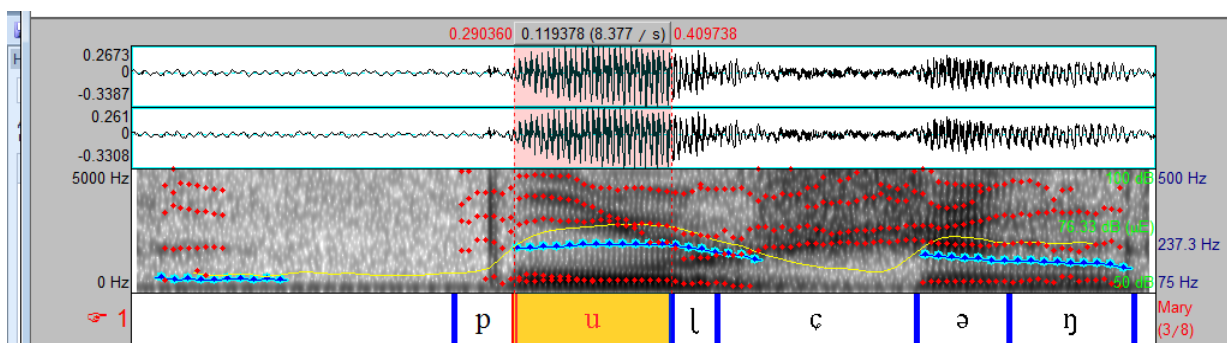
ирт. *Péleŋ* 'облако' — низ. *rədəŋ* 'облако'

Д1 0,083 сек.	И1 78 дБ
Д2 0,084 сек.	И2 75 дБ

ирт. *Pálah* 'слюна' — низ. *ruɕəŋ* 'слюна'

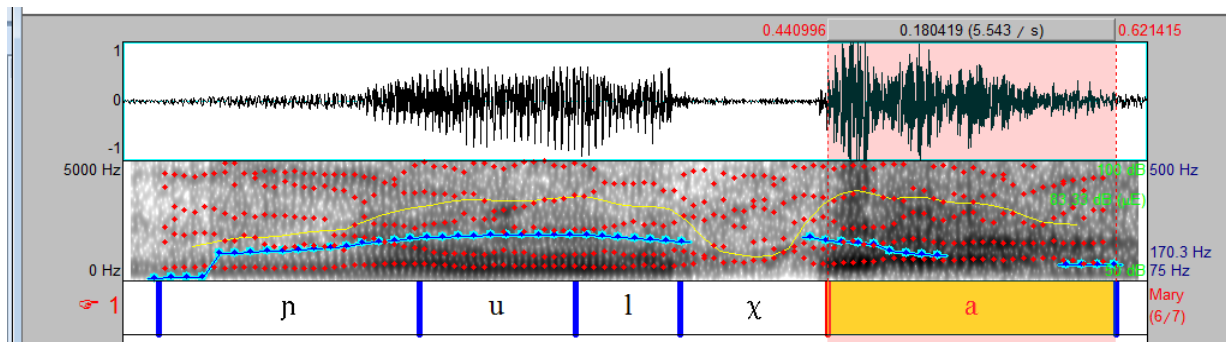
Д1 0,12 сек.	И1 76,2 дБ
Д2 0,05 сек.	И2 71,5 дБ

2) Непроизводные имена с ударением на втором слоге

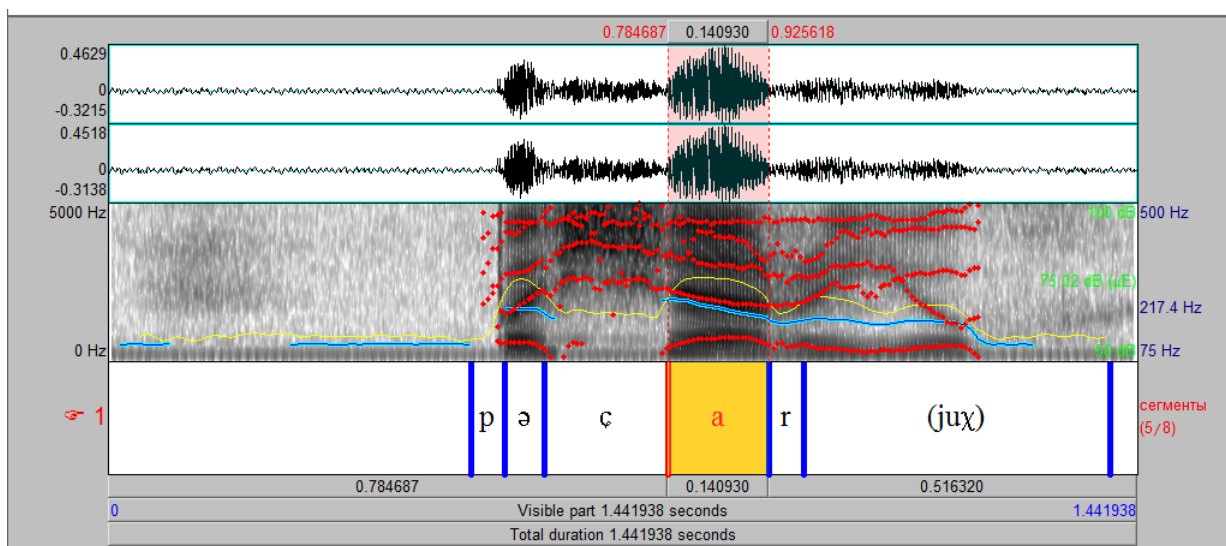
ирт. *Njalxá* 'пихта' — низ. *julxa* 'пихта'

Д1 0,09 сек.	И1 83,5 дБ
Д2 0,18 сек.	И2 83,3 дБ

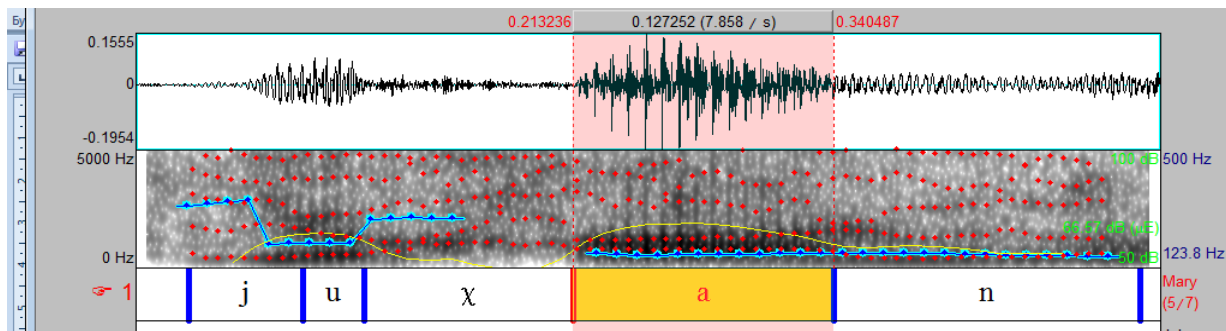
ирт. *Rod/gjár* 'пихта' — низ. *rəsar* (jux) 'рябина'

Д1 0,06 сек.	И1 75 дБ
Д2 0,14 сек.	И2 75 дБ

ирт. *Jeagá* 'река' — низ. *juxan* 'река'

Д1 0,07 сек.	И1 76,9 дБ
Д2 0,13 сек.	И2 73,9 дБ

Таким образом, в непроизводных именах наблюдается полное совпадение места ударения в южнохантыйских иртышских говорах (по архивным материалам Кастрена) и в низямском диалекте (по нашим экспедиционным данным). Единственным квазиисключением является соотношение слов хант. ирт. (1-ый говор) *Xuláx* (с зачеркнутым ударением над гласным первого слога), (2-ой говор) *Kólank* 'ворон' — хант. низ. *χə́ləχ* 'ворон'. Однако, как было сказано выше, в одном из говоров (по данным Кастрена) это слово имеет ударение на первом слоге, а, что касается второго говора, то в рукописи представлено зачеркивание знака ударения над гласным первого слога и последующая постановка ударения на втором гласном, что свидетельствует о колебаниях Кастрена при определении места словесного акцента в этом слове.

Итак, ударение в иртышском (южном) говоре хантыйского языка имеет прямое соответствие в низямском диалекте (промежуточном между северно- и юго-западными). Вероятно, именно такое ударение и следует реконструировать для прахантыйского языка. Для верификации этой гипотезы мы продолжаем поиск и описание диалектов обско-угорских языков с разноместным ударением. Однако уже сейчас ясно, что хантыйские материалы Кастрена дают очень ценные данные по просодии, которые только сейчас, более чем через 150 лет после их фиксации, становятся возможным осмыслить.

3. Хакасский язык (в терминологии М. А. Кастрена — «койбальский»)

В архиве Кастрена под обозначением «койбальский» зафиксированы данные по хакасскому языку. Это связано с тем, что население, которое, по данным Г. И. Спасского, еще в 1806 г. владело койбальским (самодийским) языком, в результате постоянных контактов с хакасами полностью перешло на их язык в связи с более высоким положением тюрков в племенном союзе [Potapov 1957].

В «койбальских» материалах Кастрена обращает на себя внимание следующий факт: ряд слов написан с удвоенным гласным в первом слоге. Можно предположить, что это удвоение маркировало долготу гласных. Анализ материала показал, что с точки зрения внешнего сравнения долгие гласные в этом списке бывают двух типов:

1) в односложных словах, где долгий гласный соответствует ПТю сочетанию **VgV*, — в результате выпадения инлаутного согласного; например, *boos* 'беременная' < ПТю **bogař* [EDAL], *saas* 'смола' < ПТю **sakiř* / **sagiř* [EDAL];

2) в двусложных словах, когда долгий гласный в хакасских материалах Кастрена не имеет особых внешних соответствий в других тюркских языках; например, *Töözäk* 'постель' < ПТю **döšek* [EDAL], *Iisix* 'жаркий' < ПТю **isig* / **isig* [EDAL] (таких примеров в материалах Кастрена более пятидесяти).

Как проинтерпретировать эти случаи? Традиционно считается, что подобные особенности материалов Кастрена связаны с несовершенством транскрипции, которую он изобретал непосредственно во время своих экспедиций, а в дальнейшем не успел усовершенствовать. Однако представляется, что если запись ударения в хантыйском и энецком языках, как оказалось, была сделана с такой высокой точностью, то столь большое количество ошибок в хакасских записях маловероятно. Таким образом, целесообразно проанализировать случаи удлинения гласных в двусложных словах более подробно.

Как известно из работ по хакасской диалектологии (например, [Боргояков 1966]), в хакасском языке удлинение гласного первого слога происходит перед узкими гласными второго слога: *a* (< *i*), *i*, *ĩ* (< *ü*), *u*. При соотнесении записей Кастрена с данными по современному хакасскому языку оказывается, что большинство случаев удлинения относится именно к этому типу: *Iisix* 'жаркий' < ПТю **isig* / **isig* (> хак. *azag* 'жар; жаркий; жарко'), *Iizerek* < ПТю **esür-* (> хак. *izərək* 'пьяный', *izər-* 'пьянеть'), *Baalak-* 'рыбачить' < ПТю **bālik* (> хак. *palix* 'рыба'), *Iirkin* < ПТю **erge* 'часть юрты рядом с дверью, порог, лестница' (> хак. *irkən* 'порог').

Но есть и другой загадочный тип удлинения, который нельзя объяснить позицией перед узкими гласными, например: *Töözäk* 'постель' < ПТю **döšek* (> хак. *tözek* 'постель'), *Kööräben* 'вижу' < ПТю **gör-* (> хак. *kör-* 'видеть'), *Köötjāmen* 'кочую' < ПТю **göč-* (> хак. *kös-* 'переселяться, кочевать'), *Teezāmen* 'табак мелю' < ПТю **deše-* (> хак. *tize-* 'размешивать, растирать'), *Teengnäāmen* 'ровняю' < ПТю **deng-le-* (> хак. *tiñne-* 'ровнять, выравнивать').

В этих двух группах примеров внимание на себя обращает различие рефлексии ПТю **e*. В первой группе примеров, где удлинение происходит перед узкими гласными, ПТю **e* > *ii*: *Iizerek* < ПТю **esür-* (> хак. *izər-*), *Iirkin* < ПТю **erge* 'часть юрты рядом с дверью, порог, лестница' (> хак. *irkən* 'порог'). Во второй группе ПТю **e* > *ee*: *Teezāmen* 'табак мелю' < ПТю **deše-*, *Teengnäāmen* 'ровняю' < ПТю **deng-le-*.

Можно предположить, что эти два типа удлинения гласных характеризовали два разных диалекта, а язык койбалов в 1845 г. был неоднородным. Для верификации этой гипотезы и выявления направления

дальнейшего развития койбальского языка рассмотрим более подробно все рефлексы слов с ПТю *e в материалах Кастрена, записанных в 1845 г., и в словаре [Радлов 1882], собранном и изданном почти на сорок лет позже. Оказывается, что в материалах Кастрена значительно больше примеров ПТю *e > i, чем ПТю *e > e, а в материалах В. В. Радлова — наоборот, больше рефлексов второго типа.

Таблица 2

Примеры на рефлексацию анлаутного ПТю *e

ПТю ¹⁹	данные М. А. Кастрена (1845 г.)	данные В. В. Радлова (1882 г.)
*ebi-s- 'веять'		ec 'веять'
*ed, *ed-gü 'вещь, добро'		ec 'имущество'
*edne-r 'седло'		ezär 'седло'
*eg- 'гнуть'	eägär 'кривой'	egär 'кривой', egil 'нагнуться'
*egin 'плечо'	Ingni 'плечо' ²⁰	iññä 'положить на плечо'
*egir- 'крутить, прясть'	Iiräben 'прясть'	
*ēke- 'пилить'	Eigäk 'пила'	
*ek(k)i 'два'	Iki 'два', İkärrä 'близнецы'	икки 'два'
*ēl 'мир'	Il 'мир'	el 'мир'
*ēl- 'грести'	Iski 'весло', Izämen 'грести'	
*ēlit- 'слышать'	Istäämen 'слышу'	estil 'быть слышанным'
*ēlü- 'покрывать'	Izik 'дверь'	ezik 'дверь'
*eme 'старуха; самка'	Enaj 'старуха'	enäi 'старуха'
*em-ček 'грудь'	Imdjäik, Imämen 'сосать'	emäi 'грудь'
*ēn- 'спускаться'	Inämen 'спускаться'	ин 'спускаться'
*ēn 'ширина'		en 'ширина'
*eñ 'очень'		eñ 'очень'
*erge 'часть юрты рядом с дверью, порог, лестница'	Iirkin 'порог'	
*ēr- 'достигать'		ert 'проходить'
*ēr 'рано'	Irtēn 'рано'	
*ēr 'мужчина'	Iir 'мужчина'	
*Erin 'губа'	Iirn 'губа'	erīn 'верхняя губа'
*er-kek 'мужчина, муж, самец'	Irgak 'самец'	ergäk 'самец'
*esür- 'пьянеть'	Izerek 'пьянеть'	
*Etek 'подол, край одежды'	Eidäk '?'	
*et 'мясо'	It 'мясо'	
*ēt- 'делать'	Idämen 'делаю'	
*et-mek 'хлеб'	Ippäk 'хлеб'	

Интересно, что только в материалах Кастрена отражено удлинение гласного перед вторым этимологически узким гласным. В записях койбальского диалекта [Ротаров 1957: 1—30; Радлов 1882] указания на это удлинение отсутствуют. По данным Кастрена, в середине XIX в., в отличие от современных языков, в нескольких случаях удлинение затронуло не только широкие гласные первого слога, но и узкие, например: *Izerek* < ПТю *esür- (> хак. *izär-*), *Iirkin* < ПТю *erge 'часть юрты рядом с дверью, порог, лестница' (> хак. *irkän* 'порог'). Оно действовало не только в открытом слоге, но и перед сочетанием с сонантами, например: *Oortē* 'место' < ПТю *or- 'место, дворец, берлога, логово, середина' (> хак. *ortii* 'место').

Важно, что в словах с рефлексацией ПТю *e > i представлены **только** случаи **удлинения перед этимологически узким гласным**, а в словах с рефлексацией ПТю *e > e — **только** случаи удлинения **не перед этимологически узким гласным**.

Таким образом, видно, что записи Кастрена, которые были сделаны непосредственно в полевых условиях и не редактировались позже, выполнены с удивительной точностью, более чем на сто лет опере-

¹⁹ ПТю формы приводятся по [EDAL].

²⁰ В Таблице 2 полужирным шрифтом выделены сагайские формы.

дившей свое время. Об этом писал и В. Г. Богораз (см. выше), знакомый лишь с изданиями, подготовленными А. А. Шифнером, и не анализировавший описанные выше тонкие особенности просодии и сегментной фонетики.

Если обратиться к «койбальским» материалам Кастрена, оказывается, что в них отражено удлинение гласных первого слога в двусложных словах, которое вплоть до середины XX в. не было описано другими исследователями диалектов хакасского языка (В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым). Интересно, что, как показано выше, позиции этого удлинения во времена Кастрена несколько отличались от нынешних. В настоящее время особый тип удлинения, зафиксированный Кастреном для слов с рефлексацией ПТю **e* > *e*, либо исчез, либо еще не описан хакасскими диалектологами. Становится ясно, что записи Кастрена не только не уступают по качеству современным материалам по хакасской диалектологии, но в ряде случаев дают новую информацию для изучения истории хакасского языка.

На столь же высоком уровне сделаны записи Кастрена по уральским языкам: в частности, ни в одной из более поздних работ по южным диалектам хантыйского языка нет информации об ударении. В настоящее время южнохантыйские иртышские говоры исчезли, поэтому материалы Кастрена являются их «языковым памятником», сделанным с такой точностью, что более через 150 лет после их записи мы находим прямую корреляцию отмеченному в них ударению в другой группе хантыйских диалектов.

Еще раз подчеркнем, что здесь мы привели только три ярких примера удивительной точности записей Кастрена. Наследие этого выдающегося ученого нуждается в дальнейшем тщательном изучении, которое, без сомнения, даст новые знания об уже исчезнувших диалектах и истории существующих ныне языков Евразии.

Сокращения

Языки и диалекты

ПТю — пратюрский
хак. — хакасский

хант. — хантыйский
ирт. — иртышский диалект
низ. — низямский диалект

Общие

дБ — децибел
Д1 — длительность гласного первого слога
Д2 — длительность гласного второго слога

И1 — интенсивность гласного первого слога
И2 — интенсивность гласного второго слога
сек. — секунда
V — любой гласный

Литература

Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроемных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 7—38. {Amelina M. K. Akcentnyye karakteristiki neproizvodnyx imen v tundrovom narečii neneckogo jazyka. Part I. Jamal'skij i kaninskij dialekty // Uralo-altajskie issledovanija. 2011, 2 (5). P. 7—38.}

Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроемных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—54. {Amelina M. K. Akcentnyye karakteristiki neproizvodnyx imen v tundrovom narečii neneckogo jazyka. Part II. Gydanskij dialekt // Uralo-altajskie issledovanija. 2012, 1 (6). P. 7—54.}

Богораз 1927 — Богораз В. Г. Кастрен — человек и ученый // Памяти М. А. Кастрена: К 75-летию дня смерти. (= Очерки по истории знаний. Вып. 2.) Л., 1927. С. 3—35. (http://qwerqus.narod.ru/kastren_MA_bio.htm.) {Bogoraz V. G. Kastren — čelovek i učenyj // Pam'ati M. A. Kastrena: K 75-letiju dn'a smerti. (= Očerki po istorii znaniy. Vol. 2.) L., 1927. P. 3—35. (http://qwerqus.narod.ru/kastren_MA_bio.htm.)}

Боргояков 1966 — Боргояков М. И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 12. Абакан, 1966. С. 81—98. {Borgojakov M. I. Ob obrazovanii i razvitii nekotoryx dolgix glasnyx v chakasskom jazyke // Učenyje zapiski Chakasskogo NIIJaLI. Vol. 12. Abakan, 1966. P. 81—98.}

Дыбо 2000 — Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000. {Dybo V. A. Morfonologizovannye paradigmatičeskie akcentnyje sistemy: Tipologija i genezis. Vol. 1. M., 2000.}

Норманская 2012а — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть I. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 117—148. {*Normanskaja Ju. V.* Prasadodijjskoe udarenie i ego vnešnie sootvetstvija. Part I. Raznomestnoe udarenie v central'nyx i južnyx dialektax sel'kupskogo jazyka // Uralo-altajskie issledovanija. 2012, 1 (6). P. 117—148.}

Норманская 2012б — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северносамодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 59—81. {*Normanskaja Ju. V.* Prasadodijjskoe udarenie i ego vnešnie sootvetstvija. Part II. Vnešnie sootvetstvija sel'kupskogo raznomestnogo udarenija v severnosamodijjskix i finno-ugorskix jazykax // Uralo-altajskie issledovanija. 2012, 2 (7). P. 59—81.}

Норманская 2013 — *Норманская Ю. В.* Разгадка принципов постановки ударения в васюганском диалекте хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013, 2 (2). С. 56—69. {*Normanskaja Ju. V.* Razgadka principov postanovki udarenija v vas'uganskom dialekte xantyjskogo jazyka // Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij. 2013, 2 (2). P. 56—69.}

ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993. {*Kuznecova A. I., Kazakevič O. A., Ioffe L. Ju., Xelimskij E. A.* Očerki po sel'kupskomu jazyku: Tazovskij dialekt. Vol. 2. M., 1993.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12.) Szeged, 1978. {*Popova Ja. N.* Nenecko-russkij slovar': Lesnoe narečie. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12.) Szeged, 1978.}

Радлов 1882 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. СПб., 1882. {*Radlov V. V.* Opyt slovar'a t'urkskix narečij. Vol. 1. SPb., 1882.}

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

Helimski 2007 — *Helimski E.* Энецкие словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helimski E.* Eneckie slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}

Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.

Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak texts in the Obdorsk dialect. Wiesbaden, 1999. (= *Studia Uralica*. 1999, 9.)

Potapov 1957 — *Potapov L. P.* Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren²¹ // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1957, 59. P. 1—104.

РЕЗЮМЕ

В статье приведены некоторые результаты проведенного в 2011—2013 гг. анализа архивных материалов М. А. Кастрена, в которых отмечено разноместное ударение в энецком языке и южнохантыйском диалекте, а также удлинение гласных в койбальском. Как оказалось, эти факты, которые ранее не были известны, имеют прямые параллели в современных языках. Ясно, что в архиве М. А. Кастрена еще есть описанные не полностью материалы, касающиеся в том числе уже исчезнувших диалектов; они сделаны с большой точностью и представляют научную ценность.

SUMMARY

Some results of the analysis (2011—2013) of M. A. Castrén's archive materials are given in the article. The phonological accent (stress) in Enets and the Southern Khanty dialect and vowel lengthening in Koibal are noted in the materials. These (unknown earlier) facts have direct parallels in the modern languages. It is clear that in M. A. Castrén's archive there are materials which are not analysed yet. They also concern the disappeared dialects, have great scientific value and are made with great accuracy.

Ключевые слова: архивные данные, энецкий язык, хантыйский язык, хакасский язык, фонология, диалектология

Keywords: archive materials, Enets, Khanty, Khakas, phonology, dialectology

²¹ Здесь приводится «Словарь языка койбальского, в 1806-м году собранный членом Санкт-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств Григорьем Спасским», содержащий свыше 600 слов [Potapov 1957: 1—30].

Кастрен — человек и ученый¹

*Кто в увлечении молодости не готов
жертвовать жизнью за идею?*
(из дорожного отчета М. А. Кастрена за 1842 г.)

Матвей Александр Кастрен (по-русски Матвей Христианович) (например, [Справочный словарь 1880: 121—122]) родился 2 декабря 1813 г., а умер 7 мая 1852 г., на полтора года не достигнув сорокалетнего возраста, дающего полный расцвет человеческой жизни. И образ его в летописях науки остается вечно юношеским, динамическим, стремительно-ярким.

«Кто в увлечении молодости не готов жертвовать жизнью за идею?» (I, 177)². В этих коротких и пылких словах, взятых из дорожного отчета 1842 г., основной девиз и стимул работы Кастрена.

Но два года позднее (16 марта 1844 г.) письмо к академику Шёгрену звучит, как похоронный звон.

«Сегодня врач произнес надо мной смертный приговор. Легочная чахотка — вот болезнь, которая съела мозг костей и продолжает уничтожать его с огромной жадностью. И вот я стал разбитым человеком на весне моей жизни. Отныне могила будет той целью, куда направляются мои шаги. Я не стану скрывать, что я предпочел бы окончить свои дни в кругу моих друзей и родственников, если бы силы позволили добраться до родины. Но в конце концов мне мало важно, где будут гнить мои кости, зато я никогда не унесу в могилу упрека, что я взял у Академии субсидию, сознавая свою неспособность окончить работу».

Это ужасное письмо выявляет и другую черту психологии Кастрена, его чрезвычайную щепетильность в деловых и личных отношениях. Кастрен был не только фанатиком идеи, но также фанатиком каждого взятого им на себя обязательства — перед финляндским университетом, перед Академией наук, перед друзьями, даже перед финским литературным обществом, одним из основателей которого он был.

В первую половину своих путешествий Кастрен постоянно нуждался в средствах. Так, в 1842 г., во время морского путешествия по Белому морю, Кастрен был выброшен на берег вместе с судном. Три дня он лежал без памяти. Когда он пришел в себя, то напрасно умолял рыбаков отвезти его в ближайшую деревню. Рыбаки просили 100 рублей, денег этих у Кастрена не было, и рыбаки оставили его одного в рыбацкой хате (I, 174).

В дальнейшем поддержка Академии наук сделала его материальное положение более обеспеченным. Он получал вышеупомянутую ежегодную субсидию, получил также за зырянскую грамматику вторую Демидовскую премию. В 1849 г. он был назначен экстраординарным адъюнктом Академии с разрешением жить в Гельсингфорсе. Так обыкновенно передают его биографы.

Впрочем, по более точным данным, заимствованным из архива Академии наук, Кастрен не был назначен адъюнктом, а только — «определен на службу Академии наук в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъюнктов оной, со времени отправки в экспедицию до представления окончательного отчета».

При этом «доцент Александровского университета доктор философии Кастрен, действительно был оставлен на жительство в Финляндии». С другой стороны Мин(истерство) Нар(одного) Просв(ещения) отношением от 14/II 1844 г. запросило от Академии наук сведения о том, «имеет ли право на службу в оной Кастрен по своему происхождению».

Жалованье Кастрену производилось с 11 мая 1845 г. по 700 рублей в год. По экспедиции он получал на содержание и расходы по 1000 руб. в год, с высылкой авансов на полгода вперед. Зато в расходовании оных денег Академия отчетов не требовала.

От финляндского университета Кастрен получил в 1844 г. в виде единовременного пособия 1900 руб. Вообще же Кастрен к местной финляндской поддержке относился скептически. Так, в 1846 г. он пишет Снельману: «Относительно моего будущего я еще не принял определенного решения. Если в Финляндии я не смогу добыть себе кусок хлеба, как это весьма вероятно, то я ничего не имею против того, чтоб вернуться в Сибирь и заняться изучением тунгусского племени и надеюсь, что Академия наук не откажет мне в поддержке» (II, 160).

¹ Печатается по изданию «Памяти М. А. Кастрена: К 75-летию дня смерти» (серия «Очерки по истории знаний», вып. 2). Л., 1927. С. 3—35.

² Ссылка на посмертное издание сочинений Кастрена в обработке академика Шифнера, под общим заглавием «Nordische Reisen und Forschungen». Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

«Жертвовать жизнью для идеи» и «умереть от легочной чахотки». Между этими двумя психически и физическими полюсами отныне протекает вся жизнь Кастрена.

Работы своей, несмотря на болезнь, Кастрен не оставил. Совершенно больной, он забирается в самые далекие и гиблые места, работает с упорной интенсивностью в самых невозможных условиях.

В Колве на Печоре, поселке оседлых самоедов, где и теперь не легко найти приличное жилище, Кастрен поселился в жалкой избушке.

«Меня мучила там жара и сырость, не давали покоя комары, паразиты и целая куча крикливых детей. Хотя я привык работать при всяких условиях, но здесь мне трудно было собраться с мыслями и я уходил в погреб под моей избой. Здесь под землю я писал свою зырянскую грамматику, но занятиям моим мешали крысы и мыши. Мой самоедский переводчик питал ужас к моей преисподней и неохотно спускался в ее недра» (I, 254).

В Сургуте на Оби в сентябре 1845 г. Кастрен, вместе со своим спутником Бергштади, поселился в каюте большой обской лодки. Входить и выходить приходилось ползком, а свет проходил через отверстие для мачты. Сундук служил столом, самовар — печью, сидеть приходилось прямо на полу. Кастрен сравнивает свою деревянную берлогу с бочкой Диогена (II, 104).

И сквозь этот мрачный юмор прорывается новый крик отчаяния.

В записной книжке Кастрена на 1846 г. находим такую трагическую запись, короткую, как выстрел: «В Дудинке я думал, что умру, и собрался составить завещание».

Дудинка лежит на нижнем Енисее, в 500 верстах от Туруханска.

Таких завещаний Кастрен написал на своем веку несколько. В одном из его писем к Ф. И. Раббе находим перечисление оставляемого им имущества: книги и рукописи, кучка аквамарин и других ценных камней, различные древние предметы из золота и серебра, несколько сот рублей серебром. И дальше указание: «Все это наследство обратить на поддержку того, кто захочет предпринять путешествие к самоедам, чтоб изучать их язык, обычаи, религию и пр., и после того обработать и издать мои работы. В их настоящем виде они для печати не годятся» (II, 452).

В этих строках отражаются вместе мужество и скромность великого работника. Академик Шифнер нашел в себе силы, чтобы исполнить это завещание в самом распространенном смысле и, не отпрявляясь ни в одно путешествие, обработать и издать все труды Кастрена.

В последние четыре года в отчетах и письмах Кастрена постоянно перемежаются сообщения о великих открытиях в этнографии и лингвистике, и краткие рассказы о страданиях, о болях, о великих напряжениях измученного тела, которое повиновалось до конца железной воле Кастрена.

Смерти Кастрен не боялся и глядел ей прямо в глаза. И недаром в письме к Снельману от 17/III 1846 г. он цитирует из «Калевалы» мужественный вызов Лемминкайнена: “Yks on surma, miehen surma” — «Одна смерть у человека» (II, 160).

В последние дни перед смертью, пока была возможность, он не переставал писать карандашом свою самоедскую грамматику.

Лишь в письме к Фабиану Коллану прорываются жалобные нотки. И то в подписи: «Твой озябший друг М. А. К—н».

Это озябшая в сибирском одиночестве душа Кастрена искала человеческого участия. Но другие подписи в письмах к различным друзьям только отражают разнообразие странствий и работ Кастрена: «Твой странствующий друг», «Твой Турецкий друг» и даже «Твой Китайский друг». Или на северном русском наречии, хотя и латинскими буквами: «Твой брат Затундренской», «Твой друг Забайкальской», «Твой брат Барабинской».

Между прочим, русскому языку Кастрен практически обучился в Сибири. Правда, по свидетельству Я. К. Грота, он раньше довольно свободно читал русские книги ([Переписка, 1: 6]), но ни говорить, ни писать по-русски он не умел. «По-немецки он кое-как изъяснялся», — пишет Грот. Также и по-немецки Кастрен писал не особенно охотно. Его немецкие письма в Академию наук испещрены его собственноручными исправлениями стиля. С другой стороны в Сибири Кастрену приходилось писать по-русски. Так, в архиве Академии наук нашелся довольно любопытный счет о покупке различных коллекций для Академии наук, написанный Кастреном по-русски в Туруханске 12/24 января 1847 г. {...}

Я. К. Грот, проживая в Финляндии, вел с Кастреном дружеские отношения вплоть до его смерти. Кастрен обучал Грота финскому языку.

В последний год жизни скупая судьба улыбнулась Кастрену, как будто в насмешку. В 1850 г. он женился на дочери отставного профессора Тенгстрема, молодой девятнадцатилетней девушке, и летом 1851 г. у него родился сын. Денежные затруднения смягчились не столько благодаря субсидиям из ученых источников, сколько при содействии и щедрости зажиточного тестя.

Нужно однако отметить, что до самого последнего времени Кастрен все же был стеснен в средствах. Так, в письме, адресованном им в Академию наук, за два месяца до смерти (24 февраля 1852 г.) он пи-

шет о том, что ему приходится дополнять свое недостаточное профессорское жалование доходами от частных лекций и других побочных занятий. Его беспокоила мысль о том, что его отношения с Академией наук должны прерваться, и он скромно просил о дальнейшей поддержке, обещая в ближайшие три года обработать значительную часть своих материалов.

Свои обязательства к Академии наук он рассматривал как нечто священное, и мы имеем об этом как бы загробное свидетельство в письме, написанном уже после его смерти, его другом доцентом Кельгреном (от 21 августа 1852 г.) от имени его вдовы:

«Чтобы исполнить обязательства покойного перед Академией наук, посылается при сем рукопись его самоедской грамматики на благоусмотрение Академии».

Умер Кастрен все же довольно неожиданно и, по-видимому, не прямо от легочной болезни, а от рака или язвы в желудке ([Переписка, 3: 581]).

Такая болезнь могла развиться на почве общей изнуренности его организма.

В последние дни перед смертью он не мог ничего есть.

За год до смерти, 26 апреля 1851 г., Кастрен стал профессором гельсингфорского университета и, открывая осенью свой курс по «Калевале», сказал с прежней твердостью:

«Когда пятнадцать лет тому назад я принял твердое решение посвятить мою жизнь науке, прекрасная песнь “Калевалы” стала первым предметом моих изысканий» (V, 315).

Его стальная душа, однажды намагниченная, указывала без колебаний в одном и том же направлении.

В личных отношениях Кастрен отличался бескорыстием и благородством, но он не отличался мягкотелостью и суждения его были резки и определены. Современники его называли сдержанным и даже высокомерным.

Так, например, по адресу местных финляндских ученых доморощенного цеха у него вырывается подлинный крик негодования: «Вся эта раса обскурантов, ленивых и хвастливых, которую гнев божий ниспослал нам в наказание». Он называет своих почтеннейших коллег «толстопузыми иезуитами, которые лоснятся от жира, интригуют во мраке, злословят и клеветуют по углам» (письмо к Снельману 18 ноября 1844 г.).

Финляндский биограф Кастрена считает необходимым полить словесным елеем этот жестокий приговор ([Setälä 1913—1918: 40]), но можно полагать, что через три четверти века слова Кастрена, какие бы они ни были, уже не нуждаются и в смягчениях.

В другом письме та же желчная оценка финляндских современников:

«В Петербургской Академии наук господствуют взгляды более широкие, чем в нашей Гельсингфорской коллегии с ее ограниченными мыслями» (письмо к Ленроту, 5/X 1847 г.).

В тогдашней финляндской обстановке Кастрену и его единомышленникам было и душно, и тесно.

И недаром над могилою его Снельман разразился гневным укором: «О, финское отечество, самые благородные твои сыны проходят по земле твоей, опустив взоры вниз, и в раннюю могилу они сходят с разбитым сердцем».

В юности своей Кастрен не чуждался и более активного протеста. Так, в 1828 г. он был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках, правда, всего на полгода.

Приятные встречи с полицией бывали у Кастрена и в более зрелое время. Так, в карельском путешествии земский заседатель, ночевавший в одной и той же избе с Кастреном и его спутником, ночью обшарил их мешки и карманы и, нигде не найдя паспортов, решил немедленно арестовать их и отправить под конвоем в ближайший город на благоусмотрение начальства. Их избавил от ареста другой случайно встреченный чиновник в чине коллежского советника, нагнавший в свою очередь холоду на ревностного заседателя (I, 81).

Так жил и умер Александр Кастрен. В то время работа этнографа-лингвиста среди первобытных и малокультурных народов встречала огромные трудности и вела к преждевременной смерти. Одновременно с Кастреном, в том же году, на расстоянии менее шести месяцев, умер другой талантливый финляндец, Георг Валлин. Он был старше Кастрена лишь двумя годами и надорвал свои силы в трудных путешествиях по Аравии, Сирии, Египту. Он между прочим побывал и в Мекке, переодевшись хаджею.

И третий ученый, связанный с Россией и Академией наук, академик Г. И. Лангсдорф, в начале того же XIX века, но на десять лет раньше, совершал свое путешествие сквозь глубину Бразилии, тоже среди постоянных лишений и трудностей. Трудности эти в конце концов привели его к душевной болезни, от которой он уже никогда не мог оправиться. Он заплатил науке еще более тяжелую дань, чем Кастрен, ибо разум ценнее жизни. Физическая смерть Лангсдорфа имела место в том же 1852 г., как смерть Кастрена и Валлина.

Еще одна подробность. В тяжелых колебаниях своей болезни Кастрен имел несчастье встретиться с тогдашней медициной. И с некоторой жутью читаешь в его письмах описание той духовной и телесной помощи, которую он получал от присяжных целителей духа и тела.

В 1848 г. на возвратном пути из Восточной Сибири, не доезжая до Красноярска восьмидесяти верст, в селении Балай, с ним произошел тяжелый припадок.

«Я страдал от невыносимого кашля; кровь пошла горлом так сильно, что все присутствовавшие думали, что настал мой последний час.

Ночью произошел новый и сильный припадок. Я заснул и проспал 20 часов, и, вероятно, проспал бы и дольше, если бы меня не разбудили прибывшие из волости приказные. Их было пять человек. Во главе их стоял писарь, который прочел мне волостной приказ. Уполномоченные должны были переписать мое имущество и забрать мой труп для вскрытия. Чтобы мне было понятнее, приказ прочли мне три раза.

Вошла и другая депутация, отправленная, вероятно, церковным советом. Эта депутация самым настойчивым образом убеждала меня призвать священника и покаяться в грехах. Они дали мне понять, что умирающие в таких случаях дарят церкви и ее служителям коров и тому подобное добро» (II, 448).

Это помощь духовная. Дальше появляется помощь телесная.

«Не успел он кончить, как послышался звук колокольчика и стук тарантаса, остановившегося перед моим домом. Вошло трое, врач, хирург и исправник. Красноярский губернатор приказал этим господам съездить в Балай и помочь мне.

Врач пустил мне кровь и прописал разные лекарства, но не в его власти было остановить третий припадок...

Опять мне пустили кровь и так удачно, что кровохарканье скоро прекратилось...

Благодаря частым кровопусканиям и другим приемам выведения крови моему врачу удалось предупредить острое проявление болезни...»

В Красноярске Кастрен написал завещание и дальше поехал вперед с ланцетом в кармане для тех же кровопусканий.

Причиной преждевременной смерти Кастрена обыкновенно признают лишения, которые он вынес в своих поездках. Но нельзя упустить из виду эти постоянные врачебные кровопускания, которые приходили на подмогу к кровохарканью, чтоб вытягивать кровь из организма Кастрена. У него просто крови не хватило вдвойне для чахотки и для тогдашней медицины...

Как рождаются люди, подобные Кастрену? Чтобы понять Кастрена, нужно прежде всего припомнить основные черты его биографии.

Он родился 2/XII 1813 г. в далекой финляндской глуши, в климате холодном и суровом, на 66° с. ш., почти на самой черте северного полярного круга. Таким образом, со дня рождения он знал незаходящее летнее солнце и долгие шестинедельные полусумерки зимы.

В этом климате родилась выносливость Кастрена. Тут рано привыкают к снегу. Кто, скользя вниз по обрывам на лыжах, не держится прямо, тот трус. Здесь мальчишки на рассвете уходят на охоту. Они вырывают себе яму в снегу на опушке леса и, спрятавшись туда, ждут приближения добычи.

«Как и прежде, мне казалось лишь веселой игрой скользить по бурным волнам сквозь пену налетающего шквала» (I, 72).

Условия материальные были не менее суровы. Мать Кастрена после смерти мужа осталась вдовой с восьмерыми детьми. Она получала пенсию в 90 рублей в год. Ей помогал натурою торговец-брат, зимою мясом, летом рыбой, а к Рождеству и Пасхе он посылал ей голову сахара и десять фунтов кофе. Вся жизнь проходила под знаком натурального хозяйства. Даже в университете Кастрен носил одежду, выработанную и сотканную руками его матери.

Другой дядя по отцу помог молодому Кастрену окончить гимназию и поступить в университет. Кастрен рано начал жить уроками и время свое делил между латинской грамматикой и спортом. Все его свободное время уходило на игру в мяч, плавание, катание на лыжах и коньках.

Такая тренировка потом пригодилась Кастрену в его путешествиях. И в описании своей первой поездки он рассказывает: «Мы целыми днями ходили по полям и лесам, пробирались на многие мили сквозь топи и болота, помогали нашим лодочникам тянуть лодку бичевой и перетаскивать вещи по берегу, обходя стремнины» (I, 8).

В университете Кастрен упорно занимался греческим языком и готовился к пасторскому званию. Это считалось в Финляндии завидной карьерой для одаренных и честолюбивых юношей. Пасторское место давало материальный достаток, и порою профессора и директора школ меняли свою школьную науку на более доходную проповедь.

Уже из Сибири в 1847 г. Кастрен пишет одному из своих друзей: «Если в мое отсутствие освободится один из упомянутых пасторатов, то не забудьте упомянуть в моем послужном списке, что я в течение трех месяцев в Минусинском округе исполнял обязанности могильщика (т. е. раскапывал курганы). В Академии наук можно получить об этом лучшее удостоверение» (II, 354).

Этот мрачный юмор был в высшей степени свойствен Кастрену.

В университете Кастрен проявил исключительные способности, энергию и усидчивость в изучении языков. После латинского и греческого он занимался восточными языками. Так, в письме к академику А. И. Шёгрёну от 28 сентября 1838 г. он пишет: «Я намерен посвятить себя всецело изучению литературы Востока, в особенности семитических языков». Потом, под влиянием «Калевалы», он перешел к изучению собственного финского языка, далее перешел к другим финским наречиям, к карельскому, эстонскому и лапландскому.

В то время финляндское национальное сознание едва пробуждалось. И в студенческих землячествах на собраниях возбуждались такие вопросы: вправе ли одна нация (т. е. шведская) поработить другую, менее цивилизованную (т. е. финляндскую) под предлогом того, чтобы поднять ее до своей культуры?

Финский язык и культура, кроме шведского давления, подвергались, разумеется, и русскому. Через 12 лет Я. К. Грот, отмечая, что Кастрен назначен ординарным профессором финского языка и членом университетской консистории, тут же указывает, что «финский язык при экзамене не требуется». Неудивительно, что Кастрен на своей новой кафедре чувствовал себя не особенно прочно.

Там же Грот отмечает, что «было запрещено печатать на финском языке все, кроме предметов, относящихся к религии и сельскому хозяйству».

Тридцать студентов, товарищей Кастрена, подписало обязательство изучить финский язык и доказать свои познания в нем перед землячеством.

Для Кастрена это обязательство юности сделалось долгом и культом.

Первая статья в первом томе его сочинений открывается как бы присягой:

«С пятнадцатилетнего возраста я принял решение труд моей жизни отдать изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий финского племени и других родственных племен» (I, 3).

Эта статья помечена 1838 г., когда Кастрену было всего 25 лет от роду.

Так воспитывался и вырос Кастрен как лингвист.

Раньше было упомянуто, что его первая профессорская лекция за год до смерти открывается той же присягой, но только вместо «с пятнадцатилетнего возраста» сказано: «пятнадцать лет тому назад». Между этими двумя датами 15 и 15 протекла вся рабочая жизнь Кастрена.

В полевой лингвистической работе Кастрен не знал усталости и был одинаково беспощаден к себе и к другим. Своих переводчиков и помощников-туземцев он доводил до полного изнеможения. Он сам рассказывает, как его переводчик-самоед вначале усердно исполнял свои обязанности, но через несколько часов дошел до полного отчаяния. Он чувствовал себя больным, катался по полу, плакал и стонал, подползал к ногам Кастрена и просил пощады, пока неумолимый и неумолимый лингвист, потеряв терпение, не выбросил его за дверь (I, 180).

Бедный самоед потом отдохнул на снегу вблизи кабака. Так как до того Кастрен называет его самым умным и трезвым человеком на всей Канинской тундре, то можно, пожалуй, предположить, что только полное отчаяние под воздействием лингвистики довело его хваленую трезвость до дверей кабака.

С другой стороны, Шифнер описывает, что в 1850 г. он часто присутствовал при занятиях Кастрена в Петербурге с различными самоедами, случайно приезжавшими с тундры. При этом Кастрен искусными расспросами заставлял самоедов с легкостью разрешать самые трудные вопросы, фонетические и лексикологические.

Кастрен заставлял туземцев склонять и спрягать слова их языка как-то незаметно, этап за этапом.

Одновременно с этим отношение Кастрена к туземцам было глубоко человеческим в тот жестокий век, когда на туземца смотрели вообще не лучше, чем на зверя.

Острый взгляд Кастрена видел все притеснения чиновников, торговцев и вообще русских соседей по отношению к туземцам, даже угнетение более слабых племен более сильными.

Он передает, например, как русский смотритель хлебного магазина на Толстом Носу угрожал самоедам-должникам, что всех их сошлют в каторжную работу на золотые прииски, и перепуганные самоеды решили избавиться от этих угроз массовым самоубийством (II, 243). Ему стоило большого труда успокоить несчастных самоедов — водкой и добрыми словами.

«Правда, я не мог оспаривать полностью угрозы смотрителя», — прибавляет Кастрен с характерной осторожностью, — очевидно, от русского начальства можно было в то время ожидать всего.

В другом месте он рассказывает с полным знанием дела, как ижемские зыряне сперва отнимали оленей от ижемских самоедов всеми дозволенными и недозволенными способами, а потом от имени этих же уже безоленных самоедов заявляли притязания на всю юго-восточную половину Большеземельской тундры, стараясь оттянуть ее от северных самоедов, еще сохранивших свои стада (I, 255). Действовали зыряне при помощи мезенского земского суда, который, очевидно, был предварительно подмазан.

Такие взаимоотношения ижемских зырян и самоедов, как известно, продолжают и ныне. После Большеземельской тундры ижемцы явились и на Канинскую, перешли и на Ловозеро, в соседство с лопарями, распространились также и за Урал, как это описывает уже и Кастрен.

С другой стороны, Кастрен не обходит вниманием и ссыльнопоселенцев, которые умирали с голоду в негостеприимном Туруханском крае. Он отмечает, что большая часть состоит из крепостных крестьян, указывает и на все разнообразие ссыльных по религиозным делам, скопцов, духоборцев, раскольников и иных (II, 229). Особенно он выделяет духоборцев. Как известно, ссылка духоборцев в Туруханск продолжалась с перерывами до самого конца XIX века.

Также и по отношению к внутренним финским делам, к взаимному положению бедных и богатых классов, глаза Кастрена были не менее широко открыты. Так, в одной из своих статей по финской мифологии он приводит жесткий отзыв бедного крестьянина-таваста о старых рассказах и песнях: «Мы занимаемся больше хлебопашеством, чем такими пустяками». И в оправдание этого крестьянина он тут же передает рассказ его о том, как он разработал на чужой земле лесной участок и как через несколько лет его согнали с участка. «И богач завладел плодами моих трудов», — кончает рассказ крестьянин (V, 243).

«После этого отступления я возвращаюсь к моей собственной теме», — продолжает Кастрен.

Такие отступления весьма характерны для литературной манеры Кастрена.

В путешествиях своих Кастрен, как указано, отличался полной неустрашимостью. Так, он пишет академику Шёгрёну из Шадацкого Поста в Минусинском уезде, от 17 июля 1847 г.: «Я принял непоколебимое решение съездить в Китайскую империю, чтобы познакомиться с сойотами. Правда, такая поездка не упомянута в вашей инструкции и даже запрещена китайским пограничным регламентом. Но самая мысль о том, что происхождение сойотов останется неисследованным, для меня нестерпимее, чем опасность китайской тюрьмы».

И он совершил свою «рискованную поездку, через Саянские горы в небесное царство Его Китайского Величества. Вскрабкаясь по узкой дорожке, из Сибири ведущей на Китайское небо. Питался по дороге козьим и овечьим молоком и съедобными корнями, кандыком и сараной».

Любопытно, что другой биограф Кастрена Тиандер, очевидно, не питая влечения к сибирской этнической ботанике, исключает из своего перевода Кастреновых отрывков названия съедобных корней ([Тиандер 1904: 41]).

Научное наследство, оставленное Кастреном, настолько велико, что одно описание оставленных им рукописей и изложение его основных идей потребовало бы долгого труда и многотомного издания.

Он одновременно является лингвистом и этнографом, археологом, мифологом и, наконец, писателем-стилистом, полным сдержанного юмора и пламенных лирических описаний.

Его лингвистические работы не имеют себе подобных. Они вышли из глубины его творческого гения в украшенном и стройном виде, как Афина Паллада из головы Зевса. Они представляют череду грамматических правил, как фонетических, так и лексикологических, длинные ряды склонений и спряжений.

Мы не видим черной работы исследователя и также не имеем лексических документов, ни текстов, ни фразеологии.

Кастрен создал их как будто по наитию. Однако при проверке они оказываются правильными и точными. И если сравнить работу Кастрена с работой других современных ему исследователей, тоже одаренных и блестящих, различие выступает выпукло и отчетливо.

Так, Шифнер, обработавший с таким несравненным трудолюбием и искусством посмертное наследство Кастрена, в том числе и его тунгусскую грамматику, относительно лингвистических записей другого основоположника тунгусоведения, академика А. Миддендорфа, мягко замечает, что эти произведения писаны, конечно, не лингвистом, но тем не менее они имеют свое значение (IX, Vorwort, XII).

По этому поводу и Миддендорф спешит подтвердить, что он имел с тунгусами лишь беглые встречи, да и то они сговаривались с ним только по-якутски ((IX, 138)).

Но и встречи Кастрена с тунгусами тоже имели характер весьма беглый. Он использовал для этого остановку в Чите, где задержала его упорная и злая лихорадка. Там в промежутках болезни от нескольких нерчинских тунгусов он сделал ряд записей грамматических и лексикологических, из которых Шифнер потом извлек основы тунгусской грамматики.

У Миддендорфа мы видим как раз тунгусские тексты, отсутствующие у Кастрена, и притом весьма любопытные. Но вместо подстрочного перевода они снабжены вольной передачей, ничуть не объясняющей грамматического построения фраз.

Напротив того, тунгусская грамматика Кастрена до сих пор является классической, единственной в своем роде, и теперь, через три четверти века, ее приходится переводить с немецкого языка на русский для практических надобностей³ ([Кастрен 1926]).

³ К сожалению, перевод не особенно удачный, с неточностями и пропусками.

Все позднейшие работы в области тунгусской лингвистики, вплоть до второй четверти XX века, в сущности представляют лишь переработку грамматики Кастрена с некоторыми добавлениями.

Мало того, Кастрен в последние годы своей жизни составил план нового путешествия в Сибирь, именно для изучения тунгусов, как видно, например, из его письма к Снельману в марте 1846 г.

Финские биографы Кастрена предлагают Финно-угорскому обществу осуществить в ближайшем будущем предположения Кастрена. <...>

В области фонетики Кастрен отличался тонкостью и сложностью восприятия, далеко опередившего его эпоху.

«Сижу и прилежно изучаю широкое и узкое *e* в турецких наречиях», — пишет он из Минусинска (II, 365).

Е. N. Setälä даже упрекает посмертного редактора в том, что он не напечатал целиком подлинных записей Кастрена в их черновом виде. По его мнению, каждая отдельная запись и заметка Кастрена имеют особую цену.

Точно так же Кастрен сумел рано оценить значение физиологического анализа звуков. И в 1846 г. он пишет в своем дневнике:

«Изучение звуков перед зеркалом с точным наблюдением всех движений и действий звуковых органов будет оценено каждым серьезным ученым. Только таким образом можно выяснить факты фонетики, ибо они зависят главным образом от различного действия звуковых органов в разных языках».

Из своих лингвистических трудов Кастрен успел обнародовать при жизни лишь те, которые относятся к его финно-угорским исследованиям.

Сюда относятся такие работы, как:

1. “De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica”, 1839;
2. статья — “Om accentens inflytande i lappska språket”, 1844, переизданная по-немецки в 1845 г.;
3. “Elementa grammatices Syrjaenae”, 1844;
4. “Elementa grammatices Tscheremissae”, 1845, и, наконец,
5. “Versuch einer ostjakischen Sprachlehre”, 1849, вошедшая шестым томом в серию “Nordische Reisen und Forschungen” в 1858 г. и потом переизданная Шифнером в 1858 г.

Однако посмертное наследство, оставленное Кастреном, содержит в этой области много необнародованного даже и поныне, несмотря на огромное трудолюбие академика Шифнера.

Так, сравнительно недавно в бумагах Кастрена, сохранившихся в Финляндии в руках его потомков, была найдена финская грамматика, уже наполовину приготовленная к печати.

Монументальное издание трудов Кастрена в обработке академика Шифнера содержит 12 томов. Оно называется “Nordische Reisen und Forschungen”.

I. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844.

II. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849.

III. Vorlesungen über die Finnische Mythologie.

IV. Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völkerschaften.

V. Kleinere Schriften.

VI. Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre (два издания).

VII. Grammatik der Samojedischen Sprachen.

VIII. Wörterverzeichnisse aus der Samojedischen Sprachen.

IX. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre.

X. Versuch einer Burjätischen Sprachlehre.

XI. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre.

XII. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre.

Семь последних томов, посвященных лингвистике, содержат 20 грамматик различных языков и диалектов. Поражает у Кастрена обилие изученных диалектов. Так, в т. XI койбальское наречие сопоставлено с карагасским. В т. XII сопоставлены енисейско-остяцкий и коттский языки, причем для первого разработаны два наречия, инбацкое и сымское. В самоедской работе (т. VII) сопоставлены даже пять диалектов. Общее количество самоедских диалектов и говоров, отмеченных Кастреном, — 12⁴. Почти все эти языки были до Кастрена не изучены. Самое существование некоторых из них было не известно. До Кастрена в области познания сибирских туземных языков царствовал полный сумбур. Не было данных для классификации всего этого племенного разнообразия.

⁴ Любопытно, что в последнем письме в Академию наук, упомянутом выше, Кастрен пишет: «Я первоначально намеревался составить пять грамматик с соответствующими словарями для пяти самоедских наречий, но при ближайшем рассмотрении нашел более удобным и соответствующим требованиям филологии весь мой самоедский материал соединить вместе и пять наречий со всеми многочисленными говорами обработать сравнительно».

Об этом сумбуре свидетельствует, например, инструкция, полученная Кастреном еще в первую поездку от академика А. И. Шёгрена: Кастрену предлагается на севере распутать этнографический клубок и установить границы взаимоотношений различных племен самоедских и остяцких, положить конец недоразумениям и смешениям в этой области и разъяснить все относящиеся сюда противоречия.

В южной области надо уяснить отношения между самоедами, татарами и мелкими неизвестными племенами. Надо прежде всего разыскать эти племена и узнать, существуют ли, например, карагасы и сойоты или уже вымерли.

Как известно, карагасы и сойоты⁵ существуют и поныне. Карагасы, правда, близки к вымиранию. Но сойоты окрепли и даже на границе СССР учредили особую Танну-Тувинскую республику.

Тунгусов Шёгрена предлагает оставить вне поля изучения, так как они еще довольно многочисленны — успеется и после, — надо торопиться захватить остатки племен, уже исчезающих ныне.

И Шёгрена прибавляет с беспокойной настойчивостью:

«Недостаточно того, чтоб Кастрен собирал на ходу скудные словарные списки, как это делалось до сих пор, которые дают материал только для скудных и противоречивых гипотез. Нет, он должен стараться обследовать все грамматические построения языка, фонетику, морфологию, синтаксис, сделать текстуальные записи народной литературы, песен, пословиц. Собрать подробный географический словарь, установить топонимию, записать, наконец, предания, легенды и рассказы» (II, 511).

Программа Шёгрена не потеряла значения и в настоящее время. И несмотря ни на какие настояния, она слишком часто не исполняется совсем или исполняется частично и небрежно.

Между прочим, Шёгрена жалуется, что у койбалов записаны образцы языка сначала Фишером, потом Спасским, потом губернатором Степановым. Все эти записи не похожи одна на другую. По записям Фишера койбалы родственны коттам и аринам, по записям Спасского койбалы это — самоеды. По записям Степанова это — совершенные татары⁶. Шёгрена предупреждает Кастрена против записывания таких образцов языка.

Кастрен разыскал и определил все эти мелкие и мнимо исчезнувшие племена, вплоть до коттов, почти полумифических, давно похороненных учеными.

Такие воскресения похороненных племен случались и позже.

Нашел же В. И. Иохельсон в конце XIX века колымских юкагиров, тоже исчезнувших было из поля зрения науки.

Мало того, Кастрен объединил указанные племена вместе; связал их с самоедами и финнами и построил, таким образом, широкую и стройную систему, которую преемники его были не в силах понять и которая только теперь разворачивается перед нами во всей своей простоте и гениальности.

Надо указать, что по поводу этой удивительной системы родства алтайских и саянских племен вышеупомянутый Тиандер снисходительно упрекает Кастрена в том, что вместе со всеми научными авторитетами того времени он считал всемирный потоп догматом неопровержимым ([Тиандер 1904: 57]). Однако и в этом случае Кастрен интуитивно воспринял, что расселение праазиатских племен связано с изменением очертания внутренних морей и озер Средней Азии и Западной Сибири. <...>

<...> я хотел бы оттенить другую, еще более широкую схему, построенную Кастреном, которую до сих пор излагали без всяких комментариев или точно так же, как и первую, снисходительно старались опровергнуть.

⁵ <Под «карагасами» здесь подразумеваются тофалары, под «сойотами» — тувинцы.>

⁶ <Согласно А. Шифнеру [Castrén 1855: Vorwort, V—VI], в XVIII — нач. XIX в. койбалы жили в верхней части долины р. Енисей, входившей в Россию, и кочевали по его правому берегу. В объединение входили восемь родов, из которых пять были по происхождению самодийскими, а три — енисейскими (близкими коттам). По данным всех ученых, собиравших койбальские словарики до М. А. Кастрена, П. С. Палласа [СС 1790—1791], Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера [Ротаров 1957: 6—7], Г. Спасского [Ротаров 1957: 10—104], койбальский — это язык, очень близкий камасинскому, с отдельными тюркскими заимствованиями, максимальное количество которых видим в списке Г. Спасского, записанном в 1806 г., — около 30%. Начиная с материалов М. А. Кастрена, собранных в 1846—1847 гг., под названием «койбальский» фиксируется фактически один из диалектов хакасского языка; самодийские слова в этом списке встречаются очень редко. Таким образом, за 40 лет, разделявшие экспедиции Г. Спасского и М. А. Кастрена, произошел переход койбалов на другой язык. Специфических слов енисейского происхождения в этих материалах обнаружить не удастся. В записях губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова за 1824 г. койбалы, действительно, назывались татарами. Однако, поскольку списки, сделанные им, нам в настоящее время недоступны, можно лишь предполагать, что уже в этот период происходил переход койбалов на хакасский язык, который и был обозначен А. П. Степановым как «татарский» (это ранее использовавшийся термин для обозначения тюркских языков).>

Начну со взаимоотношения индоевропейских и финно-турецких языков.

Индоевропейские лингвисты, вплоть до настоящего времени, рассматривают этот вопрос не без примеси обычного западноевропейского шовинизма.

Приведу одну из множества цитат: «Тип языка, служивший средством выражения для Гомера, Софокла, Платона, для Данте, Шекспира и Гете⁷ и даже содействовавший тому, чтоб выработать такие труды, такой тип языка, конечно, должен был произойти от самого благородного и плодоносного зародыша» ([Steinthal 1893: 487]).

Даже завоевание было полезно для побежденных именно введением языка победителей. «Не безразлично, дается ли народу грубый или образованный язык, задерживающий мышление или содействующий ему». Дело идет о завоеваниях европейцев в Южной Африке.

Кастрен прежде всего выворачивает этот шовинизм наизнанку, ставит его, можно сказать, вверх ногами.

«Нам придется раз навсегда отказаться от родства с эллинами, с десятью коленами Израиля и другими привилегированными нациями», — говорит он, обращаясь к финнам (V, 122). «Но пусть нам служит утешением, что каждый человек — сын своих дел. Меньше риску быть сыном сапожника, чем сыном сенатора. Пока мы бобыли, так будем утешаться сознанием, что наши отцы тоже были бобылями. Я же с своей стороны совсем не забочусь о благородных предках и больше люблю таких, у кого в отцах состояли мельники, каменщики, вязальщики. Такова моя вера, и я горжусь, что с каждым днем открываю все больше совпадений между финским и сибирскими языками» (II, 144).

После этого шуточного отпора Штейнталу и прочим, написанного как бы заблаговременно, за 20 лет вперед, Кастрен переходит в наступление и прежде всего разрушает теорию раздельных человеческих рас, составленную Блюменбахом.

Его аргументы весьма простые, но до сих пор не опровергнутые.

«Разве есть определенные различия между кавказской расой и монгольской? По моему мнению, такого различия нет. Что бы ни говорили естествоиспытатели о различной формации черепа, остается тот замечательный факт, что у европейского финна приметы кавказской расы, а у азиатского — монгольской. Турок в Европе похож на европейца, а в Азии на азиата. Если же, исходя из данных физических, последовательно провести это различие, то пришлось бы одну половину финских и турецких народов отнести к кавказской расе, а другую к монгольской, — а это очевидная несообразность» (II, 161).

От различия рас Кастрен возвращается обратно к различию языков.

«Индоевропейские и монгольские языки в своем грамматическом строе не представляют никаких существенных различий, кроме тех, которые зависят от различной ступени развития их мысли» (II, 162). «Различие отдельных языков зависит не от разницы рас, а от различных ступеней культуры, на которой находятся отдельные народы» (IV, 17).

Современный финляндский критик нашел по этому поводу единственное возражение, что Кастрен не понимал, что раса и язык — две разные вещи. Критик забывает, что раса до сих пор не имеет точного научного определения. И в сущности единственное, что мы знаем в этой области, есть какая-то основная связь между расой и языком, совершенно несомненная, но тоже недостаточно выясненная.

Между тем формулировки Кастрена близки к некоторым формулировкам новейшей яфетической школы. И, во всяком случае, можно утверждать, что раса и язык теснейшим образом связаны друг с другом, хотя порядок этой связи для нас не ясен.

Таким образом Кастрен соединяет все народы обозреваемого им круга в одну непрерывную цепь.

«Поскольку родство финского и самоедского племен установлено моими изысканиями, а финны, очевидно, родственны туркам и татарам, то ближайшей задачей языкознания является установление родства между финнами и тунгусами при посредстве все тех же самоедов. От тунгусов прямая дорога ведет к манджурам, и далее к монголам ведут все пути» (II, 161).

В эту цепь сам Кастрен через посредство енисейских остяков⁸ включил и палеоазиатов. От палеоазиатов, продолжая его аргументацию, прямая дорога ведет к эскимосам и американским индейцам. Цепь таким образом постепенно удлиняется, и включает все новые звенья, и обходит весь северный мир.

Быть может, еще любопытнее отметить, что широкие и смелые обобщения Кастрена в своем существе являются не индуктивными, а скорее дедуктивными и, во всяком случае, интуитивными. Огромное обилие и разнообразие фактического материала является только подтверждением основной предпосылки. Это фундамент, подведенный после для большей прочности здания. Человеческое мышление по существу интуитивно. Истинный ученый с самого начала знает, куда надо стремиться, чего искать. То же и

⁷ Ни одного француза, ни одного славянина!..

⁸ «Енисейские остяки — старое название кетов. Кроме того, М. А. Кастрен собрал материал по коттскому языку [Castrén 1858].»

Кастрен с ранней юности знал, к чему стремился. Он нисколько не скрывал, что наука имеет для него определенную цель.

«Исследователь не может успокоиться раньше, чем будет найдена связь, соединяющая финское племя с какой-нибудь другой частью остального мира, большой или малой. Я вполне убежден, что такая связь действительно существует и даже в форме более очевидной, чем то посмела бы принять самая от- важная гипотеза» (II, 75 — написано в Сургуте в сентябре 1845 г.).

Это: «убежден, что такая связь действительно существует» — чрезвычайно характерно для всего мышления Кастрена.

Рядом с этим в своем введении к «Этнологическим чтениям об Алтайских народах» Кастрен подчеркивает:

«По-видимому, преобладавшее до сих пор умозрительное направление в науке сыграло свою роль, и теперь зарождается новое. Куда ни взглянешь, повсюду представители науки собирают факты, все новые факты. Мало заботятся о новых комбинациях, не ищут выводов — господствуют одни лишь факты.

Конечно, и теперь понимают, что набор разрозненных фактов не может послужить основанием для истинной науки, но сумма уже собранных фактов кажется еще недостаточной для построения новых систем.

Как бы то ни было, совершенно очевидно одно: в наше время науки приняли по преимуществу материальное направление. Вместе с другими науками так обстоит дело и с лингвистикой или сравнительным языкознанием» (IV, 6, 7).

Таким образом, Кастрен отвергает априорное, умозрительное философское направление. Его собственный метод представляет органическое сочетание интуитивного подхода и обильного накопления новых фактов, однако не разрозненных, а с самого начала до конца сочетаемых и связываемых вместе. <...>

Можно отметить, что сам он (Кастрен) ценил более свои этнографические материалы, относящиеся, во-первых, к самоедам, во-вторых, к енисейским осяжкам, и предполагал связать их в общее этнографическое описание (II, 467). Такого описания, как известно, не появилось. Для посмертной обработки этнографических материалов не нашлось другого Шифнера.

Мне остается отметить заслуги Кастрена в области изучения религии, в частности религии первобытной, ранней мифологии и магии. Его разносторонний гений и здесь успел овладеть огромным материалом, и далее дополнить его новыми данными, и свести все вместе в одно стройное целое.

В его чтениях по «финской мифологии» элементы западнофинские (собственно финляндские) сопоставляются с восточнофинляндскими — вплоть до остяков, — далее с лопарскими, самоедскими, турецкими, даже кетскими (енисейско-остяцкими).

Мы находим у него, например, такие указания: «относительно изображений божеств у турецких народов я не имею никаких других сведений, кроме тех, которые мне удалось получить путем личных расспросов у языческих татарских племен южной Сибири» (III, 230). Далее следуют драгоценные подробности в этой области, которая до сих пор остается скудно обследованной.

Точно так же сообщения Кастрена о духах и божествах енисейских остяков послужили стимулом к работе В. И. Анучина [Анучин 1914].

Встречаем у Кастрена и еще указание, что у кетов *Kins* означает одновременно «дух (злой)» и «русский». Такое же отношение к русским встречаем у различных северо-сибирских народов, которые вообще говорят, что русские и духи заразной болезни приходят вместе, с запада, от страны вечера.

У анадырских чукок вышло навыворот. Имя «казак» *kačak* стало применяться к злым духам.

Более удивительно, что у гиляков злой дух также *Kins*, как у кетов.

И рядом с этими полевыми фактическими сборами такие же поразительные построения в области теории. Воззрения Кастрена на магию, в сущности, опередили даже Тейлора и Спенсера и стоят на уровне современности.

«Искусство волшебства, магия, заклинания представляют более первобытную культурную стадию, чем вера в богов. Правда, впоследствии вера в богов позаимствовала из магии те или иные элементы; однако из веры в богов нельзя объяснить происхождение магии» (V, 235).

И далее: «Магия в своем возникновении не стремится к познанию мира, она выражает протест человека против ига природы и стремится ее победить не только бурными телодвижениями и непонятными словами, но также и усилием собственной воли» (V, 236).

Это указание на активность магии, на наличие волевого элемента, на стремление к борьбе с природой, а в дальнейшем и с духами, представляет очевидный противовес позднему учению об анимизме, где человек изображается пассивным перед властью могущественных духов. Эти духи, враждебные людям, приходят на помощь к избранникам, давая им шаманскую силу.

По мнению Кастрена, волшебник, шаман, сам стремится стать господином природы и, стало быть, и духов-помощников сам избирает себе.

(...) Также у Кастрена было отчетливое понимание того, что на самой первобытной стадии материальные изображения представляют не символы, не место обитания, не воплощение богов или духов, но сами по себе являются живыми и могущественными в своей первичной форме (V, 197). Деревянные фигурки сами съедают жир, которым им мажут рот.

Эти идеи и воззрения Кастрен применял к анализу религии западных финнов, стараясь, например, в «Калевале» отыскивать наиболее первобытные элементы. В этом смысле поразительна его глава «Об изображениях божеств и священных предметов» в указанном томе.

Таким же усердным и ценным исследователем Кастрен является в области археологии. Он занимался раскопками еще в юности в Финляндии и Лапландии. В Восточной Сибири его археологическая работа сосредоточивалась в Минусинском округе, где он был предшественником Адрианова и Аспелина. Он раскапывал курганы и списывал надписи с писаниц. Коллекции, пересланные им в Академию наук, состоят одинаково из предметов этнографических и археологических, как видно из его отчетов Академии наук.

И в археологии, как всюду, Кастрен остается верен себе. Так, описывая одну из абаканских писаниц, которую разбил губернатор Степанов, чтоб увезти часть надписи, Кастрен сравнивает разрушающую руку губернатора с рукою разрушающего времени и с отвращением отворачивается от бюрократического вандализма (II, 329).

Предметы этнографических коллекций Кастрен покупал для Академии на собственные средства, отчасти получал от разных лиц в виде подарков и пожертвований. В архиве Академии имеются различные счета туземцев, русских жителей и чиновников, связанные с коллекциями.

Например, «1846 года Апреля 19 дня я нижеподписавшийся Енисейскаго округа Надско-Пумпкольскаго управления Ясашной инородецъ Семень Петровъ Белозеровъ даль сию росписку Доктору Философiи Александръ Христьяновичу Г. Кастрень в томъ что обязуюсь я Белозеровъ вамъ доставить одежду нашего обряда какъ то парку, шапку, рукавицы и чарки за которую получилъ денегъ серебромъ пять рублей въ чемъ и подписуюсь личною прозбою инородца Семена Белозерова руку приложилъ Енисейский мѣщанинъ Григорiй Стъжныхъ» (орфография подлинника сохранена).

Академия наук впоследствии уплатила Кастрену по чрезвычайно дешевой расценке — в одном случае три рубля пять копеек, в другом случае пять рублей.

К сожалению, часть этих коллекций была растеряна за минувшие три четверти века, но многое сохранилось в МАЭ.

Сюда относятся одежда и оружие восточных самоедов и северно-енисейских тунгусов, несколько таргских и койбальских черепов из Минусинского края и т. д.

В великой и сложной науке о человеческих народах, в ее разделе, относящемся к северной Евразии, Кастрен занимает место, единственное в своем роде. Он был началом движения, первым биением творческой жизни. Это — исходный пункт, откуда разошлись многие и разные пути. Но по этим различным путям он шел одновременно и сам, и так далеко зашел, что мы, вышедшие после него на столетие, до сих пор не можем догнать его. Это зачинатель, опередивший продолжателей. Его человеческий образ сияет кристальной чистотой, его научные работы донныне не превзойдены.

Литература

Анучин 1914 — *Анучин В. И.* Очерк шаманства у енисейских остяков. (= Сборник МАЭ. Т. II. Вып. 2.) СПб., 1914. {*Anučin V. I.* Očerķ šamanstva u enisejskix ost'akov. (= Sbornik MAE. Vol. II. Part 2.) SPb., 1914.}

Кастрен 1926 — *Кастрен М. А.* Основы изучения тунгусского языка / Пер. с нем. *Пешковой М. Г.* Ред., примеч. *Титова Е. И.* Иркутск, 1926. {*Castrén M. A.* Osnovy izučeniĵa tungusskogo jazyka / Transl. from German *Peškovej M. G.* Ed. *Titova E. I.* Irkutsk, 1926.}

Переписка — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1—3. СПб., 1896. {*Perepiska Ja. K. Grota s P. A. Pletnevym.* Vol. 1—3. SPb., 1896.}

Справочный словарь 1880 — Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столѣтияхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Т. 2. Ж—М / Сост. *Геннади Г. Н.* Доп. *Собко Н. П.* Берлинъ — М., 1880. {*Spravočnyj slovar' o russkix pisatel'ax i učenyx, umeršix v XVIII i XIX stolětijax, i spisok russkix knig s 1725 po 1825 g.* Vol. 2. Ž—M / Sost. *Gennadi G. N.* Dop. *Sobko N. P.* Berlin — M., 1880.}

СС 1790—1791 — *Паллас П. С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Т. 1—4. СПб., 1790—1791. {*Pallas P. S.* Sravnitel'nyj slovar' vsex jazykov i narečij, po azbučnomu por'adku raspoložennyj. Vol. 1—4. SPb., 1790—1791.}

Тиандер 1904 — *Тиандер К. Ф.* Матиас Кастрен — основатель финнологии. СПб., 1904. (= Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904, май.) {*Tiander K. F.* Matias Castrén — osnovatel' finnologii. SPb., 1904. (= Žurnal Ministerstva Narodnogo Prosveščeniĵa. 1904, maj.)}

Castrén 1855 — *Castrén M. A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen / Bearb. von *Schiefner A.* St. Petersburg, 1855.

Castrén 1858 — *Castrén M. A.* Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.

Potapov 1957 — *Potapov L. P.* Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1957, 59. P. 1—104.

Setälä 1913—1918 — *Setälä E. N.* Centenaire de la naissance de M. A. Castrén // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. XXX. B. 1. Helsinki, 1913—1918.

Steinthal 1893 — *Steinthal H.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues / Bearb. von *Misteli F.* Berlin, 1893.

РЕЗЮМЕ

В данной статье приводятся биографические сведения о М. А. Кастрене (1813—1852), описываются яркие и даже трагические моменты его жизни, а также уделяется пристальное внимание его полевой работе среди представителей коренных народов Сибири. В статье показана разносторонность М. А. Кастрена как исследователя, подчеркивается важность его лингвистических и этнографических трудов.

SUMMARY

The author of the article provides biographical information about M. A. Castrén (1813—1852), describes the dramatic and even tragic moments of his life and pays attention to his field work among the indigenous peoples of Siberia. The author shows M. A. Castrén's versatility as a researcher and emphasizes the importance of his linguistic and ethnographic works.

Ключевые слова: полевая работа, коренные народы Сибири, лингвистика, этнография, уральские языки, алтайские языки

Keywords: field work, the indigenous peoples of Siberia, linguistics, ethnography, the Uralic languages, the Altaic languages

Словарь низямского диалекта хантыйского языка Часть I. А—S

1. Диалекты хантыйского языка

Среди других финно-угорских языков хантыйский язык отличается сильной диалектной раздробленностью: по разным классификациям насчитывается от 5 до 14 диалектов и множество говоров. Взаимопонимание между носителями географически далеких диалектов затруднено, хотя в принципе возможно. Вопрос о диалектной классификации хантыйского языка является достаточно сложным.

Во-первых, сложность связана с тем обстоятельством, что во многих исследованиях понятия «диалект» и «говор» употребляются недифференцированно. Действительно, разграничение этих терминов представляет собой самостоятельную проблему, относительно которой в лингвистике не существует единства мнений. В хантоведении к этому вопросу обратился, например, Г. Ганшов, предложив считать говорами (Mundart) одного диалекта такие идиомы, которые различны в своей фонологической и морфонологической структуре (например, ваховский и васюганский), а разными диалектами — те, которые различаются по своей морфонологической оформленности (например, казымский и обдорский). Такие критерии, однако, противоречат нашим эмпирическим представлениям и фактическому материалу. Так, Э. Шифер указал на расхождения между ваховским и васюганским в области фонетики и морфологии, которые, по его мнению, по крайней мере того же порядка, что и расхождения между другими хантыйскими диалектами, и, следовательно, они должны считаться диалектами, а не говорами. Имеются и другие работы на эту тему, но представляется, что эта проблема не имеет однозначного решения. Она связана с общетеоретическими представлениями авторов и, во всяком случае, не является абсолютно принципиальной.

Во-вторых, сложность адекватного отражения хантыйского языкового единства зачастую связана с самим характером материала. Хантыйский языковой ареал представляет собой практически сплошной континуум, в котором провести четкие границы практически невозможно. В такой ситуации «точечный» (часто монографический) метод описания отдельных идиомов не всегда позволяет отразить всю сложность и неоднородность отношений между отдельными диалектами и говорами.

Первые сведения о хантыйских диалектах относятся к XVIII в., а именно к рукописным словарям, составленным в рамках программы Академии наук по сравнительным словарям языков мира. Часть собранного материала (в основном по березовскому и юганскому диалектам) была опубликована П. С. Палласом в его сравнительном словаре, значительно большая часть остается неопубликованной и хранится в архивах. Отдельные хантыйские глоссы содержатся также в ряде этнографических работ XVI—XVIII вв.

Первыми записями текстов на обдорском и березовском диалектах стали «Переводы отрывков из Евангелий на северохантыйский диалект» священника П. Вологодского (1840—1841 гг.), изданные впоследствии вместе с указателем слов П. Хунфальви (1975 г.). Систематическое научное изучение хантыйских диалектов связано с именем М. А. Кастрена, составившего грамматическое описание иртышского и сургутского диалектов. Чрезвычайно богатый материал был собран в середине XIX в. А. Регули, записавшим фольклорные тексты на северохантыйских диалектах (березовском и обдорском). Эти материалы были обработаны, затранскрибированы и частично изданы Й. Папай; впоследствии изданием текстов А. Регули и записей самого Й. Папай занимались также М. Жирай, Д. Р. Фокош-Фукс и др.

На рубеже XIX и XX вв. исследованием северохантыйских диалектов занимался А. Альквист (1880 г.), а южнохантыйских — С. К. Патканов и Х. Паасонен. С. К. Патканов опубликовал часть своих материалов в 1911 г., а иртышский словарь был издан им совместно с Д. Фуком в 1902 г. Х. Паасонен оставил словарь юганского и кондинского диалектов и ряд других материалов по этим диалектам, обработанных впоследствии Э. Вертеш (1960, 1974 гг.).

Изучением всех диалектов хантыйского языка занимался К. Карьялайнен. Им был составлен словарь, включивший в себя семь диалектов:

- 1) иртышский (по рр. Иртыш, Демьянка, Салым, Обь, между Салымом и Самарово);
- 2) кондинский (по р. Обь, между Самарово и Березовым);
- 3) березовский (по рр. Казым, Вогулка, Обь, между Березовым и с. Мужы);

- 4) обдорский (по р. Обь и ее притокам, севернее с. Мужы);
- 5) сургутский (от устья р. Салым на юг и восток, по рр. Пим, Аган, Тромъеган, Балык);
- 6) ваховский (по рр. Вах и Обь, между Вахом и Верхне-Лумпокольским);
- 7) верхнеобской (по р. Обь, между Верхне-Лумпокольским и Васюганом).

В словаре К. Карьялайнена лексикографический материал снабжается точными пометами с указанием места сбора (Jg, Kam, VK, Kг и т. д.). В других работах К. Карьялайнен указывает на наличие 11 диалектов.

Благодаря этим работам в начале XX в. сформировалось общее представление о составе и границах хантыйского языкового единства. Уже в материалах С. К. Патканова и Д. Фукса, а также К. Карьялайнена намечались попытки разделения хантыйской языковой общности на несколько диалектных групп (в русскоязычной литературе в применении к ним иногда употребляется термин «наречие»). С. К. Патканов и Д. Фукс выделяют: 1) северную группу (обдорский, березовский и кондинский диалекты); 2) восточную группу (сургутский, верхнесургутский и нижнесургутский диалекты); 3) южную группу (иртышский, нижнекондинский и среднекондинский диалекты). У К. Карьялайнена южные и северные диалекты объединены в западную группу.

Работы вышеназванных авторов создали достаточно солидную базу фактических данных по хантыйской диалектологии и, в той или иной степени, охватили практически всю хантыйскую языковую область. Вопрос о более точной диалектной классификации, однако, оставался пока открытым.

Новый этап в изучении хантыйских диалектов связан с именем В. Штейница — автора многочисленных работ по разным областям хантоведения. Уточнив уже имеющуюся классификацию, В. Штейниц выделил три диалектные группы:

- 1) восточную (ваховско-васюганский диалект, сургутский диалект с юганским и тромъеганским говорами, салымский диалект);
- 2) южную (иртышский диалект, в т. ч. кондинский и демьянковский говоры, низямский диалект);
- 3) северную (казымский, березовский, шурышкарский и обдорский диалекты).

По мнению В. Штейница, деление К. Карьялайнена на две диалектные группы неправомерно прежде всего в морфологическом отношении, т. к. имеющиеся в морфологии южных и северных диалектов различия сопоставимы с расхождениями между северными и восточными диалектами, с одной стороны, и южными и восточными, с другой. В. Штейниц выделил несколько классификационных признаков, основными из которых являются:

- 1) наличие *s*-ового прошедшего времени (северные и восточные диалекты);
- 2) наличие немаркированного прошедшего времени (южные и восточные диалекты);
- 3) наличие инструментала как особого падежа (южные и восточные диалекты);
- 4) наличие вокалических чередований в склонении (восточные диалекты).

Существенно, однако, что по мере накопления диалектного материала постепенно сформировалось представление о смешанном характере некоторых диалектов (говоров). Так, П. К. Животиков выделял четвертую диалектную группу — среднеобскую, занимающую промежуточное положение между северной группой, с одной стороны, и южной и восточной, с другой [Животиков 1942]. С тех пор в русскоязычном хантоведении термин «среднеобской диалект» закрепился за низямским и смежными ему диалектами, хотя практически не употребляется в зарубежных работах.

Утверждение, что «смежные диалекты (на границе двух различных групп диалектов) включают в себя ряд особенностей соседних групп диалектов», было сделано еще В. Штейницем [Штейниц 1937: 196]. Промежуточным диалектом между южной и северной группами он считал атлымский (низямский) диалект, а между южной и восточной — салымский. Действительно, мало исследованный салымский диалект в области фонетики, например, обнаруживает примечательные изоглоссы с восточными (отражение прахантыйских **č*-, **k*- + велярный) и южными диалектами (отражение прахантыйских **i*, **ɛ*) [Honti 1984: 13]. На промежуточный характер низямского диалекта (говора) п. Кеуши, который в фонетическом отношении приближается к северным диалектам, хотя по морфологическим особенностям стоит ближе к южным, указывал также П. Хайду. Этой же проблеме посвящен доклад Э. Вертеш на Международном конгрессе финно-угроведов, в котором промежуточными диалектами считаются шеркальский, низямский, атлымский и кеушкинский, т. е. так называемые среднеобские диалекты. Промежуточным между казымским и шурышкарским диалектами является говор с. Теги.

Таким образом, классификационные критерии, предложенные В. Штейницем и отчасти Н. И. Терешкиным, являются вполне достаточными для создания общего представления о выделении крупных диалектных групп (наречий), однако следует учитывать также диалектные системы, занимающие промежуточное положение между тремя наречиями. Представляется, что наиболее удачно хантыйское языковое

единство моделирует круговая схема Л. Хонти [Honti 1984: 14], которая учитывает неоднородный характер междиалектных отношений.

Кроме того, при более детальном изучении хантыйского языкового ареала становится очевидным, что хантыйские диалекты (говоры) представляют собой практически сплошной континуум. Более дробное деление (на говоры) может быть проведено в пределах каждого диалекта. Действительно, для северных диалектов (например, для березовского) говоры описываемых точек (соответственно, пунктов в диалектной классификации) являются более или менее случайными, т. к. зависят от степени известности и описанности того или иного идиома. Классификация К. Редечи [Rédei 1965] включает в березовский диалект говоры населенных пунктов Березово, Шурышкары и Мужы, поскольку эти идиомы были отражены в литературе. В то же время изменение фонетических и в меньшей степени грамматических признаков от с. Теги (на средней Оби) до с. Катравож (на нижней Оби) происходит постепенно, и провести диалектные границы, основываясь на нескольких классификационных критериях, в этом ареале практически невозможно. В ситуации сплошного континуума наилучшим способом фиксации диалектного материала может быть метод лингвистической географии.

В настоящее время принято предложенное Н. И. Терешкиным деление хантыйских диалектов на два массива: 1) массив западных, или собственно хантыйских диалектов, куда входит и среднеобской (в т. ч. и низямский) диалект; 2) массив восточных, или кантыкских диалектов [Терешкин 1966: 320].

До настоящего времени отсутствовал отдельный словарь низямского диалекта. Наиболее полный материал по нему представлен в словаре [DEWOS]. Подавляющее большинство данных [DEWOS] по низямскому диалекту было собрано К. Карьялайненом более ста лет назад (1898—1901 гг.). Незначительное количество низямских слов в [DEWOS] было собрано В. Штейницем и Н. И. Терешкиным в середине XX в.

Материал предлагаемого ниже словаря был собран у информантов из с. Кышик Ханты-Мансийского района ХМАО (Тюменской области) в 2011—2012 гг.: Никоновой Антонины Николаевны, 1959 г. р. (полный словарь), Харанзеева Михаила Васильевича, 1942 г. р. (отдельные части словаря), Харанзеевой Анны Васильевны, 1935 г. р. (отдельные части словаря), Калягиной Тамары Григорьевны, 1943 г. р. (отдельные части словаря), Шалагиной Лидии Васильевны, 1951 г. р.

Как показывает сравнение транскрипции наших полевых записей, сделанной А. А. Козловым в 2013 г., и данных [DEWOS] по низямскому диалекту, в нем произошел ряд изменений в системах гласных и согласных фонем. Мы надеемся, что полный анализ этих изменений будет опубликован в дальнейшем. Аудиоверсия словаря доступна по электронному адресу: <http://dialect.at.ispras.ru/>.

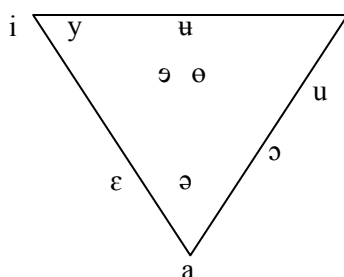
2. Инвентарь фонем низямского диалекта хантыйского языка¹

2.1. Консонантизм

р	t		с	k g	χ
w	θ ð	ʃ	ε		
	n r	l	ɲ ʎ j	ŋ	

2.2. Вокализм

2.2.1. Звукотипы

2.2.2. Фонемы

i	ɯ	u
	ə	
ε	ə	ɔ
	a	

¹ Замечания по фонологии низямского диалекта хантыйского языка являются предварительными и никоим образом не претендуют на окончательность.

3. Аллофоническое варьирование фонем в низямском диалекте хантыйского языка

3.1. Огубленный вокализм

В низямском диалекте представлено четыре огубленных гласных фонемы, все четыре встречаются исключительно в первом слоге:

- 1) очень частотная /ɔ/ — фонема заднего ряда среднего подъема;
- 2) /u/ — очень продвинутая назад фонема средне-верхнего подъема;
- 3) /ɯ/ — фонема средне-заднего ряда верхнего подъема;
- 4) /ø/ — фонема средне-заднего ряда средне-верхнего подъема.

1) С фонемой /ɔ/ ситуация довольно проста.
2) Фонема /u/ варьирует по степени подъема от средне-верхнего до верхнего в зависимости от консонантного окружения.

3) Фонема /ɯ/ имеет четыре базовых звукотипа:

— [y] после [ʎ];

— [u] перед [w];

— огубленный и неогубленный звуки средне-заднего ряда верхнего подъема, т. е. [ɯ] и [i] соответственно, во всех остальных контекстах.

После [w] всегда представлен [i], для остальных случаев можно предварительно сформулировать следующее правило: после губных перед [r] и [ʃ] выступает [i], в ином случае — [ɯ]. К этому правилу находятся считанные контрпримеры, но, к сожалению, на настоящий момент не хватает эмпирических данных, которые могли бы прояснить картину.

4) Фонема /ø/ имеет два базовых звукотипа: огубленный и неогубленный звуки средне-заднего ряда средне-верхнего подъема, т. е. [ə] и [ø] соответственно. Ситуация с распределением такая же, как и у предыдущей фонемы: после /w/ всегда представлен неогубленный вариант, после /n/ и /ɲ/ — очень сильно огубленный, в остальных контекстах распределение пока не найдено.

3.2. Фонема /ə/

На артикуляцию редуцированной фонемы /ə/ действуют два фактора — консонантное окружение и предшествующий гласный. При этом удельный вес данных факторов совсем не такой, как в русском языке: консонантное окружение гораздо «тяжелее».

Фонема /ə/ представлена основным вариантом [ə]. Кроме того, у нее есть варианты [ɪ] после палатальных и [o] перед губными в непервом слоге. Также /ə/ несколько уподобляется ударным гласным после зубных и веларных во втором слоге. В слоге после [ɛ] фонема /ə/, упреждаясь, дает небольшую палатализацию на предшествующем согласном.

Главное отличие фонемы /ə/ от [ə] и [a] — длительность, в произнесениях информантов, записывающих словарь, чаще всего не превышающая 0,09 сек. (конечно, с учетом того, что слова могут произноситься в разном темпе).

3.3. Рефлексы *l

В низямском диалекте казымско-шурышкарским латеральным спирантам / аффрикатам соответствуют: [t], [d], [θ] и [ð] — зубному, [c] и [ɟ] — палатальному.

Согласные [d] и [ð] находятся в отношении свободного варьирования. Распределение их с оставшимися вариантами неизвестно: непонятно, например, считать ли словарные входы [tarka] и [θarka] (шур. [ʎarka]) доказательствами свободного варьирования [t] и [θ] или разными типами освоения заимствования (возможно, еще чем-то).

Звонкие варианты встречаются только после гласных и звонких согласных, однако в этой позиции встречаются и глухие. Кажется, что все четыре варианта представлены в каритивном суффиксе *-li.

Фонемы /t/ и /c/, соответствующие казымско-шурышкарским /t/ и /c/, никогда не варьируют ни со звонкими, ни с фрикативными.

3.4. Разное

- 1) Фонема /w/ после /ɛ/ звучит как [ɟ].

2) После фонем /t/, /n/ и /ʎ/ гласные переднего ряда продвигаются назад, а согласные остаются непалатализованными.

3) Все остальные согласные перед гласными переднего ряда получают легкую палатализацию.

4. Словарь низямского диалекта хантыйского языка

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
1	a muǰ	почему-то, отчего-то
2	ac:ijti	показываться
3	agəmti	поднять
4	aǰ	маленький
5	aǰ pɛʃi	теленочек, оленочек до трех месяцев
6	aǰʃək	маловат (по размеру или возрасту)
7	aǰ:a	ну
8	amp	собака
9	amtəc:ijti	радоваться
10	amtəc:əti	радоваться
11	amtəŋ	радостный
12	amtəŋks	собачий
13	amət	радость
14	amət:i	обрадоваться, радоваться
15	an	чаша, чашка
16	an	не
17	an syn	посуда (букв.: чаша — берестяная четырехугольная посуда)
18	ananaǰe	ой-ой-ой! (выражает испуг, боль или страдание)
19	anas	аргиш (караван из оленьих упряжек с поклажей, домашней утварью)
20	aŋǰi	шиповник
21	aǰijθ	спать (в люльке)
22	aǰgəŋ	хитрый, ловкий, озорной, веселый, наглый, лукавый
23	aǰgəŋ	предприимчивый
24	aǰei	младший брат, младшая сестра
25	aǰei nɛ	младшая сестра
26	aǰ	много
27	aǰ sir	различный, разный
28	aǰ sɯw	песня
29	aǰ wɪrŋ	по-разному
30	aǰ wɪrpi	многогранный, разносторонний
31	ara	на много (частей)
32	ara wertɪ	увеличить (в количестве)
33	arat	столько
34	aǰijti	петь иногда, многократно
35	aǰijɛ	песенка
36	aǰiti	петь
37	art	пора, время
38	artaeti	намереваться
39	artətijti	определять, выяснять, устанавливать
40	artətiti	определить, выяснить
41	arteŋ	помногу
42	aǰət	столько
43	aǰeməti	умножиться
44	aǰeməti	запеть, пропеть, спеть
45	aǰeŋ	с песней
46	aǰʃək	много
47	aǰʃək	больше, побольше (по количеству)
48	as	река (большая)
49	at	ночь
50	at:əp	груз, переносимый на себе

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
51	ata χət:a	постоянно (букв.: ночью-днем)
52	atit	одинокий; отдельно, одиноко
53	atma	плохо
54	atma wəres	браковать, забраковать
55	atmæe	плохо
56	atəm	плохо
57	atəm	плохой
58	atəm ерəđəŋ	вонючий
59	atəŋχətən	день с ночью
60	atət	отдельный
61	at:i	показать
62	at:təti	закаливать (железо)
63	at:əsti	грузиться, тащить
64	aw	олень
65	awti	пахнуть
66	adəmti	разжечь, растопить
67	adəməti	схватить, тащить
68	adəm:əti	поднять, прихватить (уходя, взять с собой)
69	aŋka	грубое обращение к женщине
70	aŋkaŋki	бабушка (по матери)
71	aŋki	мать
72	aŋkəd	пень
73	aŋkəd	плывущее дерево
74	aŋkəm aεem	родители (букв.: мать-отец)
75	aŋcaei	дедушка (по матери)
76	aŋəd	подбородок
77	aεi karti	небо
78	aεidik aŋkiđi	без отца — без матери, сирота
79	aqəŋ	рано, до обычного срока, преждевременно
80	aqəŋfək	раньше, пораньше
81	aŋdi	неэкономный, расточительный
82	aŋdəti	экономить
83	aŋəŋ	экономный
84	saksəti	плюнуть; мазнуть; возродиться в ком-либо
85	sawtəŋ	сердитый
86	sawət	ругань
87	sawət:i	пругиваться
88	sawət:i	ругать, бранить; ругаться
89	sawət:ijti	ругаться
90	caj:i	показать
91	sikamət:i	очутиться, оказаться, попасть
92	sikəmti	сердитый
93	suχətijti	мыться, умываться
94	suχət:i	смыть
95	suχət:i	мыть
96	cəijiti	висеть иногда
97	cəiti	висеть
98	cəpəŋ	ласковый, нежный
99	cəpijəd	звенеть
100	cək:ar	врач, доктор
101	cεp	окрестности, окраина
102	cεpəŋ	вблизи, около, рядом
103	cεpəŋ	милый
104	i	один
105	i jəχa	вместе
106	i mut:i	недавно

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
107	i mut:ijn	как-то раз, однажды
108	i muχti	сразу
109	i pʉjəŋ	одновременно
110	i pʉʃ	одинарный, однослойный
111	i pʉʃa	совсем, навсегда
112	i χue jaŋ	одиннадцать
113	id	вниз
114	id	мужичок, старичок
115	idpi	низ
116	idpi ɛwət	из-под (откуда?)
117	idəm	стелька из травы
118	idən	внизу, в нижней части чего-либо, под чем-либо
119	iki	старик, мужик
120	ikɛm	одинаковый, равный
121	ikɛma	одинаково
122	imi	женщина, старуха; жена, замужняя женщина
123	imeŋ	женатый
124	in	теперь, сейчас, в настоящее время
125	inɛəsti	спросить
126	inɛəta	сейчас
127	is	душа
128	is χur	тьень
129	isa	всегда, все время, постоянно
130	isa ɛirn	совсем, совершенно
131	isən	период
132	it	один
133	it:a	снизу (где?)
134	iwdə pəsti	без роду, без племени
135	iei	тоже
136	ieiti	также
137	ieki	холод, мороз
138	iekijən pət:a	мерзнуть часто
139	ieməti	спросить
140	iəd (?)	простой
141	ipɛəsti	спрашивать, опрашивать, выяснять
142	ijkaeti	хвастаться
143	ijkətijti	нахвалить
144	ijni	окно
145	jaj	старший брат
146	jak	танец
147	jakijti	танцевать
148	jakti	танцевать
149	jakɛmijti	потанцевать
150	janəw	спокойный (также об олене)
151	jastijti	говорить, сказать
152	jastəti	говорить, сказать
153	jasəŋ	слово, речь; язык
154	jaŋ	десять
155	janɛti	пить
156	jidpatəti	обновиться; ожить
157	jidpi	родник, ключ
158	jidən	внизу
159	jidəp	новый
160	jina	правда, действительно, на самом деле
161	jintəp	иголка
162	jipi	филин

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
163	jir	край; грань
164	jir	жертва (приносимый в дар божеству предмет или живое существо, убиваемое при этом)
165	jira	набок; в сторону
166	jiritijti	завязывать часто
167	jirti	завязать, привязать
168	jirti	завязывать
169	jirəŋ	с гранью, имеющий грань
170	jirəməti	свернуть в сторону
171	jiresti	совершать жертвоприношение
172	jis	век, время
173	jis putər	старинный рассказ
174	jisəŋ	вечный, долговечный
175	jit	сустав
176	jiti	прийти, приехать
177	jitəŋ	вечером, в вечернее время
178	jit:a	издалека
179	jiw puχ	родной сын
180	jīwdəŋ	отчим (муж матери по отношению к ее детям от предыдущего брака, неродной отец)
181	jīŋk	вода
182	jīŋki	мокрый
183	jīŋkəŋ	мокрый, сырой
184	jīŋkeŋ	водянистый
185	jīŋti	безводный
186	jīŋəd	туесок, берестяной кузов для сбора ягод
187	jud	шов (место соединения сшитых кусков ткани, кожи)
188	judəŋ	дома
189	junt ut	игрушка
190	juntijti	играть
191	junt:i	играть
192	jur	зазнайство, заносчивость
193	juracti	форсить, важничать, зазнаваться (возомнить о себе, выказывая пренебрежение к другим)
194	jurəŋ χir	большая меховая сумка (букв.: ненецкая сумка)
195	jurəməti	забыть
196	jurəmətijti	забывать
197	juresti	хвастаться
198	jut:a	из дома
199	juwra	кривой
200	juwra	криво, вкривь и вкось
201	juwraŋfək	кривовато
202	juwədməti	сбросить, кинуть
203	juwərti	заворачивать, забинтовывать, перевязывать
204	juχan	река
205	juχan jər	русло
206	juχart	развилка, развилина
207	juχi	домой
208	juχti	из дома
209	juχti	назад
210	juχti pəda	обратный
211	juχtijti	приходить, приезжать
212	juχət:i	дойти, доехать; прийти, приехать
213	juχəl	юкола
214	jəm	черемуха
215	jəntəpsi	шитье

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
216	jəntəsti	шить, заниматься шитьем
217	jənt:i	шить, вышивать
218	jənt:i	зашить, заштопать, починить
219	jəwdijti	подметать часто
220	jəwpsi	бросание, сбрасывание, кидание, выбрасывание, разбрасывание
221	jəwpsijti	кидать, бросать
222	jəwəpsəp	веник
223	jəwət:i	развеваться; болтаться, свисая или вися свободно; качаться
224	jəŋxreməti	храпеть
225	jəʃ	рука
226	jəx	люди, мужчины
227	jəxart	развилка
228	jəxartəŋ	имеющий развилки
229	jəxremijti	храпеть
230	jəxəm	хвойный лес
231	jəgəŋ	сильный
232	jəm	хороший
233	jəmaəti	стать лучше; мириться, помириться
234	jəməs	хорошо
235	jəmət:i	зажить (о ране)
236	jəmʃək	лучший
237	jəp əti	лосниться от грязи
238	jəp sət	девяносто
239	jəp xəs	девятнадцать
240	jərc jaŋ	девять
241	jərc jaŋmit	девятый
242	jəŋxsəti	сходить, обходить
243	jəŋxiti	ходить, ездить; сходить, съездить
244	jəŋxtijti	ходить, ездить, летать
245	jəŋxəmijti	ходить, ездить, летать
246	jəpəti	пить
247	jədpi	под (куда?); вперед
248	jədpi	до, прежде, раньше, заранее
249	jədpijən	впереди, далеко, вдалеке
250	jədti	вперед, дальше, впрдь
251	jədti juxti	взад-вперед
252	jədti wədti	вперед, в будущее
253	jədən	впереди, далеко, вдалеке
254	jəkər	болото; заросшее болотистое место
255	jəm	священный
256	jəm	запрет (букв.: святое, свято)
257	jəm pəsi	запретный, священный
258	jəmtijti	закрывать
259	jəmət:i	соблюдать запрет
260	jəmən	священный, святой
261	jərmak	парча, шелк
262	jərmət	тесный
263	jərnas	рубашка, платье
264	jərt	дождь
265	jətna jis	вечером
266	jətən	вечер
267	jətʃəti	закончиться, сготовиться (стать готовым)
268	jətʃətijti	закончить; довести до конца
269	jədəm	стыд
270	jədəmti	бесстыдный
271	jədəmtəti	пристыдить

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
272	jeðemət:i	смущаться, стыдиться
273	jeðeŋʃək	поодаль
274	jeŋk	лед
275	jeŋkəŋ	ледяной
276	jeŋta	круглый
277	jeɛad	навстречу
278	jeʃa	немного
279	jeʃa jeʃa	чуть-чуть
280	jeʃa wəd	скоро
281	jeʃaeti	бороться; беспокоиться, беситься
282	jər	сила, прочность
283	jərđi	бессильный, слабый
284	jərəŋ	сильный, прочный
285	jəɛ	острие (тонкий, заостренный, колющий конец); острый
286	jəɛtjti	цеплять на острие
287	jəɛtəti	нацепить на острие
288	jəɛəŋ	с острием
289	jəʃ	дорога
290	jəʃən	дорогой
291	jukan	иной
292	jukan	вместо
293	jukana	вместо
294	jukant:i	наделить паем
295	jurijən	после
296	jurn	ненец
297	juweməti	стать
298	jux	дерево
299	kadtəŋ	причал судов, пристань
300	kaj	восклицание, выражение удивления, восторга (междометие)
301	kamən	на улице, на дворе; снаружи
302	kar	парша, короста
303	kar	кора
304	kar θuŋ	гвоздь
305	karkam	бойкий, проворный, расторопный
306	karkama	бойко, проворно
307	karti	железо
308	kartəŋ	металлическая чашка
309	karəmijti	повернуться
310	karəməti	повернуться, посмотреть
311	karəməti	кружиться
312	kastəpsi	переселить
313	kasət:i	кочевать
314	kasət:i	перекочевать
315	katra	старый, давний, существующий с давнего времени
316	kat:i	держать, придержать
317	kawrəm	горячий
318	kawərt	кипятить, вскипятить
319	kawərt	кипеть
320	kawərti	кипеть, варить
321	kawəɛ	вредный человек
322	kawəɛti	кривляться, шалить
323	kaɛ	штаны, брюки, ползунки
324	ka	трясина, зыбун; болото
325	ka əŋ	болотистый
326	kaʃ	воля, желание
327	kaʃti	безрадостный, невеселый, скучный

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
328	kaʃəŋ	каждый; всякий, любой
329	kidi	муж сестры, сестра жены
330	kidti	встать
331	kim	внешний, наружный
332	kiməd	край одежды
333	kimət	второй
334	kimət:i	повторно, вторично, во второй раз
335	kimət:i	наружу
336	kirti	запрягать, запрячь
337	kit:i	послать, отправить
338	kitθəti	отправлять, посылать
339	kiwart	иней, изморозь
340	kiðijti	вставать
341	kiŋca	по сравнению
342	kif	кап (березовый)
343	kəm	момент, время
344	kəŋ	печь
345	kərt	поселок, стойбище, небольшой населенный пункт
346	kərtəŋ	поселковый, живущий в поселке
347	kəca	хозяин, начальник
348	kəŋar	бедный, несчастный
349	kəci	кошка, кот
350	kədi	кровь
351	kədtac	богиня, прародительница духов-охранителей
352	kədəŋ	коровый
353	kəmən	когда, после того как
354	kəŋʃti	искать
355	kəŋʃətijti	заниматься поисками
356	kəri	стерлядь; молодь осетра
357	kəriji	похаживать, ходить не торопясь, прогуливаясь
358	kəŋət:i	ковырять
359	kəŋət:i	низать, нанизывать
360	kəŋəc	высокий
361	kəŋəc pədat	высота, рост
362	kəŋəcən	высоко
363	kəŋək	грех
364	kəsna	казна
365	kəsti	соревноваться, соперничать
366	kətna	надвое, пополам
367	kətsət	двести
368	kət:em	два
369	kətχuejaŋ	двенадцать
370	kəʃi	боль (физическая)
371	kəʃi təχem	рана, больное место (мое)
372	kəʃti	невесело, лениво, вяло, медлительно
373	kəd	веревка, тесемка
374	kem	возможность, образ способ
375	kem	приблизительно, почти, с
376	kema	с
377	ken	легкий
378	ken amət:i	стать легким; улучшиться
379	keŋʃi	меховые чулки
380	keŋʃək	легонько, слегка
381	kepa	хотя, хотя бы
382	kerəd	шкура, снятая с ног оленя
383	ker	наст

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
384	kercitijtəŋ	валяться
385	kerc:iti	валяться
386	kerdəti	повернуться, поворачиваться
387	kerdəti	вернуть, заставить вернуться обратно
388	keriti	отощать
389	keriti	завалиться
390	kerət:i	кружить, заставляя двигаться по кругу
391	kew	камень
392	keʃi	нож
393	keʎei	плотва, сорога
394	kirʃka	кружка
395	kisi	обруч, узкий обод (набиваемый на бочку, кадку для скрепления клепок)
396	kieəm	пьяный
397	kif	хотя, хоть
398	kört	поселок
399	kösər	игральные карты
400	kösəŋ	удачливый; упитанный
401	kud	толстый
402	kud suχ	толстая кожа
403	kudat	толщина
404	kudəŋ	густой
405	kulaeijti	драться
406	kumremət	грохотать
407	kunʃ	коготь зверя или птицы
408	kunʃti	царапать, чесать
409	kunʃtəti	чесаться
410	kunʃəp	гребень
411	kunʃəptəti	расчесывать
412	kunʃəŋ	когтистый, имеющий когти
413	kunʃemijti	царапнуть, почесать
414	kunʃemijti	чесать часто
415	kunʃeməti	царапнуть, почесать
416	kur	нога
417	kur eəχəe	икры ног
418	kurdi	безногий; не умеющий ходить
419	kurəmən	рысью; взволнованно
420	kurən	пешком
421	kurət:i	вытурить, вытолкать
422	kurəŋ	имеющий ноги
423	kurək	шилохвостка (дикая утка)
424	kurək	орел
425	kurəm	шаг
426	kut	промежуток, пространство между чем-либо, разделяющее что-либо
427	kutrəŋ	горький
428	kutəp	середина
429	kutərəp	среди, посередине; во время
430	kutərməti	драться
431	kutərt:i	треснуть, сильно ударить
432	kutəŋ	друг против друга
433	kutəri	тетерев
434	kut:i	не имеющий промежутка
435	kut:əp	средний, находящийся посередине
436	kutθəp	между, среди
437	kuwəe	гусь (меховая одежда из оленьей шкуры мехом наружу)
438	kuwəl	бубенчик
439	kuear	бурундук

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
440	ku aeti	вздорить, ссориться; драться, ударять
441	ku f	хотя, хоть
442	ku fti	чесать, царапать
443	ku l	злой дух; волк
444	ku li	скользящий, обтекаемый
445	ku liti	заскользнуть
446	ku lɛmɛti	скользнуть
447	ma	я
448	ma mu ne ɛptɛm	(моя) загадка
449	ma ka	сын
450	ma w	мед
451	ma wəŋ	медовый
452	mi j	тетка (по матери, младшая сестра матери)
453	mi n	мы (двое)
454	mi r	народ; люди
455	mi s	корова
456	mi t	плата
457	mi t:əti	нанять, нанимать
458	mi l	шапка
459	mu d χat	послезавтра
460	mu dta	что-то, что-либо, какой-то; нечто
461	mu dtas	излишек
462	mu dtəstəti	уволить
463	mu dχa	раньше, давно, вчера
464	mu dχat	вчера
465	mu j	что
466	mu j pa	почему, зачем
467	mu jkem	сколько
468	mu ntar	вязанка, охапка
469	mu r jam	болото
470	mu rta	достаточно, вдоволь
471	mu ŋ əti	закутать, укутать со всех сторон
472	mu χdaja	обходить, обойти кругом
473	mu χsəŋ	муksун (ценная промысловая рыба подсемейства сиговых семейства лососевых)
474	mu χti	сразу, вдруг, моментально
475	mu χəd	печень
476	mə j	гости; сваты, сватовство
477	mə j	находящийся в гостях
478	mə jdəpsi	угощение, гостинец, подарок
479	mə jdəti	угощаться; гостить
480	mə jɾəŋ	медведь
481	mə ɾəŋ	морщина
482	mə ɾəχ	морошка
483	mə sməŋ	нужный
484	mə sti	быть нужным
485	mə stəti	поцеловать, целовать
486	mə səŋ	возможно, может быть
487	mə ɛ	сказка
488	mə lɛəŋ	с малицей (зимняя одежда, сшитая из оленьих шкур мехом внутрь; покрой малицы глухой, с капюшоном; к рукавам малицы пришивают меховые рукавицы, которые шьют из камысов)
489	mə lɛɾei an tajd	без малицы
490	mə ɾeti	рассказывать сказки
491	mə nti	прежний, давний
492	mə ɾəχ	морошка

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
493	məŋχ	крот
494	məŋχti	вытирать
495	məŋχəsti	вытираться
496	məŋχəl	узел
497	məʃ	боль, болезнь
498	məʃmətijti	ушибаться
499	məʃti	безболезненный, не вызывающий боли
500	məʃəŋ	больной, болезненный
501	mədəŋ	озеро
502	məkɑr	горб, сутулость
503	məkər	дуга
504	məkərməti	сгорбить
505	məkəreəd	сгорбиться
506	məkəθəti	сгорбиться
507	mənti	идти, пойти, уйти, пройти; ехать, поехать, уехать
508	məŋʃti	оторваться
509	məriti	греметь
510	mərəm	скучно
511	mərəməti	скучать
512	mərəməŋ	скучный, печальный
513	məti	какой-нибудь
514	məti	дать
515	məti	давать, выдавать, подавать
516	məʃ	кол
517	məʃ	болезнь
518	məʃ ja	тупик
519	məʃ jajəŋ	тупик
520	məʃ jajəŋ	молча
521	məʃkam	молчаливо, молча
522	məʃək	кулак
523	məndəti	разгибать
524	məndəti	гнутья, погнутья, согнутья
525	mənəmti	вырвать, сорвать, сдернуть
526	mənəməti	выдернуть
527	mən əməti	загнуть, погнуть, согнуть
528	mən əti	сгибаться, загибаться
529	mən ijti	гнутья, сгибаться
530	mət	самый
531	məta	очень, особенно, еще
532	mətʃəti	сунуть, засунуть; затолкать
533	məwdi	язь
534	məwəd	грудь
535	məŋk	леший (в хантыйской мифологии человекообразное сказочное существо, живущее в лесу)
536	mə ək	оттепель, теплая погода (зимой, ранней весной)
537	mər	сноха (жена сына по отношению к его отцу)
538	mirməŋ	морщинистый
539	mərət:i	ломать
540	mɯw	земля (планета)
541	mɯwəŋ	земляной, содержащий много частиц земли
542	mɯŋ	мы
543	naj	огонь; солнце
544	namprəŋ	сор, мусор
545	namən	у берега реки; в низине
546	namət	игельница, подушечка для хранения швейных иголок
547	narəŋ	рычаг

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
548	nawrəpsi	скачка, прыжок
549	nawrəti	набегаться
550	nawremijti	припрыгивать
551	nawərti	прыгать, скакать; биться (о рыбе)
552	nawerməti	вскочить, прыгнуть, скакнуть
553	naŋk	лиственница
554	nik	к берегу (от суши к воде), на открытое место, к огню, от берега на глубину
555	nikti	вниз, к берегу
556	niməd	лыжи
557	nir	жердь, шест
558	num səŋ	умный (обладающий умом)
559	numəs	ум
560	numəs	умно
561	numəs	мысль
562	numəsti	думать, размышлять
563	nuri	постель, нары (приспособление для спанья в виде настила из досок)
564	nurəm	мост
565	nuwi	свет
566	nuðəsti	скоблить шкуру, заниматься выделкой шкуры
567	nuðəsti ut	скребок (орудие для выделки кожи, оленьей шкуры)
568	nuχ	обозначает направление движения снизу вверх или завершение действия
569	nuχ tadtı	вытащить
570	nuχ təmət:əti	одеваться
571	nuχti	кверху
572	nəpət:i	плыть; передвигаться по поверхности воды
573	nəpət:i	нести течением лед
574	nəχti	хромать
575	nəχər	шишка хвойного дерева
576	nəd	черенок, рукоятка какого-либо орудия
577	nəŋ	ты
578	nə	женщина
579	nə amp	сука (собака женского пола)
580	nəm	имя
581	nəmət	ничто
582	nəməŋ	специально, нарочно
583	nəpək	бумага; письмо; объявление; книга
584	nəf	оказывается
585	nıfa	бедность
586	nəj	сукно; шерстяная ткань с гладким ворсом
587	nəmdi	помнить; сохранять в памяти, не забывать
588	nəmtı	помнить
589	nəməd mətı	вспомнить, запомнить
590	nəmən	вверху, наверху
591	nəməsti	думать, размышлять
592	nəməsti	думать (время от времени)
593	nəpətəŋ	вековой, многолетний
594	nəpət	век; жизнь; длительный период времени
595	nəg	дужка (котла, чайника и т. д.); прутик
596	nəgət:i	нанизать на прутик
597	nəgəŋ	имеющий дужку
598	nəm	верх; верхний, находящийся в верхнем течении реки или в верхней части какого-либо населенного пункта
599	nəm pıjən	над
600	nır	зло, злоба; месть, возмездие за что-либо
601	nırđı	не имеющий дужки
602	nır gəŋ	имеющий дужку

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
603	nɤw	сук, ветка
604	nɤʃa	бедный
605	nɤʃajdi	безбедно
606	pa	и
607	pa muja	почему
608	pa χij	кто-то
609	pa χuta	где-то
610	pa χø	чужой
611	radti	жарить
612	raj	куча
613	rajdi	ровный
614	rajdi werti	ровнять
615	rajəŋ	холмистый
616	paknərtijti	пугать, напугать
617	paknərtijti	пугать часто
618	paknət:i	испугаться, пугаться
619	paknət:i	пугать часто
620	pakənti	испугаться, пугаться
621	pan	пологий берег
622	panne	налим
623	part:i	велеть, повелеть
624	patlama jis	поздно, вечером
625	raw	орнамент в виде зубчиков
626	rawərt	бревно
627	raei	снова
628	pid χø	друг
629	pidti wəeti	одинокий, не имеющий близких родственников
630	pir	прочь!
631	piriti	выбирать
632	pirməŋ	с оводами
633	pirea jiti	стареть
634	pireeməti	стариться, состариться
635	pirəm	овод; оса
636	pirəe	старый
637	riti	черный
638	riteəsti	начать, стать
639	ritər	край, кромка чего-либо
640	ritərən	около
641	rit:i	стать
642	rit:əeti	напроситься, навязаться в напарники; пристроиться
643	riða	совместно
644	riðaŋ	с другом; парный
645	riðe	друг, товарищ
646	riðeŋ	совместно
647	rie	возможность, способность, способ
648	rieəŋ	имеющий возможность, способность; чудесный
649	riʃjaŋ	пыжьян
650	rudijti	дунуть, задуть
651	rudti	дуть
652	run	жила, сухожилие
653	punti	складывать, класть
654	punemijti	класть ненадолго
655	pur	плот
656	purajən	когда, во время
657	purmas	вещь, предмет
658	purmasti	с имуществом, с вещами

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
659	purŋe	женщина фратрии; сказочный персонаж — грубая, неопрятная, злая женщина
660	purti	кусать, грызть
661	purətəti	занести снегом
662	purəanət:i	кусаться
663	purət:i	сверлить
664	purəməti	укусить, грызть
665	purji	пешня
666	putalji	ком, комок
667	putalʃeŋ	комковой, с комком
668	putrəŋ	разговорчивый
669	putrəməti	поговорить; побеседовать
670	putər	речь
671	putərti	говорить, сказать, разговаривать
672	putlaŋ	затылок
673	puɛ	кал, содержимое кишечника, выделяемое при испражнении
674	puɛti	испражняться
675	puʃeəŋ	слюна
676	puʃəɛ	сплетня, клевета
677	puʃχaɛti	обзавестись потомством
678	puʃti	пропитаться, намочнуть
679	puʃχən	с потомством, имеющий потомство
680	puχ	сын; мальчик
681	puχije	мальчонка
682	puχlʃe	пасынок
683	puχʃeŋki	мальчишка
684	pəd	стружка гнилого дерева, древесная труха
685	pəj	борт лодки
686	pəjti	куропатка
687	pəjtek	куропатка
688	pəjək	мольба, молитва
689	pəjəkʃti	молиться
690	pəjəkɛəti	молиться
691	pəgi	обряд приношения даров, угощения языческим божествам; обряд жертвоприношения; пир
692	pəgχa	парка (верхняя одежда)
693	pəgχajən	гусь, малица (верхняя одежда мехом наружу)
694	pəs	рукавица
695	pəs	знак, метка
696	pəsi	с меткой, имеющий метку
697	pəsiŋti	капать
698	pəstədi	сделать отметку, обозначить
699	pəstəti	сделать отметку, обозначить
700	pəsəmʃti	капать
701	pəsəŋ	имеющий варежку, с варежкой
702	pəsəŋ	с отметкой, с личным знаком
703	pətiŋti	застудиться
704	pət:i	остыть, остывать
705	pət:əptəti	остудить, застудить
706	pəʃəmpʃi	ткнуть, проткнуть
707	pəχti	растрескаться
708	pəsəkə	бочка
709	pərdəti	взлететь, полететь, улететь
710	pərəntiŋti	топтать часто, иногда
711	pərənt:i	топтать, затоптать
712	pərəɛ	свинья

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
713	pəsti	постирать
714	pəsŋəŋ	дымный
715	pəsət:i	доить
716	pəsəŋ	дым
717	pəsŋət:i	дымить
718	pəd	ухо
719	pədəp xə	ужасный, страшный
720	pədtap tətɪ	пугать
721	pədtaptɪ	страх
722	pədtaptɪjtɪ	испугать
723	pədtaptətɪ	испугаться
724	pədtapəŋ xəjət	пугать
725	pədtɪ	глухой
726	pədtɪ	бояться
727	pədəŋ	облако, туча
728	pənt	след
729	pərat:i	уничтожить
730	pəraɫ	сверло
731	pəraɫ	время, пора, период
732	pərijtɪ	сыпаться
733	pərkətɪjtɪ	отряхнуться, отряхивать
734	pərkət:i	отряхнуть, отряхивать
735	pərtɪ	умереть, умирать
736	pəsən	стол
737	pəsti	быстрый; острый
738	pətɪ	дно
739	pətɪjən	на дне
740	pətruχ	медь
741	pətɫam	темнота
742	pətɫama jis	стемнеть
743	pətɫamtətɪ	ждать темноты
744	pətɫamtətɪ	стемнеть
745	pəsar juχ	рябина
746	pəɛərt:i	выжать, выжимать
747	pədəŋa	комар
748	pədəŋajəŋ	комариный
749	pəntɪjtɪ	закрывать
750	pənət:i	закрывать
751	pərna	крест
752	pərnajəŋ	с крестом
753	pərtəetɪ	протискиваться
754	pəsi	траур
755	pəsət:i	носить траур
756	pəwdɪ	мерзнуть
757	pəwədɪ	плавать
758	pəwədɪ	мыться
759	pədə	на
760	pəŋk	зуб
761	pəŋktɪ	беззубый
762	pəŋkəŋ	зубастый, имеющий зубы
763	pəɛ	бедро, бок
764	pəɛə wəj	веревка, канат
765	pəɫka	настежь
766	pəɫək	сторона
767	pəɫət:i	поменять, менять, выменять
768	pəŋɛar	шаманский бубен

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
769	peʃi	оленок до года
770	pin	перо птицы
771	pin	моток
772	pinəŋ	имеющий шерсть
773	pir tən	лекарство
774	pit	котел, кастрюля, ведро
775	piʃi	задняя часть чего-либо
776	peʃədti	толкать
777	peʃəs	ограда
778	peʃəŋ	остров
779	puka	зоб птицы
780	pukaʃəŋ	с зобом
781	pukən	пупок
782	puk a	застежка
783	puŋ	нить
784	puŋ	шерсть, ворсинка, пух
785	puŋʃəcti	открыться
786	puŋʃti	открыть, открывать
787	puŋʃemijti	открывать быстро, часто, открывать ненадолго
788	puŋʃeməti	открыть
789	puʀi	медведь
790	puwət:i	вдеть нитку в иголку; нанизать
791	puw i	рыбий пузырь
792	puʃer	пробка
793	puʃertəti	заткнуть пробкой
794	puŋəd	бок, сторона
795	puʃ	раз
796	puʃkan	ружье, пушка
797	puʃkan ɛsət:a	стрелять из ружья
798	puʃ	ком еды во рту
799	puʃijən	кусочек
800	puʃeməti	схватить ртом, пастью
801	puʃeŋ	комковой
802	gat	очаг, костер
803	gaw	опилки
804	gawa	мелко (в порошок)
805	gawəŋ	с порошком, с крошками
806	giməx	сумерки
807	gimxəm	сумерки
808	gimxəmət:i	наступить (о сумерках)
809	runti	задержаться, задерживаться
810	runtijti	задерживаться часто
811	rusi werti	сделать кисти, бахрому
812	guseŋ	с кистями
813	gəm	спокойный
814	gəma	спокойно
815	gəma jiti	успокоиться, успокаиваться
816	gəman	неожиданно
817	gəmdeməti	успокоиться, успокаиваться
818	gəpəx	обман, притворство
819	gəpəxəŋ	обманчивый, притворяющийся
820	gəpəŋ	медлительный
821	gəxəndəw	грохнуть
822	gəkəntijti	падать часто, иногда
823	gəkənt:i	упасть, падать сверху вниз
824	gəp	ласточка-береговушка; стриж

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
825	гәс	редкий
826	гәса wertі	проредить
827	гәп	скарб
828	гәпака jiti	порваться, обтрепаться
829	гәпәмәти	трясти
830	гәхajна	удобно
831	гәхат:ijti	подогнать, совмещать
832	гәхи	подходящий
833	гәхина	удобно
834	гәхti	подходить
835	гәр	горка
836	гәрәп	горный
837	гәwijti	развеваться
838	гәсина	резиновый
839	гәрата	работа
840	гәrijti	работать
841	гәpit:i	работать
842	гәт	родня, родственники
843	гәт	род, вид, разновидность
844	гәw	жара, зной
845	гәwa	обрыв
846	гәwajәп	обрывистый
847	гәwtijti	мешать часто, иногда, размешивать
848	гәwәt:i	мешать, перемешивать
849	гәwәп	жаркий
850	гәwemәti	помешать
851	гәпkatijti	заходить в воду часто, иногда
852	гәпkti	брести по воде
853	гәе	русский
854	sac:i	слышать
855	sac:i	бессовестный
856	sadпәп	протухший
857	saj	укрытие, ограждение
858	sajkatijti	вывести себя из сонного состояния; выводить себя из состояния алкогольного опьянения
859	sajkat:i	вывести кого-либо из сонного состояния; отрезвить, отрезвлять
860	sajkemәt:i	отойти ото сна, проснуться; отрезветь
861	sajәк	трезвый
862	sajәп	из-за
863	sajәп	за, позади (где?)
864	sak:ar	сахар
865	sak:arәп	сладкий
866	sama rәт	пятнистый олень
867	san	гриб, растущий на дереве
868	sarәд	шея
869	sarпijе	шейка
870	sar	-ка
871	sawne	сорока
872	sawti wawti	шустрый, быстрый, проворный
873	saliti	галдеть; говорить звонко; зазвенеть
874	sax	сах, ягушка (женская шуба из оленьего меха)
875	sij	звук, шум
876	sij wertі	шуметь
877	sijdi	беззвучный
878	sijdi хәста	беззвучно-бесшумно, тихо-спокойно
879	sijәп	звучный, громкий

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
880	sijəŋa	громко, звонко
881	sijəŋfək	более громкий, более звонкий
882	sirinta	муха
883	sistam	чистый
884	sistama	чисто
885	sistamtəti	чистить
886	siχ	рулон, моток
887	siχti	собирать, сматывать
888	siχənti	собрать быстро, смотать быстро
889	siχəntijti	собрать ненадолго, смотать ненадолго
890	sud	соль
891	sudət:i	солить
892	sudəŋ	соленый
893	suri	чайка
894	surməŋ	смертный
895	surt	промежуток
896	surəm	смерть
897	surəmdi	бессмертный
898	surəmti	бессмертный
899	susəm	засохший; жесткий, твердый
900	susəmət:i	засушить, допустить засохнуть; дать возможность затвердеть
901	sudəŋ	соленый
902	suχ	шкура
903	suχ nır	одежда
904	suχant:i	кончиться, закончиться, прерваться, прекратиться
905	suχneməti	закончиться неожиданно быстро
906	suχta	глина
907	suχtajəŋ	глинистый, содержащий глину
908	suχəm	нить
909	suχəptəti	платить, выплачивать
910	səj	нырок
911	səjəm	речка; широкий, глубокий ручей
912	səm	чешуя; кожа, шкурка
913	səməŋ	с чешуей
914	səntəmiti	собраться
915	səpas	запас
916	səpasti wertı	запасти
917	səpastəti	запасть
918	səpasəŋ	запасливый
919	səpek	сапоги
920	səra	быстро
921	sərafək	быстрее
922	sərdi	просохнуть
923	sərsəm	просохнуть
924	sərt	щука
925	sərti	сохнуть, высохнуть; обмельть
926	sərəm	сухой
927	sərət:i	сушить
928	sərət:i	засохнуть
929	sərət:i	засушить, допустить засохнуть
930	səŋni	золото
931	səŋneŋ	золотой
932	səs	горностай
933	sət	сто
934	sətkem	сотый
935	sətəp	ножны

№	Хантыйское слово	Перевод на русский язык
936	sədamat	каша
937	səxəd	доска
938	səm	сердце
939	səmdi	без сердца; бессердечный, жестокий, бессовестный
940	səmpi	с сердцем, имеющий сердце
941	səməŋ	усердный, прилежный, старательный
942	səməŋa	усердно, прилежно, старательно
943	səŋ	лопата
944	səraŋ	коми-зыряне
945	səraŋ xər	большая лодка
946	səratijti	предлагать настойчиво
947	səratijti	бодаться
948	sərijε	лопаточка
949	səŋxəm	яр, высокий берег
950	səliti	звенеть; голосить
951	səxəŋ	имеющий шубу; с шубой
952	səm	глаз
953	səmdi	слепой
954	səmpi	имеющий глаза
955	səməŋ	глазастый
956	sən	гнида
957	səsi	ловушка, капкан
958	səw	коса
959	səw səwəpti	заплетать косы
960	səwraŋt:i	рубить, заниматься рубкой
961	səwti	плести, заплести
962	səwəm	вязаный
963	səwəpsi	черника
964	səwərməti	срубить, разрубить
965	səwərti	рубить; косить
966	səwəs	корма (лодки)
967	səŋkənt:i	бить, заниматься битьем; драться
968	səŋkijti	бить часто, иногда
969	səŋkti	бить, стучать
970	səd	кишка
971	sən	берестяная люлька для новорожденного ребенка; берестяной коробок для сбора ягод
972	səx	осетр
973	səxta	мотать, намотать; собрать в круг, в форму окружности
974	səxəm	шаг
975	səxət:i	обдирать
976	sədtəm	искра
977	sədtət:i	засолить
978	sədtəməti	засолить быстро
979	səmət	береза
980	sərt:i	сверкать
981	səs	осень
982	səwa	желудок птицы
983	səwesti	ревновать
984	səwesəŋ	ревнивый
985	sədi	солить

Сокращения

букв. — буквально

сек. — секунда

шур. — шурышкарский диалект хантыйского языка

Jg — юганский говор хантыйского языка
 Kг — говор юрт Красноярских на р. Конда

Kam — говор юрт Каменских на р. Конда
 VK — верхнекалымский говор хантыйского языка

Литература

Животиков 1942 — *Животиков П. К.* Очерк грамматики хантыйского языка: Среднеобской диалект / Ред. Русская Ю. Н. Ханты-Мансийск, 1942. {*Životikov P. K.* Očerik grammatiki xantyjskogo jazyka: Sredneobskoj dialekt / Ed. Russkaja Ju. N. Xanty-Mansijsk, 1942.}

Терешкин 1966 — *Терешкин Н. И.* Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки / Отв. ред. Лыткин В. И., Майтинская К. Е. М., 1966. С. 319—342. {*Tereškin N. I.* Xantyjskij jazyk // Jazyki narodov USSR. Vol. 3. Finno-ugorskie i samodijskie jazyki / Ed. Lytkin V. I., Majtinskaja K. E. M., 1966. P. 319—342.}

Штейниц 1937 — *Штейниц В. К.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Т. 1. М.—Л., 1937. С. 193—227. {*Štejnic V. K.* Xantyjskij (ost'ackij) jazyk // Jazyki i pis'mennost' narodov Severa. Vol. 1. M.—L., 1937. P. 193—227.}

DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.

Honti 1984 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica: Osztyák nyevjárásí szöveggyűjtemény nyelvtanyi vázlattal és történeti magyarázatokkal. Budapest, 1984.

Rédei 1965 — *Rédei K.* Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1965.

РЕЗЮМЕ

В данном разделе приводятся словарные материалы по низямскому диалекту хантыйского языка (от А до S), дается краткий обзор всех хантыйских диалектов, а также уделяется внимание инвентарю и аллофоническому варьированию фонем низямского диалекта.

SUMMARY

The authors deal with the dictionary of the Nizyam dialect of the Khanty language (from A to S), give a brief review of all Khanty dialects and pay attention to the inventory and allophonic variations of the Nizyam phonemes.

Ключевые слова: хантыйский язык, низямский диалект, лексика, инвентарь фонем, аллофоническое варьирование, вокализм, консонантизм

Keywords: Khanty, the Nizyam dialect, lexicon, phoneme inventory, allophonic variations, vowel system, consonant system

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.;

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluraltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluraltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluraltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB;

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;
- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;
- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >